

ТОБОЛЬСК
425
ЛЕТ

Вячеслав
Софронов

ВЕКА и СУДЬБЫ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
I. Город древний, город славный...	5
1. Феномен Тобольска, или О географии и истории	5
2. Летопись, где улицы - страницы	7
3. Легенда о ладейном городе	7
4. «Что в имени тебе моем...»	10
5. Город, где живет история (Тобольск в конце XIX века)	12
II. Век семнадцатый	17
1. Царская невеста в Тобольске, или Пагубное пристрастие к сладостям	18
2. Тобольское житие протопопа Аввакума	21
3. Юрий Крижанич. Изгнанник по призванию	26
4. Потомок римских консулов сибирский митрополит Игнатий	30
5. Мудрость божия и власть людская	36
III. Восемнадцатый век – эпоха авантюристов	40
1. О колоднике-расстриге и воздухоплавателе Феофилакте Мелесе	41
2. Тобояк Иван Зубарев – авантюрист или разведчик?	45
3. Государевы милости и страдальцы Мировичи	49
4. Несчастный племянник императрицы	53
5. Заложник века своего, или Последний сибирский митрополит	60
6. Пушкины в Тобольске	69
7. О бедном корнете замолвите слово	74
8. Варлаам Петров: строить и просвещать	78
9. Путешествие А. Н. Радищева из Петербурга в Сибирь	88
IV. Век девятнадцатый	96
1. Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Василии Пассеке...	97
2. Загадочный Гавриил	102
3. Михаил Сперанский. Испытание Сибирью	105
4. Петр Словцов. «Провидение ведет вас...»	110
5. Василий Перов. Неусыпный труженик	121
6. Петр Ершов – тобольский Нострадамус	126
7. Римское право и Володя Ульянов	140
8. Мученики Гермоген и Григорий – общность судеб	142
V. Литературные зарисовки	145
1. Александр Алябьев. «Без музыки не смею жить...»	145
2. Реквием свободе	151
3. Как Ершов к Пушкину в гости ходил	156
4. Столик Шалапина	159
5. Револьвер Троцкого	166

Заключение

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тобольску сказочно повезло не только в плане истории, но и в том, что на его земле родились, жили люди, чьи имена всегда будут неотрывны от слова – Россия. Не столь важно, что некоторые из них прожили в Сибири совсем недолго, но сам факт существования «тобольского цветника», из которого выросли, а потом разлетелись талантливейшие люди, заставляет задуматься о многом. Значит была некая аура у древней сибирской столицы, в которой произрастали эти таланты. Одним совпадением, а тем паче обыденным сомнением это объяснить трудно. И нужно ли ...

I. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОРОДЕ

1. ФЕНОМЕН ТОБОЛЬСКА ИЛИ ОБ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ

Наши предки знали, где и как ставить города. Может потому детища их рук живут столько веков, удивляя нас своей статью, стойкостью и копящимися век от века традициями. Еще древние славяне для своих селений обычно выбирали крутой уступ при слиянии двух рек, благодаря чему можно контролировать продвижение любых речных судов. К тому же за счет близости реки жители поселения обеспечивались не только неисчерпаемыми запасами питьевой воды, но еще и рыбным промыслом.

Не менее важно, что река, вплоть до настоящего времени была и остается «водным путем», по которому в летнее время путешественник мог преодолеть сотни верст, не обременяя себя запасами кормов для лошадей и перемещением значительного числа поклажи. Зимой, после того как водная поверхность замерзала, она становилась идеальным местом для санного передвижения, поскольку на ней почти не встречалось снежных заносов или поваленных деревьев, с чем путники неизбежно сталкивались, путешествуя через лесные массивы. Именно по этой причине вдоль рек располагалось большинство поселений, исчисляющих свою историю не одной сотней лет.

По морским и речным маршрутам пути велась торговля, перемещались воинские соединения, первопроходцы совершали свои путешествия, открывая новые территории, а вслед за ними шло распространение иных культур и цивилизаций. Именно речным путем двигалось русское население в Сибирь и дальше на восток, закладывая в узловых точках города и остроги, ставшие со временем опорными пунктами для следующих поколений переселенцев, вплоть до конца века, когда была проложена Великая Транссибирская железнодорожная магистраль.

Потому строительство Тобольска на месте слияния двух великих сибирских рек Иртыша и Тобола легко объяснимо: по Иртышу, а затем по течению Оби можно было попасть в богатую мехами Югорию и добраться до Ледовитого океана. Если в месте слияния Иртыша с Обью отправиться вверх по великой сибирской реке, то вполне можно добраться до Алтайских гор. Одним словом, Тобольск стал узловой географической точкой, которую не мог миновать ни один путешественник, держащий путь на восток. Вместе с тем речная сеть позволяла устанавливать быструю связь практически со всеми сибирскими регионами. Именно благодаря своему выгодному местоположению Тобольск стал, образно выражаясь, «отцом городов сибирских». Но это далеко не все преимущества, благодаря которым Тобольск почти на четыре века стал центральным сибирским городом, где в дальнейшем располагался губернский центр, а в годы советской власти город служил связующим звеном между северными и южными регионами Тюменской области.

Важность этого места хорошо понимали сибирские народы, пришедшие в эти края задолго до русского населения. Именно здесь кипела жизнь иных народностей и вполне благополучно развивались те или иные древние культуры. Их наличие также вполне объясняется выгодным географическим расположением области впадения Тобола в Иртыш. Если мы посмотрим на карту, то обнаружим, что эта точка равноудалена от центров Великой Степи и Великой Тайги. На юге Западной Сибири издавна развивалась цивилизация кочевых народов со своим бытом и традициями, на севере – общность рыбаков и охотников. Именно точка слияния полноводного Иртыша с Тоболом издревле было местом регулярного общения и соприкосновения представителей степной и таежной культур. Здесь встречались для обмена товарами жители севера и юга. Представители северных народностей привозили драгоценную пушнину, с юга поставляли скот и кожаные изделия, предметы искусства менялись на оружие, шла продажа рабов, обмен пленными.

Но есть еще один немаловажный фактор, делающий эту географическую точку уникальной и отличной от многих иных мест. Дело в том, что в ледниковую эпоху естественный бег рек был прегражден толщей льда, в результате чего на территории нынешней Западной Сибири образовалось гигантское море. За счет тяжести воды земная кора оказалась вдавленной на несколько десятков метров вглубь, благодаря чему и возникла береговая терраса, вдоль части которой пролегло русло полноводного Иртыша. После того, как ледник ушел, а вслед за ним исчезло и сдерживаемое им море, образовалось береговое плато, на котором ныне уютно расположилась нагорная часть Тобольска. А, как известно, берег древнего моря у всех народов мира имел магическую, сакральную силу. В таких точках языческие жрецы обычно совершали свои камлания, приносили жертвы богам, воздвигали капища, устанавливали своих идолов. Это подтверждают археологические находки древнего святилища на **Сузгуне** с медными бляхами-зеркалами.

Привлекали внимание эти возвышенности и мусульманских священнослужителей, отчего и получили название **Алафеевских гор** – от (тюркс.): Алла - Аллах, Бог и фал – горы, то есть **Горы Аллаха** или **Божественные горы**. Возможно, на них некогда обращали язычников в мусульман прибывшие из Бухары шейхи-проповедники.

В летописях зафиксировано, что в междуречье Иртыша и Тобола бежал мятежный род **Тайбугинов**, основавших свою ставку – **Искер (Кашлык)**, известную нам как столица Сибирского ханства. Их, несомненно, можно отнести к первым известным нам авантюристам, пожелавшим изменить историю на свой лад и добившихся своего. В середине XVI века на берегах Иртыша объявился другой авантюрист – **хан Кучум**, (его имя в переводе от «**кучу**» - пришелец, чужак, перекасти поле) происходивший из рода **Шейбанитов**, унаследовавших трон самого Чингиз-хана. С небольшим отрядом нукеров ему удалось каким-то образом захватить Искер и обосноваться там.

Притяжение древней земли не ослабевало и в 1581 г. сюда направляется дружина вольных казаков, прославивших себя грабежами торговых караванов на Волге, под предводительством атамана **Ермака**, обессмертившим этим походом свое имя, которое с тюркского переводится весьма недвусмысленно: **Прорва** или **Ручеек Промытый Водой**. Именно после него, промывшего дорогу из-за Урала в Сибирь, и начался прилив русского населения мирно расселившегося вплоть до самого Тихого океана.

Недаром эти реки восприняли свои названия: **Землерой** – разрезающий степи **Иртыш** и **Мутный** – **Тобол**, прячущийся между темных вековых лесов. Вокруг этой условной географической точки, как небесные созвездия вокруг Полярной звезды, совершали многовековой круговорот древние цивилизации, называя его Тимир-Кала Сибирь – **Железный Кол Сибири**, что аналогично коновязи, к которой привязывали пасущегося в степи коня. Богатства, которые стекались к нему, неизбежно притягивали разбойников, авантюристов и других непоседливых, неуспокоенных людей, не желающих заниматься традиционным хозяйством своих предков.

Отсюда **Сибирь** получила свое название: **Сибэ** (тюркс.) – бросать на землю и **Ир** – мужчина, то есть: **Разбросанные по Земле Мужчины** или **Земля мужчин**.

Феномен Тобольска можно воспринимать по-разному. Возможно, некое необъяснимое пока влияние оказали волны ушедшего древнего моря, оставившего свою силу и энергию в берегах, на которых стоит наш город. Немалую энергетику для человека могут иметь нефтеносные и газоносные пласты, лежащие под всей поверхностью Западно-Сибирской низменности. Могли повлиять на земную кору, где мы проживаем, сейсмические колебания, исходящие от зарождавшихся некогда Уральских гор. Интересны современные работы исследующие влияние вечной мерзлоты на человека, а ведь когда-то на Западную Сибирь надвигался ледник. Как доказано, вода, особенно замерзшая, несет в себе некий информационный код, передающийся человеку при определенных условиях.

А как не учитывать факт первого явления Чудотворного Образа Богородицы в **Абалаке** в 1636 году – точка отсчета Божественного покровительства Сибири?!

Вряд ли мы найдем одно точное объяснение тобольскому феномену без привлечения ученых из различных сфер науки. Будем надеяться, что именно кто-то из тоболяков даст ему объяснение. Но пока мы можем констатировать: Тобольск несомненно влиял и, будем надеяться, влияет до сих пор на судьбу России, поставив ей на службу целую плеяду замечательных личностей, которые составили его славу и славу всей Сибирской земли. А потому Тобольск надо любить, почитать, бывать в нем, чтоб пропитаться его энергетикой, добротой, исторической памятью.

2. ЛЕТОПИСЬ, ГДЕ УЛИЦЫ СТРАНИЦЫ...

«Город есть книга, в коей
всякая улица занимает страничку.
Будем прибавлять новые листы но
не станем вырывать старых».

М. П. Погодин.

Облик Тобольска, заложенного в 1587 г. на день Святой Троицы письменным головой Данилой Чулковым, формировался в течение нескольких столетий, каждое из которых оставило свой след в его истории. Это названия городских предместий, небольших речек, улиц, площадей, являющиеся историческими свидетельствами нашего прошлого. Потому вполне закономерно начать рассказ о городе с различных названий, сохраненных народной памятью.

Но прежде попытаемся разобраться как возникло само слово, – **город**, – произнося которое мы чаще всего не задумываемся о его происхождении. В современном понимании – это поселение, которому присвоен статус города. В словаре Владимира Даля слово «**город**» толкуется как «**городьба**», «**ограда**» возле селения, жилья, или населенное место, признанное за город, которому правительство дало городское управление. Образовано оно от слова «**городить**».

Но в старину городами называли окруженные рублеными стенами военные поселения, в которых жил воевода со стрельцами. Рядом с городом располагался **посад**, где селились крестьяне, ремесленники, то есть гражданское население. Значительно позже эти два названия объединились в одно, и теперь мы произносим привычное «**город**», подразумевая под ним все структуры и население, к нему относящиеся. К слову сказать, в России различались следующие города: столичные, губернские, уездные и безуездные или заштатные.

3. ЛЕГЕНДА О «ЛАДЕЙНОМ ГОРОДЕ»

Первоначально город получил наименование **Тоболеска**, но уже в начале XVII века это название исчезает из официальных документов и уступает привычному для нас слову **Тобольск**. С закладкой тобольского острога связана легенда, родившаяся скорее всего уже в XX веке. Основой для нее послужило упоминание в одной из сибирских летописей, что для строительства острога использовали **ладейный лес**. На основе этого и было сделано заключение, будто бы приплывшие на речных судах с Данилой Чулковым 500 человек московских стрельцов использовали свои струги (ладьи) для возведения острожных укреплений. Строительство велось с 4 июля по 6 августа 1587 г. Но вызывает удивление тот факт, что вокруг возводимого строения наверняка в избытке произрастали добротные хвойные леса и первопроходцам никто не мешал

брать для возведения стен и жилых сооружений этот самый лес, вполне пригодный для строительства, расчищая тем самым территорию вокруг вновь возводимого города. И вряд ли наши предки стали рушить столь необходимое им самим средство передвижения, то есть – речные суда.

Скорее всего, сторонники этой легенды взяли за основу слово **«ладейный лес»**, в то время как в старину под ладейным лесом подразумевался лес, называемый позднее **«корабельным»** или **«мачтовым»**, идущим для строительства морских и речных судов. Вот именно из такого качественного леса и был срублен первый тобольский острог.

В 1590г. Тобольск получил статус **«главного сибирского города»**, а в 1594г. воеводы Меркурий Щербаков и Михаил Волконский сделали **«из суденного леса город весь рубленный и острог поставили небольшой вокруг посада»**. (В этом случае «суденный лес» не истолковывается как материал от разобранных судов). В 1600 г. рубленный город переносится на другую сторону взвоза (западную) ближе к берегу Иртыша. Туда же переносится и Троицкая церковь. 17 марта 1785 г. Тобольск получил свой герб, который описывается так: **«в синем поле золотая пирамида с воинскою арматурою, со знаменами, барабанами и алебардами»**.

Если первоначально Тобольск был заложен как город-укрепление, то в дальнейшем не утратив этой функции, он постепенно расширялся в основном за счет верхнего и нижнего посадов. Его южная граница заканчивалась склоном Троицкого мыса, а северная в течении XVII вв. постоянно менялась, пока в 1688 г. не был возведен Земляной вал, ограничивший тем самым дальнейшее расширение городской черты верхнего города.

В 1610г. из-за реки в нагорную часть был перенесен мужской монастырь, заложенный во имя Зосимы и Савватия. Но при первом сибирском архиепископе Киприане его в 1623г. перевели в подгорную часть в устье речки, получившей позднее название Монастырки при устье ее впадения в Иртыш. На его месте в нагорной части сложился девичий монастырь во имя Рождества Богородицы.

В «Дозорной книге» 1624г. указывается, что непосредственно в городе находились боярский двор, государева съезжая изба, казенный амбар для ясака, пороховой погреб и другие постройки гражданской и военной администрации. На верхнем посаде был расположен гостиный двор и базар, где русские и бухарцы держали 52 лавки и 23 палатки.

Известно, что в середине XVIII века в верхней части города улицы носили такие названия. Рядом с Гостиным двором стояли дома Стрелецкого, Казачьего и Пехотного приказов. Там же находились Воскресенская и Троицкая церкви, давшие название центральным улицам. В продольном направлении по верхнему посаду проходили улицы: Буренская, Петропавловская, (переходящая в Никольскую), по берегу Иртыша — Яровая.

Эти улицы пересекались поперечными – Софийской, Слободинной, Зубчанинова, Сметанина, Юрова, Тутолмина, Барабирщикова, Шемелина, Полувальной, Острожной, Пименова, Коломыльцева, Ульяна Ремезова, Кобылянской, Закорюкиной, Дашкова и другие, получившие свои названия по именитым владельцам домов там проживающих.

Но в XIX века многие из них изменили свои названия, а часть из них совсем исчезла в ходе реконструкции. Вот главные из тех, что существуют и в наши дни: Острожная (Большая Сибирская), Малая Петропавловская (Челюскинцев), Петропавловская (Октябрьская), Большая Ильинская (Юрия Осипова), Большая Спасская (Ремезова), Аптекарская, Лазаретная (Свердлова), а также Троицкая.

Нижний посад Тобольска в первые десятилетия после закладки города располагался на небольшом отрезке между склоном горы и речкой Курдюмкой. Там находилась **Русская слобода** в 34 двора, посольский или калмыцкий двор, кузницы и **«государева торговая баня»**. В 1624г. строится первая в подгорной части города церковь, названная

Богоявленской. Возле самого Иртыша возникла так называемая **Татарская слобода**, где селились сибирские татары и бухарцы.

Улицы нижнего посада в XVIII века носили такие названия: Захребетная, Немчинова, Кожевникова, Архангельская, Толбузина и Березовская по реке Железинке, Благовещенская, Панова, Береговая, Юртовская, Ремезова, Большая Знаменская и Московская.

К середине XIX века многие из них получили иные названия. Так, одна из самых протяженных улиц, очерченная склоном Панина бугра, была названа благодаря большому числу находившихся на ней кузниц – Кузнецкой (ныне Алябьева). Затем шли следующие улицы: Новая, Ершовская (Зеленая), Малая Болотная, Ивановская, Большая Болотная, а меж ними переулочек Грязный, Малая Архангельская, Большая Архангельская, Слесарная. (Ныне им соответствуют такие названия: Менделеева, Грабовского, Горького, Перова, Ленина, а также Слесарная).

Далее шли: Солдатская – Гоголя, Андреевская – Володарского, Мокрая – Урицкого, Рождественская – Семакова, Пятницкая – Дзержинского, Почтамтская – Хохрякова. За Абрамовским мостом находились: Пиляцкая, Малая Пиляцкая и Покровская. Ныне это – Пушкина, М. Джалиля, Гуртьева. Перпендикулярно названным улицам шли Богоявленская (Р. Люксембург), Почтовая (Ершова), Абрамовская (Декабристов), Струнинская и Волоховская с Тырковской.

На начало XX века город был поделен на приходы, в зависимости от принадлежности жителей к той или иной церкви. Так, в нагорной части существовали следующие храмы: Семи Отроков (на кладбище), Петра и Павла, Спасская, Ильинская или Рождества Богородицы, Никольская или Введенская, Софийско-Успенский (летний) и Покровский (зимний) соборы. Кроме того, были так называемые **домовые церкви**: в архиерейском доме – во имя сошествия Святого Духа на втором этаже, и во имя Всех Святых в верхних покоях строения. Богородице-Введенская – при епархиальном женском училище, Никольская – при духовном училище, Александра Невского – в тюремном замке. А также в загородной архиерейской роще находилась церковь во имя Преображения Господня.

В подгорной части: Богоявленская (разрушена), Воскресенская (Елизаветы и Захария), Благовещенская (разрушена), Сретенская (Пятницкая), Рождества Христова, Андреевская, Михаила Архангела, Крестовоздвиженская (Покровская), а также Александровская часовня.

В Знаменском мужском монастыре находились церкви: Преображенская, Казанская и Никольская. Домашняя церковь была и в мужской гимназии. Итак, мы видим, что город развивался как живой организм и, соответственно, менялись названия улиц, да и местоположение их во многом отличалось от современной планировки.

Уже во второй половине XIX века в структуре гражданской и культовой застройки оформились городские площади, парки, скверы, органично вписавшиеся в городскую структуру, служа в праздничные дни местом для проведения торжественных церемоний, парадов, а так же для гуляний и отдыха горожан.

Самой значимой являлась Красная площадь и примыкавшая к ней Соборная, начинавшаяся от стен кафедрального Софийско-Успенского собора. В подгорной части напротив губернаторского дома находилась Пляц-Парадная площадь, где устраивались смотры и торжественные марши войскам. Там же принимали приезжающих высокопоставленных особ. Это был центр гражданской власти. Не случайно именно здесь была воздвигнута Александровская часовня в честь посещения Тобольска наследником трона будущим императором Александром II – освободителем крестьянства. По срокам освещения это событие совпало с моментом убийства царя-реформатора, и часовня считается воздвигнутой «на крови», как и знаменитый Санкт-Петербургский храм Христа-на-Крови, построенный на месте убийства террористами

Александра II. Затем был разбит замечательный городской сад, по которому прогуливался уже другой, также вскоре убиенный император вместе с семьей.

На старых планах сохранилось название еще одной площади – Лесная. Она находилась рядом с Захарьевской церковью и граничила с берегом Иртыша. Свое название она получила благодаря тому, что на ней обычно складировали пригнанный по реке лес до момента его продажи. Другая площадь, носившая название Ершовской, за соседство с домом купцов Ершовых. Усадьба же купцов Ершовых располагалась между улицами Новой и Большой Болотной. Там-то и образовался огромный пустырь, прозванный Ершовской площадью.

Следует отметить и тот факт, что Тобольск сохранил свою первоначальную планировку вплоть до наших дней – это так называемая ландшафтная планировка, когда улицы строились вдоль небольших речек, террас холмов, органично вписываясь в природную среду. Этим отличалась особенно нижняя часть города.

Таким образом, названия улиц, – это те же исторические документы, несущие в себе определенную информацию, которую следует не только изучать, но и оберегать.

4. «ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ...»

Не менее интересны и названия тобольских предместий и различных возвышенностей, образующих живописные уступы между двумя частями города. К ним относятся: Подчуваши, Тырковка, Троицкий и Чукманский мыс, Панин бугор и ряд других самобытных названий.

Прежде всего, вызывает интерес название холма, а точнее, берегового плато, на котором разместилась нагорная часть города. Эта возвышенность изначально известна, как **Алафеевские горы**. Как уже говорилось, один из вариантов перевода: Божественные горы. Но после закладки городского острога, центральная их часть стала именоваться как **Троицкий мыс**, получившая свое название в честь дня Святой Троицы, – дня основания Тобольска. От него Никольским взвозом отделен другой мыс – **Чукманский**, на котором возвышается памятник легендарному атаману Ермаку Тимофеевичу. Далее расположен так называемый **Панин бугор**, с названием которого связано несколько легенд. Одна из них сообщает, будто бы гулял по нему сподвижник Ермака казачий сотник Никита Пан, после чего и возникло это название. Заканчивается береговое плато в пределах городской черты **Чевашским мысом** (ошибочно – Чувацкий мыс), у подножья которого состоялась знаменитое сражение дружины Ермака с войском хана Кучума, довольно подробно запечатленное на полотне Василия Сурикова «Взятие Сибири».

Вдоль нагорной части города у самой кромки берегового плато протекает речка, носящая довольно интересно название **Курдюмка**. Оно явно заимствовано из тюркского языка и на наш взгляд состоит из двух частей: «кыр» и «дым», где «**кыр**» – поле, место, в значении – участок земли и «**дым**» – влага. Возможно, кто-то из местных жителей на вопрос русских переселенцев о названии речки, пояснил, что это просто «**влажное место**». Ведь у сибирских татар не было принято давать названия мелким речушкам, холмам, болотам. Кочевой в прошлом народ, который постоянно находился в движении, обозначал лишь крупные реки, горы.

Ближе к Иртышу возле устья Курдюмки находится предместье, именуемое как **Подшлюзы**. Это название подсказывает о возможно некогда существовавшем на этом месте речного шлюза для прохода лодок, барок и других речных судов из Иртыша в речку. А приставка «под» указывает на то, что это место находится внизу холма. Точно так же звучит название другого предместья близ Чевашского мыса – **Подчеваши**.

Троицкий мыс отсекает от мыса Чукманского довольно крутой подъем, получивший свое название по местоположению некогда стоявшей на его склоне **Никольской** церкви. Но этот взвоз, судя по документам, был благоустроен лишь в середине XIX

века. Первоначально нижнюю и верхнюю части города соединял так называемый **Базарный** или **Прямской** взвоз. Если первое его название понятно и без перевода, то второе произошло от слова «прямить», «спрямлять». Когда-то по нему поднимался как гужевой транспорт, так и пешеходы, но в настоящее время он стал исключительно пешеходным, чему способствуют уложенные на нижнем его спуске деревянные ступени.

Существовали и другие взвозы, которыми пользовались горожане. Один из них прозван **Казачьим**, благодаря тому, что поблизости от него располагались дома сибирских служилых казаков. Другой из них, **Банный**, получил свое название, скорее всего за стоявшие на его пологом склоне частные бани. Хотя могут быть и другие версии. Оба лога (взвоза) ведут в еще одно городское предместье, именуемое **Вершиной**. Оно с двух сторон окружено холмами, укрывавшими от ветра стоявшие там некогда дома. Именно там предпочитали селиться польские ссыльные, число которых в городе было весьма значительным.

Замечательное название носит другое предместье – **Тырковка**, находящееся на самой городской окраине близ Чевашского мыса. Думается, что так его именовали как раз за отдаленность, затерянность от основного жилья. Ведь в старину слово «**тырить**» имело значение «**прятать**». Уже во второй половине XX столетия родилось такое название окраинной части города – **Пески**. А с дореволюционного времени в памяти старожилов осталось название отдаленного выселка, именуемого **Соловками**. Другое местечко в нагорной части на выезде за городскую черту было прозвано **Архиерейской рощей**, благодаря тому, что там находилась загородная дача сибирских православных владык.

Благодаря насыпному в северной части городской окраины земляному валу родилось название находящейся поблизости деревни – **Завальная** (с ударением на первом слог). Далее, на выезде из города находилась деревня с характерным названием **Защитина**. А дальше, следуя той же дорогой, путники попадали в местечко **Сузгун**, с названием которого связана романтическая легенда, связанная якобы с местопребыванием в нем одной из жен хана Кучума. Каких-либо документальных или археологических подтверждений она под собой не имеет, но игнорировать ее тоже не стоит. Легенды рождаются и умирают независимо от этого и служат как бы для украшения повседневной жизни.

Стоит упомянуть и о забытых ныне названиях городских кабаков, хорошо передающих отношение русского народа к собственным слабостям, связанным с употреблением хмельных напитков. Наиболее известным можно считать **Кукуй**, располагавшийся близ спуска Никольского взвоза. Его наименование связано, судя по всему, с известным выражением: прокуковать добро, то есть лишиться всего. Не менее оригинальны и другие названия питейных заведений: **Отрясиха**, **Ведровый**, **Глотный**, **Скородум**. В каждом из них заложен глубокий смысл и, можно, сказать даже определенное философское отношение к торговле вином. Жаль, что эти словечки ныне утратили свое хождение.

Подводя итог нашему краткому повествованию о тех или иных городских названиях, служащих как бы определенными ориентирами для горожан, хотелось бы отметить не только оригинальность и меткость этих названий, но и долгую жизнь каждого из них. Однако и они в большинстве своем не вечны и зачастую умирают с тем или иным поколением, родившим их. Но долго еще в народной памяти будет жить заложенная в них информация, столь же ценная как иные документальные свидетельства о событиях прошлого.

5. ГОРОД, ГДЕ ЖИВЕТ ИСТОРИЯ (ТОБОЛЬСК В КОНЦЕ XIX ВЕКА)

Не только утрата некогда привычных названий улиц, речек, предместий говорит об изменениях, происходящих с городом, но и смена приоритетов жилой застройки, а так же и самого статуса города за его более чем четырех вековое существование.

К концу XIX века Тобольск сохранил в себе основные исторические черты, присущие ему и накопленные со времени его основания. Век двадцатый начал менять его облик, к концу столетия он уже весьма отдаленно походил на легендарную «сибирскую столицу». Сегодня Тобольск город провинциальный, как ранее говорили, уездный. А каких-то сто лет назад он был еще губернским городом, в подчинении которого находились Тюмень, Тара, Курган, Ялуторовск, Тюкалинск, Сургут и другие сибирские города, входившие в состав Тобольской губернии. Потому хотелось бы остановиться именно на конце XIX века, который стал для Тобольска как бы итогом его небывалого взлета среди прочих сибирских городов.

В 1898г. в Тобольске проживало около 20 тысяч жителей и хотя он все еще сохранял статус одного из главных сибирских городов, но постепенно утрачивал свое значение в связи с развитием промышленности в Тюмени и набравшими силу за счет молочного производства южными регионами губернии. Причин этому было несколько. Первый удар по престижу и соответственно благосостоянию города был нанесен в 1838 г., когда в Омск, ставший главным сосредоточием вооруженных сил края, перенесли Западно-Сибирское генерал-губернаторство. Именно в Омске обосновалась резиденция главного воинского руководства и многочисленные службы, обеспечивающие его деятельность.

Второй момент, последствия которого дали себя знать на протяжении почти всего XX века, последовал в 1892г. Именно тогда Транссибирская железнодорожная магистраль прошла в двухстах верстах южнее Тобольска. На этот счет существует устойчивая легенда, якобы тобольские рыбопромышленники дали солидную взятку проектировщикам дороги, чтоб они изменили первоначальный план, который предполагал включение Тобольска в систему железнодорожной магистрали, поскольку владельцам пароходов это грозило потерей доходов. Но то лишь очередная легенда. На самом же деле делегация тоболяков обратилась с прошением к наследнику престола, будущему государю Николаю Александровичу, во время его первого посещения города, чтоб он ходатайствовал перед проектантами о включении Тобольска в железнодорожную систему. Но перед проектировщиками магистрали была поставлена вполне конкретная задача: кратчайшим путем соединить центр России с его восточными окраинами. И вряд ли в их планах усматривалась забота о вхождении Тобольска в железнодорожную систему страны. Потому город остался за чертой новой более интенсивной промышленной и экономической жизни и надолго как бы законсервировал свой некогда легендарный облик. Вполне возможно, это спасло его от неизбежных разрушений и переустройства и бережном отношении к памяти о своем былом величавом прошлом.

На рубеже веков Тобольск административно был поделен на три части, находящихся в ведении и подчинении располагающихся там полицейских участков. Как не странно слышать об этом современному читателю, но именно полицейские приставы обеспечивали в то время городское благоустройство: следили за ремонтом дорог, внешним видом домов, выписывали предписания частным лицам поддерживать в порядке не только жилые и вспомогательные сооружения, но и дорогу перед их усадьбами.

Социальный состав горожан мало чем отличался от общероссийского. Так, дворянство и духовенство составляло 5% от общего числа жителей. Из них на число священнослужителей приходилось 2%, что, впрочем, было намного выше, чем в других городах, благодаря наличию в Тобольске архиерейской кафедры.

Еще меньше было к концу XIX века купцов, всего лишь 1 % от числа тоболяков. Они предпочитали ставить свои дома в подгорной части поближе к Базарной площади, которая издавна считалась самым престижным местом для обитания торгового люда.

Зато военных насчитывалось около 11 % и они в основном снимали квартиры у зажиточных хозяев, сдававших комнаты внаем, памятуя о том, что их могут в любой момент перевести в иное место службы, а потому обзаводиться собственным домом вроде как и ни к чему. Впрочем, многие из них, выйдя в отставку, до конца дней своих оставались на жительство в Тобольске.

А вот крестьянство в городе составляло 18%. Самый мощный пласт в социальной среде тоболяков приходился на мещан – 48%. По Владимиру Далю: «Мещанин – это горожанин низшего разряда, состоящий в подушном окладе и подлежащий солдатству; к числу мещан принадлежат также ремесленники, незаписанные в купечество».

Следует заметить, что сословная принадлежность не накладывала какого-либо отпечатка на горожан и дворянин мог мирно соседствовать с казаком или тем же крестьянином. Так, в небольшой выдержке из отчета строительной конторы за 1871г., сообщается: «...у речки Абрамовской происходит строительство на настоящее время тремя хозяевами. Казак Буторин строит себе двухэтажный дом в четыре окна на фасад; мещанин Н. Матвеев – одноэтажный дом со службами и мелочной лавкой; крестьянин Ф. И. Шулинин – двухэтажный деревянный дом».

И национальный состав тоболяков был характерен для российского губернского города второй половины XIX века. Большая часть – русское население 15 тыс. 322 человека. Второе место по численности занимали евреи – 2 тыс. 725 человек. 1 тыс. 500 человек являлись выходцами из Царства Польского и лишь 615 человек числились как сибирские татары.

Как видим, этнический состав жителей подразумевал их различную принадлежность к традиционным конфессиям, а потому в городе наряду с православными храмами имела и другие культовые сооружения. Так, на нынешней улице Перова располагалась синагога, выходившая фасадом на Большую Архангельскую Костел, посещаемый преимущественно выходцами из Польши, находился неподалеку от Никольского взвоза на улице Богоявленской. Местом посещения в праздничные дни протестантами служила кирха, устроенная так же в подгорной части (нынешняя улица Кирова). А мусульманами была выстроена мечеть за Абрамовским мостом. И подобная многоконфессиональность характерна для большинства сибирских городов, в чем Тобольск занимал одно из ведущих мест

На этот период пришлась европейская мода устройства в городской черте парков, скверов и летних цветников в общественных местах, чему местная администрация уделяла большое внимание. Первый факт разбивки парковой зоны относится к 1839 г., к после установки на Чукманском мысу памятника атаману Ермаку. Именно тогда со всей территории, возвышающейся над нижним городом террасы, были убраны жилые строения и посажены деревья преимущественно хвойных пород, проложены аллеи для прогулок.

Значительно раньше на территории архиерейского и с северной стороны Софийского собора были оформлены два не соединенные меж собой сквера. С южной стороны архиерейского дома долгое время существовал тенистый сад с редкими сортами деревьев. Перед тюремным замком также был один из лучших в городе парков, насаженный ссыльными.

Спуск с Никольского взвоза завершался Гимназическим сквером оригинальной планировки, настраивая спешащих на занятия учеников на торжественный лад. У военной комендатуры по Большой Архангельской был разбит довольно обширный парк, пользующийся особой любовью проживающих подле него обывателей. Далее, на Рождественской улице перед Благородным (Дворянским) собранием был свой сквер с клумбами и газонами. Возле военного госпиталя практически с самого его основания

был заложен так называемый Больничный сад, где наряду с деревьями выращивали и лекарственные травы.

Но, несмотря на внешнее благополучие, город постепенно дряхлел и не мог выдержать экономического взлета, который переживали города с бурно развивающейся промышленностью, где бойко шла торговля, куда стремилось население из деревень, чтоб открыть свое дело. Тобольск же традиционно служил связующим звеном между севером и югом губернии. Через него шли обозы с рыбой, мимо проплывали речные суда, но на городской экономике это сказывалось весьма незначительно.

Непосредственно в Тобольске размещались торговые дома двух крупных рыбопромышленников: Корниловых и Плотниковых. Было даже налажено консервное производство и сибирская консервная продукция поставлялась во многие европейские страны. Но это скорее исключение из правил. Таких крупных промышленников на весь город были единицы.

Конечно, рыбная торговля в городе велась довольно активно и в 1895 г. на берегу Иртыша, недалеко от базарной площади, был выстроен специальный «рыбный табор» с двухэтажной чайной, в которой располагались отдельные кабинеты для торговых сделок. Строительство производили на городские средства и затем торговые площади сдавали в аренду всем желающим, пополняя тем самым городскую казну. Но доход от подобных операций был невелик и его едва хватало на покрытие затраченных средств по содержанию рынка.

В основном же в Тобольске наличествовали небольшие мастерские и производства. Главные из них – кожевенные, на которых осуществлялся пошив обуви, рукавиц, перчаток, портупей для военных. Шли на продажу и просто выделанные кожи. Кожевенным производством долгое время занимались представители таких известных в городе фамилий, как П. А. Дехтерев, Г. А. Ершов, А. С. Коренев, С. М. Соколов, Н. А. Трухин, С. Ф. Шанковский, Г. А. Шатунов, А. А. Черепанов, а также многие другие, числом до пятидесяти человек.

Традиционным было и изготовление различных столярных изделий. Например, по всей Сибири славилась тобольские сундуки. И еще несколько забытых и окончательно умерших производств. Хотя для слуха современного человека они мало что скажут, но сто лет назад хозяева, наверняка, гордились своей деятельностью и изделиями.

Например, в те годы существовала так называемая сохолодная мастерская А. С. Аксенова. В ней «ладились» сохи, сабаны и прочий сельхозинвентарь для крестьянских хозяйств. Девять семей в городе занимались ремонтом конных экипажей. Делали в Тобольске и кошму для лошадиных потников и седел, а также для прочих нужд. Занимались «набивкой тканей», когда на простой холст набивался цветной рисунок и полотно становилось нарядным и красочным, шло на занавески и скатерти. Такое производство звалось «чеканным».

Трудно было сравниться с тобольскими мастерами по выделке пешки – тончайшей оленьей шкурки, которую брали с молодого олененка, а то и с младенца, извлеченного из утробы матери во время забоя. Занимались этим в разное время от 50 до 100 человек и производили в год около 50 тысяч шапок. Интересны названия моделей того времени: «малоросски», «мономах», «треух», «малахай».

Не отставали просвещенные горожане от центральных российских городов в культурном плане. Так, во второй половине XIX века было открыто Тобольское Отделение Императорского Русского Музыкального Общества. Силами общества готовились музыкальные вечера и различные мероприятия, так украшавшие обыденность сибирского быта. Было создано и Драматическое Общество, которое взяло на себя обязанности по устройству гастролей приезжающих артистов, организации спектаклей и других сценических представлений. Существовало даже Физико-Медицинское Общество, объединившее любителей точных наук.

Наиболее важный шаг по изучению истории Сибири был предпринят в 1870г. благодаря открытию при Статистическом Комитете Губернского музея. Хотя первоначально то было лишь хранилище редких предметов старины, но со временем работники музея сформировали собственную довольно значительную коллекцию, вели исследовательскую работу по изучению края.

Строительство губернского музея было приурочено к 300-летию юбилею Тобольска (1887). Губернатор В. А. Тройницкий предложил организовать сбор средств на его строительство за счет благотворительных взносов. Менее чем за полгода набралась внушительная сумма. Это позволило заказать проект на постройку самого здания и также пригласить знающих лиц для ведения работ. Было представлено несколько оригинальных проектов, но из всех внимание жюри остановилось на работе П. П. Аплечеева. Место для постройки самого здания было выбрано на самом подъеме горы при входе в сад Ермака. Хотя по размерам здание было и невелико, но оно оказалось вполне подходящим для размещения коллекции, собранной тобольскими энтузиастами. Уже к марту 1889 г. вся коллекция была перенесена внутрь нового помещения.

В 1898 г. на улице Большая Архангельская было заложено здание Народной Аудитории, где в духе веяний того времени планировались давать театральные представления силами местных любителей, не исключая приглашение профессиональных актеров, а так же проводить лекции и беседы на различные темы для всех желающих. Проект его подготовил коллежский советник Федор Дмитриевич Маркелов. Уже через год Народная Аудитория была сдана. На первый спектакль, дабы покрыть высокие расходы, цены на билеты были несколько повышены. Спектакль назывался «Свои люди – сочтемся».

Но вскоре стало очевидно, что первоначально выстроенное помещение мало, а потому решением Городской Думы для нужд Комитета Трезвости, который проявил инициативу в его расширении, было выделено 25 тысяч рублей для реконструкции здания, проведенной в 1912 г. При советской власти в здании разместился городской драматический театр. В 1957 г. к основной конструкции пристроили еще одно крыло и в таком виде здание просуществовало до 17 ноября 1990 г., когда в результате пожара оно сгорело.

В первое десятилетие XX века достигло Тобольска новое веяние того времени, известное нам как «синематограф». В 1911 г. на собственной территории закладывает новое строение для размещения в нем синематографа тобольский дворянин Иван Николаевич Бутлеров. Оно было построено в новейшем стиле модерн, и благодаря этому и сам кинотеатр получил название «Модерн». Его здание и в советскую эпоху использовали как кинотеатр, лишь переименованный в «Художественный». Другой кинотеатр начала века открылся в доме некоего господина Хвостунова по улице Богоявленской напротив здания новой мужской гимназии. Дом, в котором проводились просмотры фильмов, был одноэтажным в три окна и носил название «Био».

В 1913 г. в Тобольске появляется прибывший из Барнаула мещанин Коромыслов, получивший разрешение на строительство в городе цирка «для развлечения народа». Его здание до наших дней не сохранилось, но известно, что в нем имелась арена, фойе и уборные для переодевания. Цирк находился на улице Мокрой на территории усадьбы жителя Тобольска Силиверстова.

Итак, мы приоткрыли лишь некоторые странички истории Тобольска, который с конца XVI века жил и развивался со всей страной, переживая взлеты и падения, фиксируя в своей истории наиболее важные события, неразрывно связанные с судьбой России. Но еще более интересны судьбы людей в разное время проживавших в нем. Многие из них на протяжении десятилетий составляют гордость российской науки, культуры и других отраслей знаний. Однако определенный интерес являют собой личности, оказавшиеся в сибирской ссылке отнюдь не по своей воле, а в силу

различных обстоятельств. О них не так часто вспоминают, но и они достойны нашего сострадания и, по крайней мере, памяти, чего заслуживает любой наш далекий предок, связанный с нами пусть не кровным, но хотя бы духовным родством, поскольку он исповедовал ту же религию и верил в те же идеалы, что и мы с вами.

Именно о судьбах этих людей и хотелось бы рассказать сегодняшнему читателю и может быть их пример даст всем нам возможность если не переосмыслить собственную жизнь и поступки, то хотя бы заставит взглянуть несколько иначе на те или иные ценности, ради чего собственно мы и существуем на этой земле.

II. ВЕК СЕМНАДЦАТЫЙ

Семнадцатый век, прозванный «бунташным», оставил для нас достаточно много документальных свидетельств, на основе которых имеется возможность составить о нем вполне реальное представление. Это и великая русская смута, и начало правление дома Романовых, бунт Стеньки Разина и, наконец, церковный раскол. Думается, все люди, вовлеченные в водоворот этих событий, выходили из них чаще всего с искаленной судьбой и иными представлениями о своем месте в этом мире. Их швыряло в разные стороны огромной нашей отчизны, словно щепки в бушующем океане. Тем, кто попал в центр политических бурь и событий, а потом и в Тобольск, город этот представлялся тихой гаванью, где горожане жили своими будничными делами и чаяниями.

Вынужденные поселенцы, оказавшиеся в Сибири чаще всего не по своей воле, были личностями не заурядными и во многом противоречивыми. Среди них: Протопоп Аввакум, Юрий Крижанич и многие другие, чьи имена хорошо знакомы любому, кто интересовался историей нашего отечества.

Думается, что рассказ о их непростых судьбах даст более полное представление для читателей о наших героях и поможет пролить свет на прошлое Тобольска.

1. ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА ИЛИ ПАГУБНОЕ ПРИСТРАСТИЕ К СЛАДОСТЯМ

Глухой зимней ночью к великому неудовольствию тобольского воеводы Ивана Семеновича Куракина он был разбужен властным и настойчивым стуком в дверь его палат. Когда заиндевелый, розовощекий, густо пахнувший лошадиным потом и чем-то лесным, морозным пожилой усатый казак подал залитую воском и сургучом грамоту со свисающей сбоку темно-красной царской печатью, то воевода почтительно склонил лысеющую голову, осторожно принял послание, еще не зная, что содержится в нем. Там могло быть требование о срочном возвращении воеводы в Москву с последующим переводом в еще более глухой городок. Могли направить на затяжную войну с поляками или крымчаками, которые каждое лето непрерывно тревожили пределы Московского государства. Во всяком случае, ничего хорошего для себя некогда лихой воин и рубака, а теперь опальный сибирский воевода для себя не ждал.

Привычно перекрестившись на иконы, он быстрым шагом прошел в свои покои, торопливо сорвал сургучную блямбу и, развернув грамоту, поднес ее к слабому свету мерцающей в углу лампадки. Чем дальше он читал царский указ, тем выше поднимались вверх его кустистые сросшиеся на переносье рыжеватые брови, и первоначальная настороженность близкая к испугу сменялась легким недоумением, а затем и вовсе полной растерянностью. В грамоте сообщалось, что в Тобольск на поселение направляется дворянская дочь, девица Мария Хлопова, с которой велено было обращаться достойно и обходительно. «Помилуй мя, Господи и Царица Небесная от гнева и милостей царских», – прошептал Куракин мясистыми почти бескровными губами и тяжело опустил на стоящую у стены лавку.

То была не первая грамота с распоряжением о приемке того или иного именитого ссыльного. И сам воевода попал в Тобольск можно сказать в почетную ссылку, как судачили его недруги, еще легко отделался, в иные времена могли и голову снять. А вина его была немалая, поскольку не хотел он избрания на московский престол царя из рода Романовых, а предлагал присягнуть польскому королевичу Владиславу. Но с ним, воеводой, все понятно. А как вдруг девица Хлопова очутилась здесь же, когда совсем недавно воевода получил из Москвы от верных людей весточку, что на царском дворе полным ходом идут приготовления к царской свадьбе и невеста царя Михаила никто иная как та самая Хлопова, которая сейчас сидела в теплом возке, стоявшем возле воеводского крыльца.

«Неисповедимы дела твои, Господи, – вздохнул воевода и вновь перекрестился, – за что же ее, касатку молоденькую в лютый холод сюда отправили?». Не знал воевода Куракин, что тот же вопрос мучил и многих именитых московских людей, которые были поражены, что в самый разгар приготовления к царской свадьбе невеста была вдруг срочно выслана без особых на то объяснений в Тобольск, куда направляли лишь заклятых врагов и лютых царских недругов. Не знала о том и сама невеста, разлученная с семьей и еще совсем недавно примеряющая подвенечные наряды и подаренные женихом драгоценности. Никакого за собой греха или вины она не чувствовала.

А ее ссылке в Тобольск предшествовали события, круто изменившие не только судьбу Марии Ивановны Хлоповой, дочери московского дворянина из незнатной дворянской семьи, но и самого царя Михаила Романова не далее как три года назад избранного на московский престол, да и многих людей, связанных с происходящим.

Когда в 1616 году Михаилу Федоровичу пошел двадцатый годик, то по обычаю того времени на семейном совете царствующего рода Романовых решено было пригласить в кремлевские покои девиц из московских семейств, чтоб молодой царь мог выбрать из них ту, которая ему более других поглянется. Девушек поселили на женской половине дворца, где к ним приглядывались не только царские родственники, но заходили и именитые бояре, поскольку женитьба царя – дело воистину государственное и пускать

его на самотек было никак нельзя. К мнению юного царя никто из опытных царедворцев, сумевших уцелеть и остаться в милости у самого Ивана Васильевича, недаром прозванного Грозным, и не собирался прислушиваться, а каждый прочил в будущие царицы кого-то из своей родни или давних знакомцев.

Но не таков оказался юный Михаил Романов, понимавший, что с избранной невестой жить предстоит ему, а не боярам, у которых лишь собственная выгода на уме. Наделен был он с детства солидной долей упрямства, а, взойдя на престол, и ощутив власть в полной мере, мог для полновесности своих слов и ножкой притопнуть и глазами сверкнуть. Правда, не больно-то боялись молодого царя бояре, прошедшие хорошую школу при его предшественниках, до которых как ни тянись, а Мишеньке Романову ой как далеко было. Помнили те бояре не только остроконечный посох Ивана Васильевича, не к ночи помянутого, но и мстительный азиатский прищур глаз Бориса Годунова, что не только на дыбу, а и прямым ходом на плаху могли одним движением пальца любого отправить. Ох, как не просто было при них-то ездить в Кремль, не зная, вернешься ли жив домой или очутишься к вечеру на лобном месте перед палачом в алой рубахе. Так что знали бояре, что, сколько не топай ножкой, не хмурься ими же избранный царь, а дай время и все будет так как они решат меж собой.

Другое дело мать царя, «великая старица» Марфа Ивановна, урожденная Салтыкова. Ее род не только один из самых древних и знатных, но и сама она не лыком шита, ей пальца в рот не клади, все наперед знает, о каждом боярском шаге и неосторожно сказанном слове донесут матушке-государыне, а там ... отворяй ворота, готовься к поездке в Сибирь дальнюю. Марфа Ивановна и над сыном власть взяла немалую, пока муж ее, отец царя, будущий патриарх Филарет в польском плену пребывал. И невестку себе присмотрела заранее, да только, видать, сыну ее, Мишеньке, она не поглянулась, а выбрал он себе в жены ту, которая всех краше и пригожей ему показалась.

Марию Хлопову от ее ровесниц отличала редкая красота: яркий румянец, большие голубые глаза, мягкая полуулыбка. К тому же слыла она на Москве девушкой застенчивой, богомольной и богобоязненной. Когда Михаил Федорович сообщил о своем решении матери, а та уже и ближним боярам о том передала, то встречено было это известие глубоким молчанием и хмурыми взглядами, поскольку не устраивало оно ни саму Марфу Ивановну, ни тех, кто с царским родом породниться мечтал. Но перечить царскому слову не посмели, а потому поселили Марию Хлопову во дворце до поры до времени и неохотно стали готовить ее к свадьбе, приглядывать и высматривать, как бы найти верную причину, по которой удалось бы от царя его невесту отвратить. А царская свадьба дело непростое, долгое: нужно послов в разные страны направить с известием, именитых людей на свадьбу пригласить, чтоб те подарки заранее готовили. Так что на все про все, а несколько месяцев на приготовления уходило.

По обычаю того времени дали невесте новое имя — Анастасия, напоминавшее москвичам умную и добросердечную первую жену царя Ивана Грозного, вышедшую как раз из рода Романовых; а еще стали поминать будущую царицу, как положено, при богослужении в церквях и храмах. Во дворце с царской невестой поселились ее мать и бабка, а отец и дядя ежедневно их навещали, чем вызывали великое неудовольствие будущей своей родни. «Из грязи да в князи», — шептались за их спиной. «Ничем не отличны, чести такой не заслужили, чтоб рядом с нами за одним столом сидеть», — грозили им вслед. «Молод еще царь, чтоб за нас решать кого в жены брать», — сходились во мнении вчерашние недруги, дружно теперь ломавшие головы как спровадить из дворца немилую им невесту. И неизвестно как бы обернулось дело с царской женитьбой, если бы сама невеста не подала повода для пересудов и разговоров.

Через какое-то время донесли старице Марфе, что Мария Хлопова вдруг занедужила и ее «рвало и ломало нутро, и опухоль была». Та всполошилась: как так хворую да в царскую опочивальню вводить?! Срочно призвали придворных лекарей, невесту к ним

привели для досмотру и выяснения причины недомогания. Лекари ей разные вопросы касательно здоровья и самочувствия задавали, спрашивали о том о сем, осмотрели с головы до ног и вынесли единогласное решение, что нездоровье невесты могло случиться от неумеренного потребления сладкого, отчего «плоду и чадородию порухи не бывает», а потому беспокоиться особо не о чем. Но не таковы оказались Салтыковы, которым только и нужен был малейший повод для устранения пришедшейся не ко двору невесты. Они настояли на том, чтоб лекари признали ее неизлечимо больной и для продолжения царского рода непригодной. С их подачи и боярская дума постановила: «царская невеста к государевой радости не прочна». И выпроводили Марию Хлопову из дворца, где она прожила всего шесть недель, да и поселили у собственной бабки Феодоры Желябужской. А уже через десять дней бывшую царскую невесту от греха подальше вместе с бабкой, теткой и двумя дядями Желябужскими сослали в Тобольск никак не определив время ссылки. Отца же ее, Хлопова, направили на воеводство в Вологду.

Прошло еще три года, но царь так и не выбрал себе новой невесты, что вполне устраивало как Марфу Ивановну, так и ближних бояр. В 1619 году вернулся из польского плена отец царя, митрополит Филарет, который поинтересовался у сына, отчего тот до сих пор не обзавелся женой, которая бы родила ему наследника трона. Михаил Федорович пересказал историю своей неудачной женитьбы и сообщил, что не прочь бы вернуть из Сибири свою невесту, кроме которой ни на кого более глядеть не желает. Опытный Филарет быстро установил истинную причину ссылки Марии Хлоповой, усмотрев во всем интриги и происки дорвавшихся до власти Салтыковых и своей собственной супруги. Допросили и лекарей, которые во всем признались и дали понять, что свой вердикт о «нездоровье» царской невесты выносили под давлением родственников матери царя, а потому думали, что так угодно и «их величеству». Они подтвердили, что временное недомогание Хлоповой было вызвано от перемены пищи и пристрастия ее к иноземным, непривычным для молодого организма блюдам и восточным сладостям. Так что невеста вполне здорова, если только не застудилась в далекой Сибири, то ее можно хоть завтра звать под венец, о чем только и мечтал сам жених. По результатам проведенного следствия Салтыковых удалили в их вотчины, за то, что они «государской радости и живота учинили помешку».

Однако с возвращением невесты опытный в подобных делах Филарет решил не спешить, поскольку в деле женитьбы сына имел далеко идущие планы установления родства с кем-то из иностранных династий. Он направил сватов к нескольким иностранным дворам с целью выявления возможных претенденток для брачного союза с сыном его, Михаилом. Но европейские державы, считавшие Московское государство страной варварской, непросвещенной, не пожелали породниться с «худородными» Романовыми, которым ничего не оставалось, как выбирать невесту из своих русских девушек. Но Михаил Федорович вновь заявил отцу: «Обручена мне царица, кроме ея не хочу взять иную».

А время шло и срочно требовался наследник для укрепления довольно неопределенного положения рода Романовых. Потому, вероятно его отец, к тому времени уже патриарх Филарет, склонен был вернуть в Москву ни в чем не повинную Хлопову и благословить этот брак, но неожиданно против женитьбы сына на Хлоповой воспротивилась мать царя, Марфа Ивановна, которая заявила, что покинет московское царство в случае их свадьбы. Причина была все та же — боязнь усиления влияния при дворе незнатных дворян.

Лишь в сентябре 1624 года Михаила Федоровича женили на Марии Тимофеевне Долгорукой. Но буквально на другой день после свадьбы новобрачная слегла в постель и 6 января 1625 г. скончалась. Через год после ее смерти Михаил Федорович взял в жены Евдокию Лукьяновну из незнатного рода Стрешневых, родившую ему за годы их

совместной жизни десятирех детей. Из которых лишь четверо пережили отца. Сам Михаил Федорович, родившийся в июне 1596 года, скончался 13 июля 1645 года.

А что же царская невеста, оказавшаяся не по своей воле в Тобольске? Поселили ее с родней близ девичьего монастыря и жила она там без особого надзора. В теплую погоду выходила на берег Иртыша погулять в сопровождении дядек своих; вечерами сидела у окна с вышивкой на коленях. Тоболяки, проведав о необычной поселянке, первое время собирались возле ее дома поглазеть на царскую невесту, дивились красоте ее, но потом попривыкли и, проходя мимо, лишь отвешивали низкий поклон и спешили каждый по своим делам. Пробовал один ссыльный бывший царский окольныйчий даже посвататься к ней, но вскоре пропал из города невеста куда и больше о нем ничего не слышали, нигде его не встречали. В Тобольске прожила Мария Хлопова чуть более трех лет, а затем перевезли ее в Верхотурье, где она пробыла около года. А 30 декабря 1620 г. по царскому указу ее вместе с родней направили на жительство в Нижний Новгород, где ее поселили на выморочном дворе Козьмы Минина. Так царская невеста оказалась совсем вблизи от Москвы и своего жениха. Но, как говорится, близок локоток, а не укусишь. В Москву она так и не вернулась и умерла незамужней в Нижнем Новгороде в 1633 г.

Представители рода Романовых за триста лет правления Россией не раз посещали Тобольск, но вряд ли кто-то из них вспомнил о Марии Хлоповой, что едва не стала одной их прародительниц. Люди, стоящие у власти, легко забывают тех, кто не вошел в их круг. Да и мы свои неудачи чаще всего приписываем судьбе и некому провидению, плохо представляя в чем оно заключается. От нас ли это зависит или от тех условий, в которых мы порой на наш взгляд неожиданно оказываемся? Вряд ли кто сможет ответить на этот непростой вопрос. Но что любопытно, именно в Тобольске чаще всего оказывались люди, судьба которых во многом отличалась от судеб их современников. Именно они и вылепили не только прошлое, но, позволю себе допустить, и будущее города, который давал и дает до сих пор приют всем обиженным и скорбным, о которых хоть изредка, но не грех вспомнить и нам, верящим, что наша судьба в наших руках.

2. ТОБОЛЬСКОЕ ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

В тот самый год, когда в Нижний Новгород была направлена на жительство отвергнутая царская невеста Мария Хлопова, близ этого славного города в семье сельского священника Петрова в 1621 г. родился сын, названный Аввакумом. По традиции того времени священнослужительское место передавалось по наследству от отца к сыну и юного Аввакума с детских лет готовили для церковной службы. В отличие от отца он вел трезвый образ жизни, обладал хорошей памятью, был начитан и до крайности категоричен в своих суждениях. Благодаря своим способностям и редкому среди сельского духовенства дару говорить яркие и вдохновенные проповеди он быстро выдвинулся из своей среды и даже получил чин протоиерея или в просторечье – протопопа. Под этим именем он и известен как страстный борец за сохранение древних церковных канонов, выступивший против реформ патриарха Никона. За свои призывы перед прихожанами не посещать храмы, где ведется служба по новым правилам, он был летом 1653 г. заключен под стражу. Патриарх намеревался совершить над ним постриг и сослать в один из дальних монастырей, но за Аввакума заступился близко знавший его царь Алексей Михайлович и он был направлен в ссылку в Сибирь с сохранением протоиерейского сана.

Таким образом, церковные власти лишали оппозиционеров их лидера и давали возможность самому протопопу одуматься, раскаяться и принять проводимые в стране реформы. Но тот и не думал отказываться от своих убеждений, а по его словам лишь больше утвердился в правильности собственных позиций и уже в Сибири продолжал

свою борьбу со всеми, кто не принимал его воззрений. Подобная непримиримость в конечном результате еще при жизни протопопа привела российскую православную среду к окончательному разрыву и последовавшим вслед за тем репрессивным мерам в отношении старообрядчества. И огромная «заслуга» в том именно протопопа Аввакума, не пожелавшего примириться с властью.

В сентябре 1653 г. его отвели в Сибирский приказ и отдали дьяку Третьяку Башману, в обязанности которого входила отправка опального священника из Москвы в Тобольск. Из Москвы Аввакум выехал вместе с семьей: женой Настасьей Марковной и детьми, двумя сыновьями – Иваном и Прокопом, и дочерью Аграфеной. В дороге у них родилась дочь: «Протопопица родила младенца, больную в телеге и потащили». Сам Аввакум сообщает: «До Тобольска три тысячи верст, недель с тринадцать волокли телегами и водою, и санями половину пути». Лишь в конце декабря или начале января он с семейством прибыл в Тобольск.

В главном сибирском городе его приняли весьма радушно как духовные, так и гражданские власти. Объяснить это можно тем, что властям было известно о расположении к опальному протопопу непосредственно самого царя, который на тот момент вел довольно неопределенную политику. С одной стороны Алексей Михайлович принял церковные реформы и в этом плане был полностью на стороне патриарха. Но с другой, как бы в противовес ему не допускал расправы над его противниками.

Тобольской епархией на тот момент управлял архиепископ Симеон (1651 по 1663 гг.). На столь высокий архипастырский пост он был хиротонисан из игуменов Панфнутьева монастыря и в Тобольск прибыл 17 апреля 1652 г. При этом он сразу ввел в храмах «единогласное пение» и иные нововведения того времени. В 1654 г. он принимал участие в проведении собора, после чего было окончательно решено начать исправление церковных книг и нового порядка службы во всех российских храмах. В дальнейшем архиепископ Симеон ввел обязательным для Сибири употребление нового исправленного служебника, напечатанного в 1656 г.

«Архиепископ Симеон Сибирский тогда добр был, а ныне учинился отступник, устроил меня в Тобольске к месту», – писал Аввакум в своем «Житие». Там же он указывал, что неоднократно совершал богослужение вместе с архиепископом. Алексей Михайлович не забыл о добром отношении тобольского архиепископа к своему любимцу и отблагодарил Симеона по-царски. Когда в 1660 г. Симеон «поднялся на своих подводах в Москву о софийских домовых нуждах бить челом государю», то обратно в Сибирь в 1662 г. возвратился уже «на государевых подводах против прежних приездов». При этом он получил от царя прогонные деньги и «пожалован он от великого государя всем, о чем его челобитье было великому государю в Москве, вотчинами и крестьянами отнятыми (Никоном) и хлебом». Но тем самым архиепископ Симеон навлек на себя гнев патриарха Никона. Тот факт, что патриарх не снял Симеона с архиерейской кафедры, надо расценивать как явное или скрытое заступничество за него царя, но применил другую ни менее суровую меру, запретив ему на целый год богослужение в любой из церквей (с 1657 по 1658 гг.).

Хотя каких-либо документов кроме «Жития» самого Аввакума о его пребывании в Тобольске практически не сохранилось, но тех фактов, которые излагает сам автор в своем жизнеописании, вполне достаточно, чтоб составить довольно яркую картину его пребывания в тобольской ссылке.

По некоторым сведениям Аввакум во время тобольской ссылки служил в Вознесенской церкви, находящейся на территории воеводского двора. Когда в 1656 г. тобольским духовенством был получен новый церковный служебник, то Аввакум не стал вести службу по нему. Зато неоднократно посещал другие церкви, где служба велась по новому уставу, по его собственным словам, тихо ругался и держал кукиши в обеих карманах, чтоб таким способом предохранить себя от «сглаза».

Вот как он описывает свою борьбу с нововведениями в Тобольске: «С приезде смотрел у них просформисание дважды или трижды в алтаре у жертвенника стоя, а сам им ругался; а как привык ходить так и ругатца не стал, – то жалом, духом антихристовым и ужалило было».

Однажды во время подобной службы он получил якобы «чудесное предостережение», что ему лучше совсем не ходить на подобные службы, иначе он не увидит Царства Небесного. В своем «Житие» он так описывает этот случай: «Я вскочил и пал пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: Господи, не стану ходить, где по новому поют! Боже мой! И к обедни не пошел. Когда обедать ко князю пришел и вся подробну им возвестил; боярин князь Иван Андреевич Хилков миленькой плакать стал».

На основе этой и других записей мы можем предположить, что Аввакум был личностью экзальтированной, склонной к аффектам, что с медицинской точки зрения описывается следующим образом:

«Аффективно-экзальтированный темперамент, когда он по степени выраженности приближается к психопатии, можно было бы назвать темпераментом тревоги и счастья. Это подчеркивает его близкую связь с психозом. Аффективно - экзальтированные люди реагируют на жизнь более бурно, чем остальные. Наблюдаются восторженные порывы, не связанные с сугубо личными отношениями. Любовь к музыке, искусству, природе, увлечение спортом, переживания религиозного порядка, поиски мировоззрения – все это способно захватить экзальтированного человека до глубины души».

Личности такого рода воспринимали все вокруг происходящее, как личную драму и считали своим долгом вмешиваться в дела других людей, учить, исправлять их, не задумываясь как на их поступки реагируют окружающие. Думается, Аввакум именно так и воспринимал окружающую действительность, считая себя обличителем людских пороков, используя для этих целей любой удобный случай. Роль обличителя стала для него со временем насущной потребностью и едва ли не главной чертой характера. Из Москвы Аввакума удалили главным образом за «агитацию» против нововведений, а так же за крайнее непочтение к высшей духовной власти, выражавшееся в публичных обличениях, как самого патриарха, так и его сподвижников. Патриарх зря надеялся, что в Тобольске Аввакум одумается, успокоится и перестанет видеть в каждом прихожанине объект для обличения. Но и в далеком Тобольске русский Савонарола продолжает выступать со своими обличительными речами. Он так сообщает об этом: «Как ведь не обличать, коль не кается...».

Но вряд ли Аввакум ожидал, что в Сибири живет несколько иной народ, во многом отличающийся от жителей центральной России. Здесь не привыкли потакать новоявленным пророкам и с покорностью выслушивать нелюбезные выражения в свой адрес. Сибиряки издавна славились своей независимостью и неподчинением властям, а со своими обидчиками могли расправиться не прибегая к суду и следствию. Надо полагать, Аввакум был не готов к подобному отпору, но методов своих не оставил. За полтора года пребывания в Тобольске на него было написано пять «слов государевых», более известных нам как «слово и дело». А в откровенных разговорах с Аввакумом местные жители неоднократно обещали отправить его в Иртыш «рыб кормить», то есть, попросту говоря, утопить в реке.

Тобольский воевода часто укрывал Аввакума у себя в покоях после его многочисленных ссор и перепалок с тоболяками, в которые неукротимый протопоп вступал с легкостью и по любому поводу. «... Попы и чернецы весь град возмутили, како бы меня погубить. И в полнощи привезли сани ко двору моему, ломилися в избу, хотя меня взять и в воду свести». Чтоб избежать народного самосуда Аввакум около месяца скрывался от преследователей: «Тайно иное в церкви начую, иное уйду к воеводе». Удивительно, но и воевода опасался преследовавших Аввакума тоболяков, как явствует все из тех же записей ссыльного. Он описывает, будто бы жена воеводы

прятала его в сундук, а сама садилась сверху на случай, если преследователи ворвутся в княжеские покои. «И воевода от них, мятежников, боялся, лишю плачет, на меня глядя. Я уже и в тюрьму просился – ино не пускают».

Но, несмотря на довольно незавидное свое положение в Тобольске Аввакум и не думал сдаваться, и когда была возможность, сам переходил к активным действиям, забывая о своем высоком духовном чине и положении ссыльного. Так, 22 января 1654 г. архиепископ Симеон выехал в Москву. Воспользовавшись этим, дьяк архиерейского дома Иван Струна «дьявольским научением» стал нападать на Аввакума и состоящего при нем дьячка по имени Антон. Однажды Струна и несколько человек с ним подошли к церкви, где находились в то время протопоп вместе Антоном. Люди, пришедшие со Струной, остались на улице, а сам он направились к дьячку, стоящему на клиросе, и ухватил того за бороду. Видимо он хотел вывести Антона на улицу, чтоб не затевать драку в церкви. Этим воспользовался Аввакум, который прошмыгнул из алтаря к дверям и замкнул их на замок. Струна остался один против двоих. «Один вертится в церкви, что бес», – пишет Аввакум не без злорадства. Он усадил беззащитного дьяка посреди церкви на пол и «за церковный мятеж постегал его ремнем нарочно-таки». Тот взмолился и «принес покаяние», тогда Аввакум отпустил его, наивно полагая, что тем самым конфликт между ними исчерпан. Но слух о незаслуженном наказании архиепископского дьяка мигом разнесся по городу. И в одну из ночей к дому, где жил Аввакум, подъехали люди на сани, чтоб, якобы отвести его на реку и утопить. Толпа принялась ломиться в дом, но... по неизвестной причине дело до конца доведено не было и Аввакума не тронули. Он же объясняет этот факт таким образом, будто бы толпа «гонимая страхом Божиим, разбежалась».

После возвращения архиепископа Симеона враги Аввакума вынуждены были прекратить его преследование, а он сам донес на Струну, обвинив того в нарушении церковных канонов и укрывательстве за взятку отца-насилъника, совратившего собственную дочь. По словам Аввакума, он узнал, будто бы «некий человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, взял полтину, не наказал мужика и отпустил». Владыка приказал посадить Струну на цепь, но по какой-то причине не стал лично выносить ему приговор за содеянное, а попросил провести следствие местного воеводу. Но и тот, подобно Понтию Пилату, решил «умыть руки» и передал архиерейского дьяка для разбирательства своему непосредственному подчиненному – приставу сыну боярскому Петру Бекетову. Но тот, как выяснилось, не нашел какой-либо вины за дьяком и отпустил его, обвинив владыку в неправомерном аресте того.

Меж тем архиепископ Симеон, решил довести дело до конца и выступил с кафедры перед прихожанами и «за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкви большой». Видимо Петру Бекетову донесли о том и он решил публично высказать свое отношение к случившемуся, а потому отправился в храм, где вели в то время службу архиепископ совместно с протопопом Аввакумом. Там он принялся бранить архиепископа и Аввакума, а затем пошел домой. И тогда-то (по словам Аввакума) и настигла его «кара Божия», вследствие чего он «внезапно будто бы умер горькою смертию зле».

Дальнейшие действия владыки Симеона никак не согласуются с нашими сегодняшними представлениями о нормах христианской морали и поведением человека, облаченного духовной властью. Видимо архиепископ пожелал использовать этот случай для демонстрации своих сил и возможностей по отношению к своим противникам. Вот как сам Аввакум описывает этот случай.

«И мы со владыкою приказали бросить тело его (Бекетова – Авт.) среди улицы собакам, да граждане оплатут согрешение его. А сами три дня прилежно служили Божеству да в день века отпустить ему. И по трех днях владыка и мы сами тело его честно погребли; а Струну к иному приставу перевели». Чем закончилось следствие над архиерейским дьяком, и как он был наказан нам неизвестно. Скорее всего, его

освободили от занимаемой должности и отправили в Москву. Аввакум же в очередной раз убедился в своей безнаказанности и продолжил заниматься обличением пороков и исправлению морального облика сибиряков по собственному разумению и пониманию.

Второй, описанный им случай борьбы с пороками во время его пребывания в Тобольске, выглядит довольно комично и лишний раз подчеркивает насколько опальный протопоп чувствовал себя непогрешимым и всемогущим, когда он, не прибегая к помощи властей, сам вершил суд и расправу над людьми, показавшимися ему подозрительными.

Дело выглядело так. Однажды ночью он вошел в храм, где застал мужчину и женщину, которые якобы занимались прелюбодеянием. Тогда он с возмущением закричал, что это грешно и противно законом христианской морали. Женщина на это ответила, что протопоп возводит на них напраслину, а находящийся рядом с ней мужчина ее брат. Но Аввакум не пожелал слушать ее и отвел обоих на воеводский двор в приказную избу. Там «мужика, постегав маленько, отпустили», а женщину со смехом отдали Аввакуму, чтоб он сам как пожелает, наказал провинившуюся. Тот привел ее домой и посадил в холодное подполье, где она находилась три дня в полной тьме и едва не замерзла. На третий день она решила признать свою вину и взмолилась:

«Государь батюшка, Петрович! Согрешила перед Богом и перед тобою! Виновата, не буду вперед делать. Прости меня грешную!». Протопоп смиростивился, выпустил ту из подполья и спросил:

« – Хочешь ли вина пить?

– Нет, государь, не до вина стало! А дай лучше кусочек хлеба.

– Разумей, чадо, пища и питие рождает в человеке похотение блудное и ума недостаток, и к Богу презорство и безстрашие. Наевшись и напившись пьяна ты скачешь яко юница быков жelaешь, и яко кошка котов ищешь, смерть забывши»

Затем, не дав женщине хлеба, он вручил ей четки и приказал класть поклоны. Несчастная женщина вынуждена была подчиниться и принялась класть поклоны, но вдруг упала, (видимо от голода). Тогда протопоп велел пономарю принести плетль и собственноручно принялся ее сечь. «И плачу перед Богом, а мучу. Помню в правилах пишет: «прелюбодей и на Пасху без милости мучится. Начала много дал и отпустил», – описал произошедший случай протопоп.

В 1656г. патриарху Никону стало известно о совершаемых в Тобольске «обличениях» Аввакума и он приказывает перевести его на Лену, а затем в Даурию, куда непреклонный протопоп и выехал из Тобольска со всей семьей.

После того как патриарх Никон лишился царского расположения и вынужден был оставить патриарший престол, управление церковью перешло к Крутицкому митрополиту Питириму, состоявшему в неприязненных отношениях с бывшим патриархом. Произошедшие в верховных кругах перемены дали себя знать и в других сферах церковной жизни. Всем, кого Никон выслал из Москвы, разрешили вернуться обратно в столицу. Среди них был и протопоп Аввакум.

Возвращаясь в 1663г. из Даурии, он какое-то время проживал в Тобольске и, надеясь на отмену никоновских нововведений, еще более решительно обличал «новины», как он их называл, и духовенство принявшее их. Здесь Аввакуму в день Преображения Господня во время церковной службы в соборной церкви было «явлено чудо» и он еще более утвердился в своем неприятии церковных реформ. Об увиденном в Тобольске «чуде» он подробно сообщает в своей челобитной поданной царю Алексею Михайловичу.

По возвращении Аввакума из Сибири (Никона уже не было в Москве), царь, по словам протопopa, встретил его «яко ангела», дал место, звал к себе в духовники и чуть было не направил «на печатном дворе книги править». Но тот отказался от всех предложений, если они действительно имели место, и с новой силой принялся обличать результаты проведенной церковной реформы. Этим самым Аввакум, не пожелав пойти

на примирение с самодержцем, избрал судьбу изгнанника, что видимо его нисколько не пугало. Хотя он отлично понимал на что идет, но остановиться и отказаться от роли обличителя не пожелал, за что его выслали в г. Мезень под Архангельском.

Но на этом его дело не закончилось и на церковном соборе (1666–67 гг.) он был лишен священнического сана и отправлен в Пустозерский острог. Но и там Аввакум не смирился и продолжил обличение не только новых церковных порядков, но и всех, кто их воспринял. Находясь в земляной тюрьме, он рассылал по всей России свои послания. За это в 1681г. был приговорен сыном Алексея Михайловича 15 летним царем Федором I к публичному сожжению вместе со своими сподвижниками попом Лазарем, дьяконом Федором и иноком Епифанием. Казнь состоялась в Пустозерске 14 апреля 1682 г.

В Пустозерске им было написано «Житие», где он подробно рассказывает обо всех перипетиях собственной многострадальной жизни, собственно благодаря чему мы и можем воссоздать картину происходящего. Не следует забывать, что «огнепальный протопоп», как его еще именуют в литературе, своими непримиримыми воззрениями, по сути дела вверг страну в гражданскую войну, когда самосожжения сотен и тысяч человек стали обыденным явлением.

В Сибири остались посеянные им семена раскола, приведшие к массовыми самосожжениями последователей его учения. Сибирский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков) в своих «Посланиях» к раскольникам называет Аввакума первым зачинщиком раскола в Сибири.

Для нас протопоп Аввакум памятен более всего как один из идеологов церковного раскола, благодаря стараниям которого страна почти на два века оказалась ввергнута в противостояние между сторонниками и противниками церковных реформ. И еще, наверное, как человек, который взял на себя смелость быть обличителем пороков других людей, не желая усмирить притом собственную гордыню и пойти на примирение с властью, наивно считая будто бы истина известна лишь ему одному. Хотя, если присмотреться, то и сегодня у многих из нас сохранился вкус к подобным обличениям, всплески от которых нет-нет да и пойдут кругами по современной России, хотя уже совсем по другому поводу. Видимо, жив в народе мятежный дух непримиримого протопопа, понять устремления которого нам до конца не дано. Да и вряд ли нужно...

3. ЮРИЙ КРИЖАНИЧ. ИЗГНАННИК ПО ПРИЗВАНИЮ

И никак нельзя обойти при рассмотрении незаурядных личностей XVII столетия, живших в то или иное время в Тобольске, всемирно известного ученого, русофила и «отца панславизма», – Юрия Крижанича (1617-1683 гг.). Российский историк В. О. Ключевский считал его одной из самых загадочных и противоречивых фигур русской истории XVII века:

«Хорват, католик и патер Юрий Крижанич был человек с довольно разносторонним образованием, немного философ и богослов, большой филолог и больше всего патриот, точнее, горячий панславист, потому что истинным отечеством для него было не какое-либо исторически известное государство, а объединенное славянство. То есть чистая политическая мечта, носившаяся где-то вне истории».

Он всю свою сознательную жизнь мечтал побывать в России, наконец, в сентябре 1659 г. нелегально попал в Москву, чем, думается, вызвал немалое удивление как самого царствующего тогда Алексея Михайловича так и его ближайшего окружения. Но ввязался в какую-то интригу уже в январе 1661г. и был выслан в Сибирь на пятнадцать лет, обосновавшись в славном городе Тобольске, где исправно получал из казны солидное жалование и занимался тем, чем считал нужным. Главным образом

работал над рукописью будущей книги, которая будет напечатана только в середине XX века.

Его биография довольно хорошо изучена. Хорват по происхождению, он принадлежал к известному, но со временем обнищавшему дворянскому роду, ведущему свою историю с XIII в. После окончания Загребской католической духовной семинарии в 1638 г. был отправлен для продолжения образования в Вену. С 1640 г. находился в г. Риме, который в то время был центром схоластики и единственным городом, в котором неимущие студенты могли получить образование. Там был греческий иезуитский коллегиум Св. Афанасия, где брали учеников на полное обеспечение, но в обмен иезуиты требовали от них полного подчинения. Его выпускники должны были посвятить себя одной идее – соединению католической и православной церкви. В 1641 г. он рукоположен в священники, а 20 января 1642г. возведен в сан миссионера, а также получил докторскую степень по священному богословию. В 1647г. ему удалось в составе польского посольства побывать в Москве. Там самое сильное впечатление на него произвела так называемая «Кириллова книга», в которой доказывалось, что римский папа – последний антихрист.

После возвращения из Москвы он побывал с австрийским посольством в Константинополе, а с 1652г. поселился в Риме, где занялся литературной деятельностью. В 1656г. он издал сборник полемических сочинений разных авторов, переведенных им с древнегреческого и новогреческого, а также с церковно-славянского языков на латинский язык. Но Россия тянула его к себе и он обратился к папе римскому с просьбой о направлении его миссионером в Москву, но благословения не получил. Тогда он предпринял поездку самостоятельно и в 1659–1660 гг. поселился в Украине. Здесь им были написаны следующие сочинения: «Описание пути от Львова до Москвы» и «Речь к Черкассам». В них он указывал на влияние поляков и греков на украинский народ, подчеркивал отрицательное отношение последних к русским. В заключение он предлагал украинцам подчиниться русским.

Наконец на свой страх и риск он решает ехать в Москву. Дьяк Посольского приказа доложил царю Алексею Михайловичу о прибытии из Сербской земли ученого человека, который знает многие языки, а также риторику, арифметику и музыку. По традициям того времени, Крижанича приняли на службу в приказ Большого дворца и зачислили на «государево жалование». Тогда он написал прошение к царю, в котором сообщил, что «славяне не ведают собственной старины», а в книгах других народов есть лишь «множайшие басни» о русском государстве, и предложил себя на роль придворного летописца. Там же он рассуждал об именовании «царском», замечая, что в европейских государствах никто «царем русского монарха не называет, а только лишь «великим князем», и делается это специально, чтоб унижить весь русский народ. Он активно пропагандировал идеи славянского единства перед лицом турецкой и немецкой экспансии, необходимости широкого европейского образования и превращения России в подобие западных просвещенных монархий. При этом он искренне полагал, что русский народ, простодушный по своей природе, опутан «греческими заблуждениями», от которых его надо освободить. Для этой цели он решил развивать просвещение на Руси и своим знанием шести языков надеялся привлечь к себе внимание царского двора.

В Москве он познакомился с видными деятелями того периода – с боярином Б. И. Морозовым, Алмазом Ивановым, Ф. М. Ртищевым и др. Документально засвидетельствовано, что 19 января 1660г. Крижанич вместе с другими иностранцами был приглашен на прием к царю.

В 1661г. его без суда и следствия выслали в Тобольск с формулировкой «быть ему там у государственных дел, у каких пристойно, а кормовых ему денег велено давать по семи рублей с полтиной в месяц».

Причины ссылки не совсем ясны. Большинство исследователей придерживаются мнения, что властям открылась истинная цель приезда Ю. Крижанича – миссионерская деятельность в пользу унии. Возможно он вызывал зависть у дьяков Посольского приказа, и они решают устранить талантливого конкурента. Крижанича подпаивают, а затем обвиняют в «непристойном» поведении.

Сам же Крижанич много лет спустя так объяснял случившееся: «Некий бо господин меня о некоем деле спросил, и, когда я мыслил наилучше отвечать и из чистого сердца полезну речь произнести, тогда за мои грехи случилось мне погрешить и отвещать некое глупо слово, из которого слова он, господин, на меня сумню завзял; а чаю, что он об моем прежнем раденью не ведал. И за то слово я в ссылке 15 лет довольно бедности и муки претерпел».

Когда тобольский воевода узнал о прежнем роде занятий Ю. Крижанича в Москве, то приказал ему составлять грамматику русского языка и даже направил специального гонца в Москву с сообщением о прибытии ученого-иностранца, чтобы уточнить, как поступить с ним в дальнейшем. Царь подтвердил высокий статус ссыльного.

В Сибири Крижанич подружился с архиепископом Симеоном и брал у него книги для чтения. Он познакомился с сочинением Иннокентия Гизеля «О мире человека с Богом», с «Книгой о вере», с «Прологом», с «Потребником» Петра Могилы (1646) и «Кормчей книгой». Когда на Сибирскую кафедру заступил в 1668 г. митрополит Корнилий, то и с ним он нашел общий язык и часто бывал в его покоях. Тот знакомил его с богословской литературой и желал обратить Крижанича в православие, но его попытки окончились неудачей. Зато ими совместно было составлено «Обличение на соловецкую челобитную», поскольку Крижанич полностью поддержал реформы Никона.

Интересны взгляды Юрия Крижанича на российские проблемы того времени. В частности он указывает: «Бешеная любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное доверие к иностранцам. Эта смертоносная чума заразила весь наш народ. Мы слишком доверчивы к чужеземцам, и позволяем им в нашей стране делать все, что они хотят. Все наши беды из-за того, что мы слишком много общаемся с иностранцами и слишком много им доверяем». Эту склонность русского народа ко всему иностранному он называет «чужебесием».

Кстати говоря, он осуждал излишнюю на его взгляд расточительность русского простолюдина: «Люди даже низшего сословия подбивают собоями целые шапки и целые шубы..., а что можно выдумать нелепее того, что даже черные люди и крестьяне носят рубахи, шитые золотом и жемчугом?... Шапки, однорядки и воротники украшают нашивками и твезами, шариками, завязками, шнурами из жемчуга, золота и шелка». И дает такую рекомендацию: «Следовало бы запретить простым людям употреблять шелк, золотую пряжу и дорогие алые ткани, чтобы боярское сословие отличалось от простых людей. Ибо никуда не гоже, чтобы ничтожный писец ходил в одинаковом платье со знатным боярином... Такого безобразия нет нигде в Европе».

В Тобольске Крижанич продолжал заниматься литературной деятельностью. Судя по его записям, 15 апреля 1663г. он начал писать на разработанном лично им «общеславянском языке» свой главный труд – «Разговоры об владетельстве, или Беседы о правлении», известный в науке как «Политика». В нем наряду с панславянскими идеями и похвалами в адрес русского народа содержится резкая критика политического устройства страны и национальных черт ее граждан, а также даются советы, как исправить существующие недостатки. В нем он анализирует экономическое и политическое положение России, характеризует роль торговли, ремесел и земледелия, подчеркивает роль армии для сохранения государственной независимости.

Там же Крижанич указывает на необходимость культурного развития, выступает против преклонения перед иностранцами. Его слова обращены ко всем славянам, но

прежде всего к русскому монарху. Именно в монархии он видит наиболее подходящую форму правления, обеспечивающую единство народа и государственную стабильность. Царя он считает наместником Бога на Земле, власть его - священной. Обращаясь к царю, Крижанич говорит не только о правах, но и об обязанностях правителя перед народом. Царь должен быть скромным, мудрым, спокойным, праведным, свято блюсти божеские законы. Крижанич резко осуждает жестокость Ивана Грозного. В области экономики Крижанич руководствуется наиболее передовыми для того времени воззрениями. Он подчеркивает, что разорительные налоги на крестьян вредят хозяйству, советует поощрять талантливых мастеровых людей.

Необычайно актуально звучит сегодня мысль Крижанича об опасности, исходящей от бюрократии. Практически во всех своих работах Крижанич выступал за объединение славянских народов, но во главе церкви он видел главенство папы римского. При этом он доказывал ложность такого понятия, как «Москва – третий Рим». К 1674г. относится и такое его сочинение, как «Толкование исторических пророчеств», которое было опубликовано в «Собрании сочинений Юрия Крижанича» (М., 1891, вып. 2). И в этой работе автор призывал русский народ признать главенство римской церкви. Последняя работа, написанная им в г. Тобольске, – «Соловечка челобитна, об суієверству и об раздору», в которой показаны вред от церковных раздоров и правильность римской церкви.

А вот его высказывания о русском народе: «Истории, старины мы не знаем и никаких политичных разговоров вести не можем, за что нас иноземцы презирают. Та же умственная лень сказывается в некрасивом покрое платья, в наружном виде и в домашнем обиходе, во всем нашем быту: нечесанные головы и бороды делают русского мерзким, смешным, каким-то лесовиком. Иноземцы осуждают нас за неопрятность: мы деньги прячем в рот, посуды не моем; мужик подает гостю полную братину и оба-два пальца в ней окунул. В иноземных газетах писали: если русские купцы зайдут в лавку, после них целый час нельзя войти в нее от смрада. Жилища наши неудобны: окна низкие, в избах нет отдушин, люди слепнут от дыма».

В 1666г. в Тобольске им написано «Грамматично изскание об русском иезику» – труд, который стал одной из первых работ славянской сравнительной филологии. И «Обьяснение выводно о письме словенском». По сути дела это были первые в России работы по русскому языку. В них он намного опередил свое время и за два с половиной века до реформы русского языка уже писал о ненужности отдельных букв в алфавите, в том числе твердого знака (ъ) в конце слов. Сам он употреблял букву «ъ» только как разделитель. Кроме того, он предлагал очистить русский язык от излишних грецизмов и латинизмов, устранить ненужные на его взгляд буквы «фита», «ижица», «пси», «кси», а так же заменить названия букв (аз, буки, веде и пр.) односложными.

Интересно высказывание Юрия Крижанича о книжном языке западной Руси, которой он считал совершенно испорченным: «Я не могу читать киевских книг, без омерзения и тошноты» – писал он.

Находясь в Тобольске, Крижанич подготовил ряд статей по географии и этнографии Сибири, а так же о русской торговле с Китаем, но рукописи этих работ не обнаружены. Уже после отъезда из Москвы он написал на латыни «Историю Сибири».

Юрий Крижанич, будучи человеком общительным и любознательным и нуждался в беседах, как сейчас принято говорить, с людьми своего круга. Так, в Тобольске он поддерживал контакт с четырьмя монахами-доминиканцами сосланными в Сибирь в 1656г., а так же с находящимися там на военной службе поляками и литовцами. Он писал, что благодаря этим связям имел возможность читать доставляемые в Тобольск с большим опозданием последние издания немецких газет. Кроме того он знакомится с высланными в Тобольск вождями церковного раскола: монахами Федором, Лазарем а так же Протопопом Аввакумом который отказался беседовать с ним. Однако его единомышленники Федор и Лазарь довольно часто обсуждали с Крижаничем

различные аспекты христианской догматики. В то время как он не соглашался признать Унию, но чужды ему были и взгляды идеологов старообрядчества. Он не понимал причин церковного раскола в России, считая, что это спор по несущественным мелочам в обрядности. Так, он вспоминает, что когда его везли в Тобольск вместе с таким же ссылкой по имени Федор, то они умывались из одного ковша, но когда он зачерпнул воды у татарина, Федор отошел в сторону, считая эту воду поганой. Об этом он пишет в своей «Политике», находясь на точке зрения, что русский народ должен быть «самым прославленным между народами»

Известно так же, что у Крижанича установились дружеские отношения с тобольским купцом Афанасием Андреевичем Осколковым, который часто бывал в Москве и мог привозить ему необходимые для работы книги. Упоминает Крижанич так же о своем знакомстве с Ульяном Ремезовым и ссылкой украинцами. Возможно Крижанич даже участвовал в составлении тобольским воеводой Петром Годуновым первой карты Сибири, которую в дальнейшем усовершенствовал Семен Ульянович Ремезов и, известную нам как «Атлас Сибири».

Но его деятельную натуру угнетало вынужденное бездействие, на которое поневоле обрекала его ссылка: «Я никому не нужен, – пишет он, – никто не спрашивает дел рук моих, не требуют от меня ни услуг, ни помощи, ни работы, питают меня по царской милости, как будто какую скотину в хлеву».

О себе он говорил так: «Меня называют скитальцем, бродягой; это неправда: я пришел к царю моего племени, пришел к своему народу, в свое отечество, в страну, где единственно мои труды могут иметь употребление и принести пользу, где могут иметь цену и сбыт мои товары – разумею словари, грамматики, переводы».

...После смерти Алексея Михайловича в 1676г. Юрия Крижанича перевели из Тобольска в Соловецкий монастырь, а вскоре он покинул Россию и поселился в Литве. Там он вступил в члены иезуитского ордена в монастыре ордена доминиканцев, приняв имя Август. Тогда же написал «Histoire de Sibirie» (Историю Сибири), вызвав на Западе интерес к огромному неосвоенному краю, которым будет произрастать могущество России. По некоторым данным умер в 1683г. находясь в войсках сражавшихся с турками.

Мнение исследователей о личности Крижанича и о цели его посещения России неоднозначны. Но несомненно, это был крупный ученый и публицист своего времени, оставивший после себя богатейшее культурное наследие. Его фундаментальный труд «Беседы о правлении» найден в прошлом веке и лишь частично издан под условным названием «Политика». В нем содержится классификация всех видов знания, восходящая к латинской схеме *septem artes liberales* (семи свободных искусств), но дополненная и усовершенствованная. Познание мира делится автором на теоретическое и практическое, причем первое – на духовное и мирское.

Говоря о Юрии Крижаниче нельзя не отметить, что находясь в Тобольске, он не ощущал себя оторванным от привычной культурной среды, которая присутствовала в городе не смотря на его отдаленность от европейских центров. Получается, уже во второй половине семнадцатого века в Сибири стала формироваться культурная среда, благодаря чему город становился не только административным, но и культурным центром Сибири. Свою лепту в это внес и любознательный хорват, благодаря трудам которого нам открываются мало изученные страницы прошлого.

4. ПОТОМОК РИМСКИХ КОНСУЛОВ СИБИРСКИЙ МИТРОПОЛИТ ИГНАТИЙ

В допетровскую эпоху жил и выдающийся русский ученый конца XVII века Иван Степанович Римский-Корсаков, родившейся между 1630 и 1635 годами, который

больше известен как митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий. Его перу принадлежит не только ряд публицистических работ, но был он еще поэтом, искусственным переводчиком и первым композитором в династии Римских-Корсаковых. «Римскими» их род стали именовать после того, как Игнатий на основе собственных изысканий доказал, что предки его находятся в прямом родстве с римскими консулами Фабиями. Его «Генеалогия» стала первым российским сочинением подобного рода и послужила зарождению в России науки с одноименным названием.

Служение свое начинал он стольником при дворе царя Алексея Михайловича, а затем неожиданно для всех принял в 1667 г. в нижегородской Костомаровской пустыни монашеский постриг. Образование свое получил предположительно в Андреевском монастыре, где обучение вел известный ученый того времени Епифаний (Славицкий) и затем продолжил служение в Спасо-Преображенском Ярославском монастыре, знаменитом своими книжниками и библиотекой. Уже после бунта соловецких монахов в 1676–80 гг. Игнатий был направлен экклезиархом (уставщиком) в Соловецкий монастырь, а с 1685 г. стал архимандритом Московского Новоспасского родового монастыря Романовых. Он свободно читал и изъяснялся на латинском и греческом языках, но при этом отдавал предпочтение чтению греческих оригиналов, считая, что именно они служат ключом к высокой культуре. В своих работах он делает ссылки на таких латинских авторов, как Цицерон, Полибий и Лукреций Кара. При этом он указывает, что в европейских университетах «греческое учение... и до днесь поучается вместе с латинским», подчеркивая, что культурная основа, общие корни европейской науки важнее, чем конфессиональная принадлежность ученых.

В Москве Игнатий оказался в гуще событий, происходящих в период регентства царевны Софьи и ее канцлера князя В. В. Голицына, начавшего привлекать на российскую службу иностранных специалистов. Причины, по которой те покидали родину, были довольно стандартны: католиков преследовали там, где на государственном уровне исповедовалось учение Лютера, тогда как лютеране стремились покинуть страну с господствующим там католицизмом. Веротерпимость московского правительства выгодно отличала Россию от европейских дворов, где конфессиональные ограничения считались нормой. Этому так же способствовал тот факт, что зарождающаяся российская промышленность нуждалась в европейских специалистах, которые в первую очередь рассматривались как знатоки своего дела, а лишь затем интересовались их религиозной принадлежностью. Но, оказавшись в Москве, они не только не отказывались от своих религиозных воззрений, но пытались приобщить к своей вере вступающих с ними в контакты москвичей. В 1684 г. по прямому разрешению канцлера В. В. Голицына в Москве началось строительство культового сооружения, – кирхи-костела, – в котором богослужение могли вести как католики, так и лютеране.

Высшее православное духовенство было обеспокоено этим фактом, предвидя, что вслед за отколовшимися от государственной церкви старообрядцами, могут последовать и другие слои населения, соблазненные европейскими «лжеучениями». Разделял эти опасения и архимандрит Игнатий, направивший свои усилия на борьбу против усиливающегося влияния «иноверцев» в столице. Вместе с тем он остался сторонником «эллинской учености», но присутствие в Москве представителей иных конфессий считал опасным.

Игнатий (Римский-Корсаков) один из первых высказал мысль, на основе которой затем была сформирована государственная идеологическая платформа, что именно Российское православное самодержавное царство спасет мир и станет единственным центром православия. Он считал, что необходим диалог с представителями иных конфессий, но заранее предопределял православию ведущую роль. Об этом говорится в одном из первых его сочинений «На лютеранский катехизис возобличение», где он довольно резко обличает «лютеровых еретиков», доказывает неправоту их

взглядов на иконопочитание, клятву и монашество. В другом своем сочинении «Слово на латин и лютеров, яко в Московском государстве и во всей Российской земле не подобает им костела или кирхи еретических своих вер созидать», Игнатий в более развернутом виде продолжает обличение лютеран и католиков, указывая, что «некий от первосоветников», покровительствует им в Москве, разрешив строительство культового сооружения. Нетрудно догадаться что этим «первосоветником» был никто иной, как канцлер В. Голицын.

Но если Игнатий призывает к открытому диалогу с представителями иных конфессий, то патриарх Иоаким выступал против какого-либо контакта с ними. Неприятие им конфессиональной политики Голицына прослеживается прежде всего в «Духовном завещании» патриарха, где он требует полной изоляции православных граждан от представителей иных конфессий, к которым, по его мнению, относятся «латины, люторы, кальвины и злобожные татары». В качестве оградительных мер он предлагал запретить «под казнию накрепко» упоминать иноверцам о своей вере и полностью оградить православное население от любого контакта с ними. Если Игнатий лишь пытается убедить Голицына в неизбежной опасности для Русской православной церкви открытие католическо-лютеранского храма, то патриарх выступает с позиций полной изоляции иноземцев.

Таким образом, эти два ярких представителя российской православной церкви конца семнадцатого столетия имели различные представления о векторе развития дальнейшей государственной вероисповедальной политики России. Как показал ход истории, взгляды Римского-Корсакова оказались более перспективными в этом плане и, сохранив определенные ограничения, государство вплоть до трагических событий начала XX века, вполне лояльно воспринимало наличие на его территории общин практически любых конфессий, если они не таили в себе опасности подрыва устоев самодержавия. Следует оговориться, что подобная лояльность не распространялась на старообрядческую ветвь православной церкви.

И еще одно расхождение во взглядах патриарха Иоакима и Игнатия (Римского-Корсакова) отразилось в идее будущности российской внешней политики и неразрывно связанными с ней действиями вооруженных сил. Весьма непростой вопрос о правомочности военных действий непосредственно вне территории государства рассматривался тем и другим по-разному. Противоположность их позиций прослеживается в выступлениях того и другого во время проводов русских войск в Крымский поход 21 февраля 1687г. Первым с напутственным «словом» к российскому воинству после литургии в кремлевском Успенском соборе обратился патриарх. Одновременно с ним на соборной площади перед собравшимися в поход войскам произносил напутственную речь архимандрит Игнатий. Если патриарх с соборной кафедры полемически вопрошал: стоит ли жертвовать людскими жизнями на борьбу «с оными злыми варварами», когда пределы государства «расстояние имеют до пределов довольное», то Римский-Корсаков в своем «Слове благочестивому и христоробивому российскому воинству...» безоговорочно признавал необходимость военных действий и предрекал неизбежную победу русского оружия.

Идея речи патриарха сводилась к тому, что «никакая казнь Божия не столь страшна, тяжка людям и пагубна, как военная брань». Зато Игнатий начинает свою речь с экскурса в историческое прошлое Руси. Он приводит в пример подвиги русских богатырей-ратоборцев, являвших «дивную и мужественную храбрость» в сражениях. Ставит в пример личное мужество князей Мстислава Удалого, Всеволода Юрьевича, Владимира Глебовича, Святослава Юрьевича и Дмитрия Донского. Участникам похода он предлагает: «Мужественно, храбрым и смелым сердцем, шествуете на поганых татар», чтоб тем самым расширить пределы Российской земли. Образцом для подобного «расширения» для него является царь Иван Васильевич, который «приобрел»: Казанское, Астраханское и Сибирское царства, и царь Алексей

Михайлович, вернувший в состав Российского государства его исконные земли Малой и Белой Руси. Не забывает он упомянуть о небесной помощи апостола Андрея Первозванного, святых князей Бориса и Глеба и Александра Невского, святых митрополитов Петра, Алексея, Иону, Филиппа и Сергия Радонежского.

Интересно, что патриарх Иоаким в своем выступлении не вспомнил ни о Софье, ни о Голицыне, зато архимандрит Игнатий называет их имена как главных инициаторов похода. Немаловажен и тот факт, что конечную цель военных действий Римский-Корсаков видит в освобождении Константинополя, поскольку «царство ромейское, еже есть греческое, за многое время сих настоящих времен по части переносилось в Россию», а потому призывает отвоевать «царей всея России отчинный их престол». Для него война с Крымским ханством и Турцией есть война священная: «Дело же вам подлежащее есть дело не ваше, но дело Божие»! Не с тех ли пор и возник термин «священной войны»?

Возможно благодаря разным тональностям в выступлении двух ораторов предпочтение для заключительного обращения к войскам, остановившимся за городом у стен Новодевичьего монастыря, и вручение иконы Одигитрии, издревле считавшейся среди христиан Путеводительницей, было поручено архиепископу Игнатию. В повторном выступлении он не преминул напомнить российским воителям, что они пребывают под заступничеством самой Богоматери, которая «в своей крепости доселе пребывает и ее утверждением врагов своих и супостатов преславно побеждает». Один из экземпляров «Слова воинству» позднее был поднесен царевне Софье Алексеевне и по праву считается одним из лучших историко-публицистических произведений XVII века.

Неприятие патриархом Иоакимом политики регентши и ее окружения проявилось в самый критический момент противостояния между правительницей Софьей и ее братом Петром, когда патриарх принял сторону будущего императора. Во многом благодаря негативной оценке патриархом деятельности князя Голицына, последний был обвинен в постигших его неудачах во время предпринятых им Крымских походов и подвергнут изгнанию из столицы. Казалось бы, глава русской православной церкви мог торжествовать, но и его дни были сочтены. Вместе с тем заканчивалось благодатное для православной церкви время, когда российские самодержцы решение практически всех важнейших политических вопросов согласовывали с ее иерархами, опасаясь возникновения конфликта с ними.

Сказать что-то определенное об отношении архимандрита Игнатия по поводу занятия престола Петром не представляется возможным. Во всяком случае, до нас не дошли сочинения, принадлежавшие его перу, где бы это событие прославлялось. Вряд ли книжнику архимандриту, чей возраст близился к шестидесяти годам, пришлось по душе последующие вслед за тем события. А молодой царь до поры до времени терпел бывшее окружение старшей сестры и ждал момента, чтоб раз и навсегда отрешить церковь от дел государственных. Но пока еще позиции православных иерархов были достаточно сильны, а в памяти молодого государя еще не остыли воспоминания о недавних выступлениях мятежных стрельцов, усмирять которых направляли не кого-нибудь, а отцов церкви.

В марте 1690г. патриарх Иоаким скончался. Его место по представлению, исходящему от матери Петра I, царицы Натальи Кирилловны, занимает митрополит Казанский Адриан. Отдаленную от столицы Сибирскую кафедру занимал в то время митрополит Павел, который 15 декабря 1691г., будучи больным, выехал из Тобольска в Москву, но 4 января 1692г. умер в Суздале. Не секрет, что управлять сибирской митрополией в ряде случаев направляли тех, чье присутствие в столице по той или иной причине было нежелательно. Игнатий (Римский-Корсаков), известный как сторонник царевны Софьи и активный член «старорусской» партии, оказался неугоден занявшим ключевые посты сторонникам реформации церкви. А потому неудивительно, что по

прямому ходатайству патриарха Адриана 2 апреля 1692г. в присутствии царей Иоанна и Петра он был хиротонисан в митрополита Сибирского и Тобольского. Но на свою кафедру преосвященный Игнатий прибыл только 12 февраля 1693г., став восьмым сибирским архиереем и третьим митрополитом. На этом посту он находился в течение семи лет.

Одним из первых вопросов, с которым новому митрополиту пришлось столкнуться – это борьба с набравшим силу церковным расколом. Согласно отчетам церковных властей, в 1679г. в Тобольском уезде на р. Березовке сгорело более 1700 человек; в 1682 г. в Утяцкой слободе сгорело 400 крестьян. В Верхотурском уезде подвергли себя самосожжению около 100 человек, а в 1687г. в разных деревнях Тюменского уезда сгорело до 450 человек. Около Томска некто Шапошников уговорил пойти на смерть большое количество людей, заперев их в трех сараях, а затем поджег строения, сам он при том смерти избежал.

Несмотря на преклонный возраст, митрополит Игнатий стремится посетить все отдаленные уезды, где сторонники «старой веры» проявляли наибольшую активность. Об этом он сообщает в своей челобитной царям Иоанну и Петру: «в прошлом 203 (1695) году я шествовал епархии своей в городах и уездах для проповеди св. Евангелия и истребления армянского учения» (он считал, что раскол пошел от армян – Авт.). Результатом его многочисленных поездок стали три «Послания», адресованные к старообрядцам, в которых он довольно подробно описывает историю церковного раскола.

Митрополиту Игнатию принадлежит весьма важный шаг в установлении добрососедских отношений между Россией и Китаем. Случилось так, что после того, как в 1685г. китайские войска разрушили на Амуре пограничный город Албазин и увели в плен около 100 казаков и вместе с ними священника Дмитрия Нестерова, поселив их близ Пекина, возникла необходимость в исполнении пленниками православных церковных обрядов. Когда посланник Петра I в Китае, – Елизарий Избрант, – находясь в Пекине в 1693г., попросил китайского императора о постройке для пленных православного храма, то получил на это согласие. Храм был построен, но освящать его оказалось некому по причине смерти священника. Узнав о том, митрополит Игнатий направил в Китай верхотурского священника Григория и тобольского соборного диакона Лаврентия с церковной утварью и всем необходимым для освещения храма. В результате в Пекине была освещена православная церковь, во имя Софии Премудрости Божией, в чем без сомнения усматривается ее духовная связь с Тобольским кафедральным собором одноименного названия.

Пришлось митрополиту Игнатию пережить и ряд невзгод, постигших православную церковь уже в первоначальный период правления Петра I. Именно на это время пришлось лишение сибирского духовенства и монастырской братии целого ряда привилегий: им было отказано в руге (царском жаловании), запрещено беспопытно ввозить для собственных нужд соль с Ямышевского озера, что привело если не к обнищанию епархии, то к значительному снижению ее материального уровня.

Не все благополучно складывалось в отношениях между митрополитом и гражданскими властями. Причиной конфликтов стали бесчинства так называемых десятильников, которые являлись наместниками преосвященного в епархиальных округах и по сути дела ведали всеми церковными хозяйственными делами, допуская при том множество нарушений. Подобные нарушения происходили не только в Сибирской епархии, а потому еще в 1675г. на Стоглавом соборе было принято решение о назначении десятильников только «из лиц духовных». Но сибирские архипастыри из-за нехватки духовенства вынуждены были назначать на столь важные должности преимущественно лиц гражданских из детей боярских, которые не были в прямом подчинении духовным властям и больше заботились о собственном благополучии, чем о делах церковных. Все это привело к тому, что в Москву на митрополита посыпались

многочисленные жалобы. В результате Петр I в 1697г. делает строгое замечание митрополиту Игнатию.

Серьезный конфликт возник между митрополитом Игнатием и тобольским воеводой Андреем Федоровичем Нарышкиным (двоюродным дядей Петра I), зарекомендовавшим себя среди современников как «великий развратник, грабитель и варвар». Митрополит неоднократно обращался к Нарышкину с различного рода «увещеваниями» как в устном, так и в письменном виде, но, не дождавшись раскаяния воеводы, пошел на крайнюю меру и отлучил его вместе с семейством от церкви. Впрочем, вряд ли этот прискорбный факт как-то сказался на служебной карьере Нарышкина, поскольку и после того он еще несколько лет оставался на воеводской должности: родство на Руси играло далеко не последнюю, а иногда и решающую роль в карьере верховных представителей власти.

Во время нахождения митрополита Игнатия на тобольской кафедре, произошло весьма знаменательное событие, обретение святых мощей праведного Симеона Верхотурского, ставшего вторым (после Василия Мангазейского) сибирским святым. По имеющимся сведениям владыка Игнатий первоначально не был склонен к его канонизации, но впоследствии изменил свои убеждения и признал святость праведного Симеона.

В конце 1699г. митрополит Игнатий был вызван в Москву для очередного служения при патриархе. В начале марта 1700г., по словам современников, он неожиданно заболел, что якобы выразилось в расстройстве его рассудка, потере сна и отказе от приема пищи. 16 марта в келье патриарха Адриана он оскорбил его «неистовыми словесы в лице и злословил без всякие правды». Затем он вышел в крестовую палату, где собрались архиереи для возведения в архиерейский сан Стефана Яворского и их так же «бесчестными словесами поругал, а также и домовых моих людей священного чина и служителей поносил», – жаловался царю патриарх Адриан. Митрополита поместили в Чудов монастырь, а затем перевели в Симонов монастырь, где он и остался до дня своей смерти 13 мая 1701г.

На вопрос о так называемой «болезни» и «неистовстве» преосвященного нельзя ответить однозначно. Если принять во внимание те перемены в сфере церковной жизни, которые произошли пока митрополит находился в Сибири, то «неистовство» его вполне объяснимо и понятно, почему он обрушил «бесчестные словесы» на патриарха Адриана, считая его виновником тех перемен. К тому же, вполне вероятно, что сибирский владыка мог составить свое мнение о Яворском, который не скрывал как он легко менял веру православную на католическую и наоборот и вряд ли митрополит Игнатий был согласен с возведением его в архиерейский сан. Так или иначе, но причин для гнева у митрополита оказалось предостаточно. Тогда, не найдя иных аргументов для урезонивания Игнатия, прибегли к весьма действенному способу, признав его сумасшедшим. Так потомок римских консулов стал первым из русских писателей, которого объявили сумасшедшим.

Хотелось бы добавить к сказанному, что на Сибирской кафедре митрополит Игнатий был последним представителем из числа архипастырей «старорусской партии», вслед за тем назначаемы на нее были чуть ли не весь восемнадцатый век выходцы с Украины, подверженные изрядной доле влияния западных воззрений, с которыми в свое время боролся славный представитель рода Римских-Корсаковых, которым их римские корни не помешали стать людьми истинно русскими по вере и убеждениям.

А далекий Тобольск с описанными событиями связывает еще одна любопытная находка: в 80-х годах прошедшего столетия в запасниках государственного музея-заповедника явлен был изумленным взглядам сотрудников прижизненный портрет (парсуна) патриарха Иоакима кисти известного живописца Карпа Золотарева. Как портрет попал в Сибирь, ответить трудно. Он мог быть направлен на момент освящения

первого каменного сибирского собора, а мог быть привезен непосредственно и митрополитом Игнатием, в память о своей дружбе с покойным патриархом. Есть и другие версии. Но хотелось бы подчеркнуть, что на обширных российских пространствах, преодолеть которые когда-то требовались многомесячные путешествия, распространение новых идей и культурных веяний происходило пусть и достаточно долго, но беспрепятственно. За что мы нашим предкам должны быть премного благодарны.

5. МУДРОСТЬ БОЖΙΑ И ВЛАСТЬ ЛЮДСКАЯ

Конец семнадцатого столетия был для Сибири, как и для всей страны, переломным этапом, когда назревала необходимость перемен не только в государственном устройстве, но и в людском мышлении. Потому правление царевны Софьи в этом плане весьма показательно и важно для понимания последующих вслед за тем преобразований.

Женское имя София – переводится как «мудрость божья». Недаром ряд православных храмов носят названия Софийских. С именем царицы Софьи Алексеевны связан период регентства, сыгравший весьма важную роль в дальнейшем становлении России как полноправного европейского государства. Уже более трех с половиной веков прошло с момента рождения царевны Софьи (1682), которую, на наш взгляд, незаслуженно причислили к противникам европейских реформ, проведенных ее сводным братом Петром. Постараемся приоткрыть завесу таинственности над именем этой незаурядной женщины, сведения о которой в нашей исторической науке весьма противоречивы, а так же вкратце рассказать о ее единомышленниках, среди которых находились люди незаурядные.

... В молодости трудно предположить чем отзовется через несколько десятилетий то или иное твоё знакомство. В те давние времена в Тобольске жило множество интересных людей, приехавших в наши края из иного неведомого нам мира и каждый из них нес в себе что-то интересное, а порой и таинственное. На нашей улице жила пожилая супружеская пара, которые во время войны были эвакуированы из блокадного Ленинграда и приобрели здесь небольшой домик. В Тобольске они, что называется, прижились и не пожелали возвращаться обратно. По-соседски частенько заглядывал к ним, чтоб попросить какую-нибудь книгу из их богатой библиотеки, в чем они никогда не отказывали. И как-то, принеся очередную книгу домой, вдруг через прорванную газетную обертку, которая служила книжной обложкой, увидел желтоватые страницы довольно плотной бумаги, испещренные непонятными значками. Что и говорить, обложка тут же была снята, странички извлечены, но прочесть непонятные для меня символы тайнописи расшифровать не удалось.

Первоначально мне подумалось, что это письмо на незнакомом мне языке. Чтоб удостовериться в том, отправился к другим знакомым, которые свободно разговаривали на нескольких языках. Но и там мне было заявлено, что ни в одном из европейских языков нет ничего и похожего на эти таинственные знаки. Ничего не оставалось как с виноватым видом и извинениями вернуть книгу и непонятные записи их хозяевам.

На мой вопрос: «А что тут написано», – хозяйка дома несколько смутилась, но потом согласилась все объяснить, если дам слово не разглашать ее тайну «до лучших времен». Не знаю, пришли ли те самые «лучшие времена», но хозяевам тех записей давно уже ничего не грозит, поскольку отошли они в мир иной, а потому беру на себя смелость раскрыть содержимое старинных листочков.

Оказалось, что наша соседка происходила из известного дворянского рода Голицыных и унаследовала эти записи от одного из своих предков. А содержалась в них не более ни менее как тайная переписка царевны Софьи с ее фаворитом Василием Васильевичем Голицыным. Понятно, что в те времена подобное родство могло сыграть

печальную роль, как для близких, так и для дальних их родственников, имеющих дворянское происхождение. Мою же знакомую спасло замужество, в результате чего ее девичья фамилия не была столь очевидно «непролетарской». На свой страх и риск она хранила тайную переписку своего предка, хорошо понимая, чем это ей грозит и, слава Богу, что все осталось в тайне и никто из-за тех писем не пострадал.

Но чтоб говорить о том, как возникла зашифрованная переписка между царевной Софьей и ее фаворитом Василием Голицыным, попытаемся воссоздать портрет незаурядной для своего времени женщины, которая по свидетельству современников была «великого ума и самых нежных проникательств, более мужеска ума исполнена дева». Однако со страниц некоторых исторических изданий Софья Алексеевна предстает как женщина невежественная и недалекая. Видимо находясь под впечатлением подобных публикаций известный русский живописец Илья Ефимович Репин на своей картине изобразил ее с всклокоченными волосами и злыми глазами этакой купчихой-самодуркой. В то время как с прижизненного портрета царевны на нас смотрят живые проникательные глаза умной и даже привлекательной женщины.

В романе Алексея Толстого она выглядит и вовсе как некое чудовище. В тоже время историк Карамзин называл царевну Софью «одной из величайших женщин, произведенных Россиею». В отличие от своих братьев Федора и Иоанна Софья отличалась крепким телосложением и завидным здоровьем. Внешностью и характером она походила на Петра Первого, доводившегося ей сводным братом по отцу. Учителями у нее были образованнейшие люди эпохи – Симеон Полоцкий, Карион Истомин, Сильвестр Медведев. Она владела несколькими языками, читала богословские книги, неплохо разбиралась в истории европейских государств. Ее идеалом стала византийская царица Пульхерия, взявшая власть из слабых рук брата. Она первой из царских дочерей стала открыто показываться на людях, принимать участие в государственных делах. Уже за одно это ей должны быть благодарны взшедшие на престол в XVIII веке российские императрицы.

Именно она уговорила прикованного болезнью к постели своего брата Федора после смерти в 1676г. их отца, – царя Алексея Михайловича, – унаследовать царский престол и стала его первой советницей, а по сути дела, управлять страной. Именно тогда она сблизилась с «первым министром» царя, возглавлявшим Посольский приказ, выдающимся дипломатом, – князем Голицыным, – и обрела в нем не только союзника, но и близкого друга.

Василий Голицын, несомненно, был так же незаурядным человеком своей эпохи. Будучи европейски образованным, он не только предвосхитил, но отчасти и осуществил свои замыслы по преобразованию страны. Им был составлен проект по освобождению крестьян от крепостного права и наделение их землей, мечтал о создании регулярной армии и народном образовании. Даже свой дворец в Москве «один из великолепнейших в Европе», по его указанию был расписан изображениями карты звездного неба и движущихся по нему планет, а внутри него висели портреты великих князей и правящих государей. К этому периоду относится реформирование русской армии, борьба с местничеством, походы на Крым, создание проекта высшего учебного заведения в Москве.

Когда в 1682г. умер царь Федор Алексеевич, брат Софьи, не оставивший после себя наследников, то путь к престолу, о чем она мечтала много лет, был для нее свободен. Осталось лишь устранить влияние Нарышкиных и вдовствующей царицы Натальи Кирилловны, матери девятилетнего Петра. Самой Софье на тот момент не было и двадцати пяти лет. После вспыхнувшего 23 мая 1682г. стрелецкого бунта страной стали править одновременно два царя – Иоанн и Петр, а правительницей при них провозгласили Софью. Такая ситуация продолжалась вплоть до женитьбы шестнадцатилетнего Петра в 1687г. В июле 1689г. произошел окончательный разрыв между братом и сестрой, после чего она была отправлена на постоянное жительство в

Новодевичий монастырь. Но в 1698г. Петр обвинил сестру в намерении отстранить его от власти и занять трон, а потому вынудил ее принять постриг в Новодевичьем монастыре с именем Сусанны. Под этим именем она и закончила свой земной путь 3 июля 1704г. и похоронена в соборной монастырской церкви Пресвятой Богородицы Смоленской.

К заслугам первой российской государыни в области законодательной можно отнести следующие важные моменты: ослабление некоторых уголовных наказаний, пресечение бродяжничества, уничтожение таможен между Россией и Украиной, развитие книгопечатания. В период ее правления появились первые частные библиотеки, зародилась светская живопись, в архитектуре расцвело так называемое «московское барокко». В 1682г. в Москве было открыто славяно-латинское училище, которое затем братьями Лихудами преобразуется в Славяно-греко-латинскую академию.

В 1686г. Польша согласилась на «вечный мир» с Московским государством, отказавшись от левобережной Малороссии. По этому договору Москва брала на себя обязательство оказать помощь Польше в борьбе с Турцией и совершить поход на Крым, что и было предпринято В. В. Голицыным в 1687 и 1689 гг. Но оба похода закончились неудачей (хотя существуют различные точки зрения на этот счет). Именно неудачные крымские походы вменялись князю в вину после смещения Софьи. Князь Василий Васильевич Голицын печально закончил свой земной путь. После прихода к власти Петра I, он был лишен боярства, всего имущества и сослан с семьей в Каргополь, затем в Пустозерск, а оттуда в с. Кологоры Пинежского уезда. Умер он в 1714 году.

Приведем непосредственно сами письма царевны Софьи к Василию Голицыну уже в расшифрованном виде, сохраняя правила письма того времени.

Первое письмо:

«Свет мой братец Васенька здравствуй батюшка мой на многие лета и паки здравствуй. Божию и пресвятыя Богородицы и твоим разумом и счастьем победив агаряны, подай тебе Господь и впредь враги побеждати, а мне свет мой взоры не имеючи што ты к нам возвратитца, тогда веры поищу как увижу во объятиях своих тебя света моего.

А что свет мой пишет, что бы я помолилась, будто я верна ... перед Господом и недостойна, однако же дерзаю надеяться на Его благоутроби, а еще и грешная. Ей всегда того прочию чтобы света моего в радости видеть. По сем здравствуй свет мой в Христе на веки неизветные.

Аминь».

Второе письмо.

«Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многия лета!

Зело мне на сей день радость, что Господь Бог прославит имя Свое святое, также и Матери своея Пресвятыя Богородицы над вами свет мой чаю от века не слыхано, на отцы наши поведоша нам такова милосердия Божия не хуже Израильских людей вас Бог извел из земли Египетския тогда через Моисея угодника своего, так ноне через тебя, душа моя, слава Богу нашему помиловавшему нас через тебя.

Батюшка мой платит за такие твои труды неисчетные радость моя, свет очей моих, мне веры не иметца, сердце мое, что тебя, свет мой, видит.

Велик бы мне день той был, когда ты, душа моя, ко мне будешь, если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собою.

Письма твои врученные Богу к нам все дошли в целости из под Перекопу из Каирки чрез сеунтчиков¹ и с Московки все приходили в приметныя времена. Из под Перекопу пришли оттиски в пяток (11?) числа.

Я брела пеша из Воздвиженскова, только подхожу к монастырю Сергия Чудотворца к самым Святым воротам, а от вас отписка о боях. Я не помню как вошла, чла идучи не ведаю чем Его света благодарить за такую милость Его и Матерь Его Пресвятую Богородицу и преподобнаго Сергия Чудотворца милостиваго.

Суенщик к нам еще Змеев не бывало что ты батюшка мой пишешь о посылке в монастыри все то пополнила по всем монастырям бродила сама пеша, а со отпуском пошлю к вам вскоре Василия Нарбекова, а золотыя не пошлю, не покручинься за тем вас держать жалея тотчас поспеют тотчас пришлю, а деньги собираю стрельцам готовы тотчас сберу тотчас пришлю, скажи им будут присланы, а раденья твое, душа моя, делом скажется.

Почты от нас, свет мой, посланы три четвертной Шошин порадей, батюшка мой, чтоб его окупить или на размену отдать, что пишешь батюшка мой, чтоб я помолилася.

Бог, свет мой, ведает как желаю тебя, душа моя, видеть и надеюсь на милосердие Божие велит мне тебя видеть надежда моя, как сам пишешь о ратных людях так и учини, а Борису не побыть ли в Белогороде; также и Овраму сверх того как ты, радость моя, изволишь, а я, батюшка мой здорова твоими молитвами и все мы здоровы, аще даст Бог увижу тебя свет мой о всем своем житье скажу, а вы свет мой не стойте, подите помалу, и так вы утрудились. Чем вам платить за такую нужную службу, наипаче всех твои света моего труды, если б ты так не трудился, нихтоб так не сделал».

Во времена правления Софьи Алексеевны деятельно проявил себя боярин Алексей Семенович Шеин, который в восемнадцать лет был назначен в 1680г. на воеводство в Тобольск, а, вернувшись через два года обратно в Москву, принимал участие в уничтожении местничества. Его имя упоминается в церемонии коронования царей Иоанна и Петра. Он был воеводой во втором крымском походе князя В. В. Голицына. В царствование Петра I руководил взятием Азова, за что впервые в русской армии получил чин генералиссимуса. Именно он с войском встретил под Москвой взбунтовавшихся стрельцов, разогнал их, а потом вел розыск зачинщиков, многих пытал и казнил. В историю он вошел еще и тем, что стал первым, кому Петр отрезал собственноручно бороду после возвращения из-за границы, положив тем самым начало повсеместному уничтожению являвшейся до того обязательной части облика русского человека.

А в Тобольске в описываемый период шло строительство первого сибирского каменного храма во имя Софии Премудрости Божией, которое было закончено в 1686 г. Продолжалось возведение каменных строений и в петровскую эпоху, но неожиданно оказалось приостановленным почти на полвека. Так или иначе, но и на наш далекий от дворцовых интриг городок сказалось противостояние между первой российской женщиной-правительницей и первым российским императором. Только кто выиграл от этого? Увы, но не российский народ, для которого любая власть – от Бога, а потому к ней нужно приспосабливаться и принимать такую как она есть.

Каждый правитель старается доказать, что предшественник его управлял государством ни в пример хуже и пытается память о нем стереть, растоптать, уничтожить. Но когда проходишь мимо древнего Софийского собора и глядишь на сияющие позолотой маковки, то невольно вспоминается имя женщины, которое переводится с греческого как «мудрость», чего всем нам порой очень недостает.

¹ Сеунч – радостная весть; сеунщик – гонец с вестью.

III. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК – ЭПОХА АВАНТЮРИСТОВ

Восемнадцатый век стал для России во многом переломным не только в смене династического правления, когда престол захватывался в ходе дворцовых переворотов, но во многом изменилось и мышление людей того времени. И не зря его называют «веком авантюрным». Благодаря непредсказуемости в политике властей все население страны, почувствовав происходящие изменения, начало вести себя совершенно иначе, нежели их предки. Стало возможным буквально все, о чем вчера невозможно было и мечтать! Любой из простолюдинов при известной расторопности и пронырливости мог получить дворянское звание. А дворянин волею случая – попасть ко двору. Заколебались устои веры и православия.

Все эти изменения породили появление на политической арене массы желающих изменить собственную судьбу и занять более высокое положение в обществе. Но не всем это удавалось. Многие из них меняли свой статус на участь ссыльных, попадая на поселение в Сибирь. А потому по праву могут быть включены в наше повествование.

Трудно объяснить почему, но именно с Tobольском связаны судьбы достаточно значительного количества людей, которых мы вполне заслуженно можем называть не иначе как авантюристами. Виной тому, скорее всего их необузданная натура и широта души, для которой никакие преграды не помеха. Но тем интересней наше прошлое, что в нем наряду с людьми почтенными, домовитыми тружениками прослеживаются и те, кто закончил свою жизнь печально, оставив недобрую память среди потомков.

1. О КОЛОДНИКЕ - РАССТРИГЕ И ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕ ФЕОФЕЛАКТЕ МЕЛЕСЕ

Одним из таких неумных людей мы можем назвать некоего Феофилакта Мелеса, происхождения которого были в свое время документально засвидетельствованы в делах тобольской духовной консистории. Исходя из этих документов, трудно предположить, как на долю одного человека выпало столько испытаний. Но с другой стороны, редко приходится встретить столь неукротимого борца с монолитом церковной структуры, каким оказался рядовой церковнослужитель, за свое инакомыслие заключенный «до исправления» в далекий северный монастырь, но так и не смиерившийся со своей участью. Просто диву даешься, как у него хватило сил и решимости пройти через все испытания и выйти, в конце концов, из них несломленным. В тоже время, знакомство с его биографией позволяет довольно живо представить себе всю мощь репрессивной системы в дореволюционной России, с которой приходилось сталкиваться отступнику от веры. Не нам судить в ее необходимости. Историю не изменишь. Вызывает удивление и даже уважение характер и цельность натуры страдальца, благодаря чему он, собственно говоря, и добился своего освобождения.

Имя Феофилакт переводится греческого как «богом хранимый» и, надо сказать, весьма соответствовало всему с ним происходящему, а сгинуть, погибнуть мог он несчетное количество раз. Да вот ведь – хранил Господь, оберегал ... А прозвище свое «Мелес» получил он, судя по всему, от названия травы «мелиссы», которую в народе называют «донником», «маточником», «пчельником». Запах у той травы весьма пряный и душистый, приятный, одним словом.

Родился тот Мелес на Полтавщине в местечке Золотоноши в семье ничем непримечательного мещанина. После окончания местной семинарии уже с молодых лет пожелал стать монахом и в 1749 г. был пострижен в иноки. За успехи в учебе или по иной причине через два года его направляют продолжать образование в Московскую академию для «обучения латинской науке». Верно и там показал он отменные успехи, поскольку уже через год его направляют как иеромонаха в немецкий город Киль в королевский Голштинский дворец служить в православном храме. С Голштинией у России были давние дружеские связи и наличие в ней русской церкви лишь это подтверждает.

В городе Киле Мелес провел три года, а потом вдруг сам себя низложил из монашесствующих в миряне и «резоны на то» предоставил коллегии иностранных дел, прося о своем переводе в Россию с тем, чтоб отпустили его на родину в Полтавскую губернию в местечко Золотоноши. Бывает, что чужая сторона в тягость, когда вдруг становится весь свет не мил. Только не скоро попал Мелес в родные края... но о том чуть позже.

Пока же монаха-расстригу доставили с немецкой стороны в Петербург, поместили в подвалы Святейшего Синода, где и провели допрос по всей формы. Что показал Мелес следователям из Синода нам не известно, но в 1755 г. закованного в кандалы под караулом отправили по этапу в Тобольскую губернию в Успенский Далматов монастырь. В определении было сказано следующее:

«...Иеромонаха Феофилакта за учиненные весьма непристойные и неприличные священно-монашесствующему чину поступки и дерзости к поношению и крайнему бесславию всего российского духовенства – лишить сана и переименовать в мирское звание Федор, послать скованного под караулом двух солдат московской синодальной конторы в Успенский Далматов монастырь для неисходного и крепчайшего в монастырских черных работах содержания; и держать под крепчайшим присмотром и караулом, чтобы он утечки и никаких непристойностей не чинил; в церковь допускать к исповеди и для слушания

славословия в надлежащее время, а к святому причастию только в случае смертного часа».

Вот так! Наказали так наказали: на всю жизнь епитимью наложили – до смертного часа жить без причастия, а лишь только раскаиваться. Знать, велик был грех того монаха-расстриги, поносившего «к крайнему бесславию» все российское духовенство и отвечать ему повелели, что называется по полной программе – всю оставшуюся жизнь. Но самые интересные события разворачивались уже в Сибири.

Оказавшись в Долматовом монастыре, Федор (по мирскому имени) ничуть не опечалился, а выказал полное неповиновение монастырским властям, отказавшись от работы, а «на словах стал устрашать показыванием важных случаев». Дело Мелеса дошло до императрицы Елизаветы Петровны, которая распорядилась перевести его подальше на север в Кондинский Свято-Троицкий монастырь «яко неспокойного». Уже и императрица узнала о бывшем монахе, с которым не могли справиться духовные власти. А «важные случаи» – это обычный прием заключенных того времени, которые использовали любой повод, чтоб крикнуть «слово и дело», после чего их должны были вызвать для дальнейшего следствия и в случае подтверждения их показаний даже освободить из-под стражи. Документы того времени буквально пестрят подобными сообщениями, во время расследования которых заключенные использовали любую возможность для побега.

По пути в Кондинский Свято-Троицкий монастырь Федор Мелес прибыл в Тобольск и помещен был в одном из строений архиерейского дома. В то время Тобольская епархия была митрополией и управлял ей довольно строгий владыка Павел (Конюскевич), который порой провинившихся батюшек сажал на цепь или отправлял в «черную работу», а уж как он встретил расстригу-колодника, о том можно лишь догадываться. Но в Кондинский монастырь сразу отправить расстригу не смогли по причине «большой воды» и какое-то время он жил в Тобольске, выкидывая одно коленце почище другого.

Начал он с того, что заявил приставленному к нему служителю Кремлеву, что отныне **«в содержании христианской веры быть более не хочет, а от сего времени будет содержать татарскую веру Мохамедову, чтоб не быть ему послушным Святейшему Правительственному Синоду и чтоб Синод его не ведал так же, как не ведал он по содержанию веры татар, почему он и в церковь не ходит».**

Замечательный ход! Заключенный решил принять иное подданство, точнее, вероисповедание, а тогда Синод должен был отпустить его на все четыре стороны. Но не тут-то было ... Не подозревал Мелес, что тем самым попал под другую статью: отступничество от веры, а за это карали строго и во все времена. Но поскольку вероотступником оказался уже осужденный, то с ним решили действовать путем увещевания. Но при том сообщили опять же в Святейший Синод и пригласили отщепенца в тобольскую консисторию для продолжительной беседы, после чего решили, что находится Федор **«в повреждении ума, в немалой меланхолии, почему и произношение вышеписанных слов произошло более из легкомыслия, нежели из рассуждения».**

Тогда Мелес решил продемонстрировать, что он не шутит, а от христовой веры решил отречься раз и навсегда и накануне Пасхи попросил купить ему несколько яиц. Надзиратели подумали, что он готовит их для «христосования» на Светлое Воскресение, а он их съел на глазах у всех в страстную седмицу! Когда ему заметили, что он **«забыл должность христианскую до пришествия Святой Пасхи»**, то он резонно ответил, что яйца есть его благословил абыз татарский.

После того как Мелеса отказались отпустить в «татарскую веру» он решил попробовать с другой стороны и в очередной раз заявил «слово и дело». Стражники, как положено в подобных случаях, свели заявителя в сибирскую канцелярию, где его допросили (с пристрастием?) и вернули обратно духовным властям. Поняв, что и этот

шанс он исчерпал, Мелес запросился обратно в православную веру, решившись принять вторично монашество. Он подал о своем желании письменное заявление в тобольскую консисторию, где сообщал, что обязуется *«и всякие предания содержать во всем, яко матери до скончания жизни своей нелицемерно»*, о чем и засвидетельствовал под присягой *«пред Господом Богом небесным и пред ангелы его и пред всеми святыми»*.

Но не тут-то было. Сибирское духовенство не спешило принимать блудного сына-расстригу обратно в свое лоно и по-своему было право. А тем временем губернская канцелярия, рассмотрев «слово и дело», заявленное Мелесом, признала его ложным и за произнесение ругательных слов против церкви и веры присудили бить его плетями и обязать подпиской *«впредь таковых и подобных предерзостных затейств не чинить»*. Через два года (1760г.) наш герой вновь не вытерпел и объявил «слово и дело», но и на сей раз все закончилось поркой его в сенях судебной палаты.

Подобная профилактика подействовала на Мелеса положительно и он начал посещать церковь, но делал это вероятно для того, чтоб ослабить бдительность своих сторожей. В июле 1760г. он бежал из-под караула, перемахнув через ограду возле соборной колокольни. За городом освободился от ножных кандалов и направился в деревню Жуковку, а оттуда к парому через Иртыш, но там был настигнут посланными за ним архиерейскими приставами. При взятии его под стражу пытался пугать охранником тем, что зарежет их, но ножа при себе не имел, а, как говорят в народе «брал на испуг».

После побега и поимки он чистосердечно сообщил митрополиту Павлу, что раскаивается во всех грехах, а бежал потому, что *«нестерпимо было содержание через многих лет в железных оковах»*. Владыка не поверил раскаянью беглеца и велел для острастки выпороть его причем публично.

Окончательно вышедший из себя Мелес перестал ходить в церковь и отказался от работ, на которые его направляли и в феврале 1762г. вновь ушел в побег. Вот как караульный капрал доносил об этом происшествии: *«сбил с себя ножные железа и неведому куда бежал, а приметам он: росту великосреднего, собою тончав, волосы на голове и бороде темно-русые прямые, глаза темно-карие, лицом сухощав, говорит буторовато, от роду лет сорока»*². Но самое интересное следует далее. Мелес обращается через одного из архиерейских людей (Пушкарева) передать Тобольскому губернатору Саймонову, что может он *«в самую подлинность практикою показать пред его превосходительством свое искусство»*, с помощью которого *«по своим философическим наукам, а не по чьему либо наущению, искусство как может человек совершенно по подобию птиц летать по воздуху куда похочет»*.

Но Пушкарев не оправдал ожиданий узника и не передал губернатору, как *«может человек по подобию птиц летать по воздуху куда похочет»*. Однако Мелес не терял надежды соблазнить кого другого невиданными досель возможностями перемещения в пространстве и уговорил другого служителя при митрополите приготовить холста 12 аршин, столько же деревянных блоков и несколько веревок «варавинных»³. Но подвел и этот сообщник – в самый ответственный момент отказался участвовать в строительстве изобретенного Мелесом летательного аппарата.

Невзирая на это 17 февраля 1762г. Мелес бежит один, прихватив с собой нож для резки хлеба, шесть хлебных мешков и несколько караваев хлеба. На митрополичьем дворе он срезал с колокольни веревку, перемахнул через забор, спустился с горы на замерзший Иртыш, где по льду перебрался на остров и принялся мастерить себе из мешков крылья, с помощью которых и собирался покинуть негостеприимную Сибирь. Этим делом он занимался двое суток на морозе и, естественно, сильно замерз и, не

² Непонятное для нас слово «буторовато» согласно словарю В. Даля переводится как «бред, шум, гам, крик». Иначе говоря, горячность. Так что мы можем даже представить себе как говорил наш герой.

³ Варавинные веревки – просмоленные, проваренные в смоле, варе.

перенеся «зимнего мороза», от испытаний своего проекта отказался. Тогда он решительно направился обратно в город и пошел напрямик к губернатору, где и открыл ему способ «летания по воздуху». Не известно как он попал в губернаторские покои, но заинтересовать управляющего губернией ему не удалось и, не дослушав продрогшего от неудачных испытаний изобретателя, тот кликнул охрану. Мелеса проводили в консисторию, где он продолжал просить почтеннейших отцов отпустить его, чтоб он смог с помощью крыльев улететь «при способном ветре» в любимую Малороссию, в местечко Золотоноши, а оттуда при надобности и в Москву и прочие города. Когда святые отцы поинтересовались, где он думает брать пропитание себе и ночевать, то Мелес без запинки пояснил, что за показ способа «летания по воздуху» его не только накормят и ночевать оставят, но еще и денег дадут.

Митрополит Павел, который, кстати говоря, по воспоминаниям современников был человек взглядов консервативных, отписал о происшествии в Святейший Синод, сообщив о расстриге: **«дьявол и приступил к нему праздному, как своему рабу, и показал ему безумный способ к летанию, которому он и поверил»**. Способ лечения от подобного безумия в те времена был один: к узнику приставили «честного иеромонаха Авраамия», который должен был следить за ним во время «черной работы» и принуждать как «ленивую лошадь». А для профилактики по пятницам 40 ударов плетью или лозой **«пока не станет иметь истинного и нелицемерного виду покаяния»**.

Но разве таким способом удержишь метущуюся душу взаперти? В июне того же года Мелес вновь бежал. Перед этим он подговорил еще одного узника, у которого по его словам в Петербурге был великий благодетель – фельдмаршал Миних. Но в последний момент сотоварищ передумал (не везло нашему герою на единомышленников) и Мелес в очередной раз ушел в побег один. Через ограду. Вниз по Пря姆斯кому взвозу. Снял кандалы «за их ослаблением». На перевоз за 2 копейки. И отправился пешком по тюменскому тракту. С каждым шагом все ближе к родной стороне. Питался подаянием. Шел низменными местами. 29 июня добрался до Тюмени, где его узнали, схватили и ... погнали обратно в Тобольск.

В Тобольске он пробыл до 1768г. Обращался с письменной просьбой к владыке дать свободу его **«бедной и кручинной голове»**, ссылаясь на Евангелие: **«просите и дастся вам»**, и умолял отпустить в родные края, где **«приятность и благодейство»**. Митрополит Павел, который, кстати говоря, являлся земляком нашему узнику, был к тому времени отстранен от дел, а саму сибирскую митрополию упразднили. Но и вновь назначенный владыка Варлаам (Петров) отпустить «кручинную голову» на родину отказался, а направил его «на исправление» в Кондинский монастырь.

Свято-Троицкий Кондинский монастырь был одним из самых северных и удаленных от центра монастырей Тобольской епархии. Хоть и не край земли, но климат суровый, отсюда не убежишь. Поначалу Мелес повел себя здесь на удивление тихо, хоть в пример другим ставь. Игумен Мартиан сообщал о нем: **«живет в полном послушании и обнаруживает искреннее желание обратиться от своего распутного жития»**. Но уже через полгода терпению ссыльного наступил конец и тот же игумен пишет, что **«исправность в Мелесе была притворная»**. Он отказывается от послушания, то есть от «черной работы», а другой ему не предложили за неимением. **«В церкви читает нехотя и вообще является злобным презирателем и непослушным»**. Не выполняет указания настоятеля. Его сажают на цепь, надевают ножные кандалы. В ответ Мелес грозит спалить монастырь. Братия в панике. Просят тобольское начальство забрать неподвластного им узника обратно. В июле 1769 г. все тот же игумен Мартиан пишет в консисторию слезное прошение: **«Описать не могу сколько зла сотворил сосуд дьявольский Мелес. Помилуйте! Обороните уже не меня, обитель святую от толика злобы злодея! Всегдашние печали сокрушили меня; да и содержать его не в чем и положения о колодниках не видно»**.

Надо заметить, что в те годы еще не было разработано положение о так называемых колодниках (от слова «колода», к которой их пристегивали цепью во избежание побега). Если арестанта сажали в тюрьму, то он должен был в сопровождении солдат ходить на работу и зарабатывать себе на пропитание. В монастырях тех осужденных тоже не держали без работы, поскольку денег на их содержание ни светская, ни церковная власть не давали. Поэтому можно только посочувствовать настоятелям, которые сталкивались с подобными «отказниками».

Тобольский епископ Варлаам долго колебался, как поступить с нераскаявшимся арестантом и даже писал в Синод, прося совета, высказав так же сомнения по поводу сохранности Кондинского монастыря и всей его братии. При этом он выразил собственное мнение, что буйство Мелеса происходит вследствие *«утеснения его в содержании»*. Называется, открыл Америку!

В феврале 1770г. кондинский настоятель не желая дальше испытывать судьбу и освободиться от «сосуда дьявольского» отправляет Мелеса в Тобольск. Могу себе представить как радовались кондинские монахи избавлению от невесты откуда свалившейся на них напасти! Зато епископ Варлаам поставлен был перед неразрешимой дилеммой: принять монашество Мелес отказывается, губернатор Чичерин, к которому он вынужден был обратиться за помощью в этом щепетильном деле, помочь ему отказался. Объяснив это тем, что ссыльный проходит совсем по другому ведомству ...

В конце концов, несчастного, (а именно так звали в Сибири всех ссыльных и каторжников), перевели в Тюменский Троицкий монастырь. Но и в Тюмени Мелес задержался недолго и благодаря его настойчивым просьбам и желанию епископа избавиться от непослушного расстриги того передают в ведение гражданского ведомства в Тобольске. Здесь ему разрешили (через 17 лет!) приобщиться Святых Тайн. А почему так вдруг, спросите вы? Да просто просвещенный епископ открыл, что согласно 59 правилу Василия Великого епитимья на блудников накладывается не более как на 7 лет, а значит, несчастный Мелес отбывал свое заключение лишних десять лет. После этого открытия стойкого Мелеса в 1773г. отпускают на родину. На этом наше повествование можно и закончить. Но тут есть над чем поразмышлять и вопросы напрашиваются сами собой.

Первый. Откуда в российском человеке такая негибамость, что никакие кандалы, ни монастырские стены удержать его не могут?

Второе. А не будь мороза в тот раз, когда Мелес мастерил свои крылья? Не стал бы Тобольск родиной российского воздухоплавания? А если бы не мешали несчастному расстриге, а дали все материалы и инструменты ... Вдруг бы да полетел он в свою Малороссию?

И третье. Зачем у нас в России так любят создавать «утеснение в содержании»? Не было бы этих утеснений, то, глядишь, и мы бы другой страной стали. Но ... это уже была бы не Россия... Без утеснений у нас жить пока не научились. И это не вопрос, а горькое утверждение. Так и хочется перефразировать известное изречение из Евангелия: «Не утесняй да не утесним будешь ...» Но то уже законы скорее диалектики.

2. ТОБОЛЯК ИВАН ЗУБАРЕВ – АВАНТЮРИСТ ИЛИ РАЗВЕДЧИК?

Около двух с половиной веков назад проживал в Тобольске купецкий сын Иван Зубарев, который оставил весьма заметный след в истории нашего отечества. Судя по его поступкам, был он добрейший человек, ненавидел взяточников, пытался бороться с ними единолично, мечтал отыскать на Урале месторождения серебряной руды, вроде даже нашел их, пробился к императрице Елизавете Петровне, вручил ей прошение об открытии приисков. Но ... окончил свой век печально. Верно, судьбе было угодно, чтоб

он попадал в самые невероятные ситуации, выйти из которых без потерь сможет далеко не каждый.

Происходил Иван Петрович Зубарев из рода довольно богатых и именитых тобольских купцов-старообрядцев. Первым, из упоминающихся в источниках Зубаревых, стал Лука Андреевич по прозвищу Медводков, выходец из Устюга Великого, который обосновался в Сибири в 1670-1680-х годах. Его потомки Василий и Петр Павловичи Зубаревы в 1730-х в числе «крепких» посадских людей Тюмени, пользовались поддержкой местных властей, занимались торговлей, откупам, подрядами. Василий Петрович в 1743 г. был бургомистром в Тюменской ратуше, стал первостепенным купцом Тюмени. В середине 1740-х он вместе с семьей перебрался в Тобольск, где скупал землю и крепостных.

Жена Василия Петровича вышла из семьи известных тобольских купцов Корнильевых и это родство, несомненно, помогло ему не только нарастить капитал, но и обзавестись надежными связями в торговом мире. О его сыне Иване Васильевиче, из местных архивов удалось узнать лишь то, что он был женат на дочери сибирского дворянина А.А. Карамышева. Предприимчивые и удачливые Зубаревы пользовались неизменной поддержкой тюменских воевод. Так, сам факт, что крестным у Ивана Васильевича стал подполковник Дмитрий Угрюмов, говорит о многом. Благоволил к Зубаревым и первый сибирский губернатор князь М. П. Гагарин, в дальнейшем по указу Петра повешенный за лихоимство,.

Иван Зубарев получил неплохое для своего времени образование, во всяком случае, различные жалобы и послания с изобличением сибирских купцов, таможенников и прочих нечистых на руку людей, он строчил весьма бойко. Но все его доносы местные власти считали ложными и указанных вин за собой не признавали. Наконец, в 1750 г. Зубарев попал в пресквернейшую историю на Ирбитской ярмарке, где взял на себя роль частного детектива и пытался выявить, сколько хранится на складах «не явленных и от пошлин утаенных товаров». Но таможенники, отличавшиеся испокон веков крепкой спайкой и корпоративной честью дорожившие, упекли новоявленного следователя в Тобольскую тюрьму, откуда того вызволили сердобольные родственники.

На этом бы Ивану Васильевичу и остановиться, одуматься, засесть тихонько в лавке, где с каждого пуда проданного товара выручал бы, где полушку, а иной раз и рублик, ан нет, не уgomонился купецкий сын, решил проявить себя в рудознательстве. На свой страх и риск он поехал в Башкирию и там, на речке Уй, нашел руду, принятую им за серебрянную. На собственные средства выстроил в Тобольске специальную мастерскую, нанял знающего человека, чтоб извлечь серебро из руды. Но то ли что-то напутал «знающий человек» или сам Зубарев, что называется, нахимичил, но в дальнейшем эти опыты отразились самым печальным образом на судьбе неумного тоболяка.

Документально зафиксировано, что 26 декабря 1751 г., когда императрица Елизавета Петровна спускалась по ступеням Зимнего дворца, выскочил из толпы собравшихся зевак тобольский купеческий сын Иван Зубарев, бросился государыне в ноги и подал прошение, в котором просил разрешить ему разработку башкирских месторождений серебра. Императрица это ему милостиво разрешила, и рудознатец передал на рассмотрение найденные им образцы в Академию наук и Берг-Коллегию. С этого момента судьба окончательно отвернулась от нашего героя и началась полоса неудач, закончившаяся довольно трагично.

От Академии наук руды взялся собственноручно проверить на содержание в них серебра М. В. Ломоносов. И результаты у него оказались положительными, то есть почтенный ученый признал, что в привезенной из Башкирии породе серебро имелось. Но противоположный (отрицательный) ответ выдала Берг-Коллегия. Трудно сказать, в чем крылась причина столь значительных расхождений. Возможно, имела место подмена руд, а может в Тобольске «знающий человек» перепутал что, но так или иначе,

Ивана Васильевича посадили в очередной раз в острог, а Ломоносов какое-то время писал оправдательные письма, где сетовал на интриги и плохие приборы, поставляемые в его лабораторию.

В тюрьме Зубареву сидеть не поглянулось и его свободолюбивая натура подсказала безошибочный способ, как выбраться без особых потерь из каземата. Он заявил государю «слово и дело», прибегнув к уловке многих арестантов того времени, после чего его перевели в тайную канцелярию. Но показания правдолюбца признали ложными, и чтоб впредь неповадно было, как водится, всыпали плетей, а в декабре 1754 г. перевели в Москву, откуда он успешно бежал.

Неизвестно какими путями судьба свела его с графом Иваном Симоновичем Гендриковым, родным племянником Екатерины I, но именно там Зубарев познакомился с сержантом Замараевым, который вывез его из Москвы. Вместе они добрались до украинского города Глухова, а оттуда Иван отправился к западным рубежам империи и попал в селения раскольников на границе с Польшей. Но и там задержался недолго, перебрался через границу и прямоком пошагал в Пруссию, где в городке Королевец свел знакомство ни с кем-нибудь, а с самим Х. Г. Манштейном, служившим некогда в России. Сибиряк чем-то заинтересовал королевского придворного и тот представил его прусскому королю Фридриху II.

А дальше стали происходить и совсем невероятные события. Король предложил Зубареву возмутить приграничных раскольников, чтоб те устроили бунт и призвали к себе правителем Ивана Антоновича, находящегося в заточении в Холмогорах. Напомним читателю, что Иван или Иоанн Антонович, происходил из так называемого «брауншвейгского семейства», свергнутого «дщерью Петра» Елизаветой. Если подходить формально, то Иоанн VI Антонович, являлся законным наследником престола. Его не убили, а из «гуманных побуждений» поместили в Холмогорах, которые находились в 72 верстах от Архангельска. Именно его решил использовать король Фридрих в затеянной им интриге против России. А наш герой должен был выступить слепым орудием при исполнении чужих планов.

Из показаний Ивана Зубарева на допросе уже в России выяснилось, что после того как раскольники «придут в волнение» он должен был отправиться в Холмогоры, найти царевича Иоанна Антоновича и известить его, что весной 1756 г. за ним придет в Архангельск корабль «под видом купечества». В качестве опознавательных знаков Зубареву выдали две золотые медали, на которых имелся портрет брата Антона-Ульриха. Для поднятия статуса купеческому сыну присвоили чин прусского полковника, соответственно экипировали, а на дорогу и подкуп выдали тысячу червонцев. Кроме того, познакомили с капитаном корабля, на котором должны будут вывести Иоанна Антоновича из Архангельска. Одним словом, интрига затевалась нешуточная с далеко идущими последствиями, направленными на очередной государственный переворот. Как в нее вляпался вряд ли подозревающий о масштабах и последствиях тоболяк Иван Зубарев, остается лишь гадать и удивляться.

Итак, Иван Васильевич, будучи завербованным, иного слова здесь не подобрать, лично прусским королем отправился выполнять сие непростое поручение. По собственному признанию авантюриста и диверсанта ему не везло с момента перехода русско-польской границы: вначале его ограбили бандиты и отобрали червонцы, раскольники не поверили ему или просто, наученные горьким опытом, не захотели ввязываться в сомнительное мероприятие, связанное с переворотом. И в довершение всего он был арестован российскими представителями правопорядка, весьма хорошо знавшими его в лицо и ждавшие Зубарева близ границы.

Тут сам собой напрашивается вопрос: или наша разведка и в те давние времена действовала блестяще или, что более вероятно, визит Зубарева в Пруссию с самого начала был подготовлен русской стороной для дискредитации в глазах европейских

монархов короля Фридриха. Попутно заметим, российская императрица Елизавета Петровна была настроена по отношению к прусскому королю довольно враждебно.

Так или иначе, арестованного Зубарева препроводили в Киев, а оттуда – в Петербург. Там, в Тайной канцелярии, он провел два года и 22 ноября 1757г. был составлен акт о его смерти.

Здесь нами нарочно употреблен такой оборот, а не указано прямо и окончательно: умер, скончался ... Дело в том, что внимательно изучавшая дело Зубарева, доктор исторических наук, профессор Марина Михайловна Громыко обнаружила в фондах сибирских архивов несколько документов, относящихся ко времени уже после смерти Зубарева. Но что странно, в них упоминался некий поручик Иван Васильевич Зубарев, проживающий неподалеку от Тюмени. Поручик характеризуется как задира и правдоискатель, заваливший официальные инстанции жалобами на различные злоупотребления, творившиеся в обширной Тобольской губернии. Как говорится, нечистого хвост выдал.

Кроме того, в пользу мнимой смерти тобольского авантюриста говорит тот факт, что допросы Зубарева проводил лично начальник Тайной канцелярии А. И. Шувалов и после первых его показаний Иоанна Антоновича переводят из Холмогор в Шлиссельбург, где он оставался до конца своей короткой жизни.

Возможно, и проникновение Ивана Зубарева в Пруссию оказалось умело подготовленной операцией российской «внешней разведки» того времени, которой руководил небезызвестный Бестужев, чей образ довольно удачно выведен в телевизионном фильме «Гардемарины». Тогда понятно, как и для чего состоялось знакомство Зубарева с И. С. Гендриковым и его удачный «побег» за пределы России.

Таким образом, одним выстрелом убивали двух зайцев: был лишен связей с внешним миром претендент на престол Иоанн Антонович, а Пруссии Россия могла объявить ноту протеста и смело затем перейти к началу военных действий, что и было успешно исполнено. Таким образом, Россия упредила Пруссию, успевшую к тому времени развязать войну в Европе. Есть сведения, что Фридрих среди следующих своих противников видел российскую державу. Началась Семилетняя война, в результате чего Берлин (в первый раз) был занят русскими войсками. А имя Ивана Зубарева вошло в анналы истории, хотя и как отъявленного авантюриста.

Вот что писал о нем известный российский историк С. М. Соловьев: *«Желание сократить силы короля прусского не могли ослабить показания тобольского посадского Ивана Зубарева, который содержался по разным делам в Сыскном приказе, бежал оттуда, жил за границею, возвратился и был схвачен у раскольников. Через посредство Маништейна, бывшего адъютантом у Миниха и по воцарению Елисаветы перешедшего в прусскую службу, Зубареву было предложено ехать к раскольникам и возмущать их в пользу Ивана Антоновича... Но Зубарев вместо Холмогор попал в Тайную канцелярию. Показания его имели следствием то, что, как мы видели, Ивана Антоновича перевезли тайком из Холмогор в Шлиссельбург».*

Как видим, от правдоискательства до авантюры не такой и длинный путь. Благими намерениями дорога не куда-нибудь, а в преисподнюю устлана. Сделал шагжок, за ним следующий, а там и сил не будет остановиться, словно кто направляет тебя все дальше, откуда возврата нет. Не проще ли заниматься тем, что тебе на роду написано. А то все как в той известной поговорке: пошел по шерсть, а вернулся стриженным...

3. ГОСУДАРЕВЫ МИЛОСТИ И СТРАДАЛЬЦЫ МИРОВИЧИ

Другой не менее яркой фигурой с неистребимым бунтарским духом стал тоболяк по происхождению Василий Яковлевич Мирович, который оставил заметный след в истории неудавшихся дворцовых переворотов.

История, благодаря которой родовитые и владевшие многими землями и поместьями шляхичи Мировичи оказались вдруг на поселении в Сибири весьма характерна для периода начального становления молодой России и вовлечения в ее историю Украины, вынужденной волей-неволей выбирать между европейскими державами и своим северным соседом. Если первоначально украинские войска принимали участие в войне со Швецией, то после 4 ноября 1708г., когда гетман Мазепа переметнулся в лагерь противника, каждый из украинцев должен был сделать свой личный выбор.

За два года до этого знаменательного события, весной 1706г. в местечке Ляховичи раненный полковник Иван Мирович был взят шведами в плен. Как особо ценная добыча, он был отвезен сначала в Польшу, в ставку командования, а затем в Стокгольм, где в дальнейшем и умер. Трудно сказать, как московские власти расценили пленение полковника Мировича: как измену или как вынужденный плен. Но вот некоторые из детей полковника не захотели принять сторону Москвы, решив, что Швеция им ближе и дороже. У Ивана Мировича было шесть сыновей и три дочери и в судьбе каждого из них, так или иначе, отразилась судьба отца и всей страны. Старший Мирович, Федор, не ужившись на родине тайно сбежал в Швецию. За что мать его, жена полковника Мировича, – Пелагея Захаровна, (урожденная Голуб), – по царскому указу от 8 апреля 1712г. была со всей семьей выслана в Москву. А в 1716г. за сношения другого сына Василия со шведами сослана в Тобольск на вечное жительство, где и прожила почти тридцать лет со своими детьми и внуками. Тень поступков одних легла и на прочих членов семьи Мировичей, которых с тех пор именовали не иначе как «предателями» и «изменниками».

Второй сын полковника, Семен Иванович Мирович, получивший образование в Киево-Могилянском коллегиуме, в 1699г. был вице-префектом конгрегации. Умер в ссылке в Тобольске в 1726г.

Василий Иванович Мирович, третий сын полковника Переяславского, был осужден за желание бежать с братом Федором к шведам, закован в кандалы, в 1716г. сослан в Тобольск, где тяжело болел и умер в 1732г.

Четвертый сын, Яков Иванович Мирович, несколько месяцев не дожидаясь освобождения, скончался в Тобольске в 1744г.

Иван Иванович, пятый сын полковника Переяславского, тоже сосланный со всей семьей, получил в 1723г. разрешение переехать из Тобольска в Екатеринбург, где с 1726 - 1728 гг. состоял сержантом при артиллерии, капитан-поручиком, затем флигель-адъютантом при генерал-поручике Ченинге. Был назначен везти в Петербург партию железа, но с дороги, воспользовавшись случаем, сбежал в Крым, где выдавал себя за поляка.

Дмитрий Иванович Мирович, младший сын полковника, по указу Сената 23 января 1744г. вместе с матерью Пелагеей Захаровной получил освобождение из Сибири. Они прибыли в Москву, где 21 мая 1745г. были отпущены в Малороссию. Он оказался единственным из сыновей Ивана Мировича, сумевший пережить все тяготы ссылки.

Но нас интересует сын Якова, – Василий, – внук пленного полковника, родившийся в Тобольске 1740г., закончивший Тобольскую духовную семинарию, а затем избравший военную карьеру, что для того времени было отнюдь не редкостью. Он в чине подпоручика участвовал в войне с Пруссией, во время которой русскими войсками был занят Берлин. После окончания военных действий нес службу в Петербурге в Смоленском пехотном полку, присутствовал, но не принял активного участия в

перевороте 28 июня 1762г., в результате которого вместо убиенного Петра III престол заняла его супруга – Екатерина II. Именно этот факт скорее всего и заставил Василия Мировича искать свой путь для вхождения во власть. До этого он попытался вернуть имения своих предков и неоднократно обращался с ходатайствами к самой императрице, но ... удовлетворены они не были.

Узнав о том, что сын бывшей правительницы Анны Леопольдовны, Иоанн VI (Антонович), содержится под охраной в Шлиссельбургской крепости, Мирович задумал освободить его, возвести на престол и тем самым занять высокое положение в обществе, которое бы позволило бы вести ему безбедное и обеспеченное существование. Тем самым он наверняка мечтал отомстить императрице за невнимание к своей особе.

Поясним, кем же был на тот момент, содержащийся в одной из самых отдаленных и неприступных крепостей загадочный узник, существование которого омрачало жизнь нескольким правящим в разное время российским монархам. Иоанн Антонович был сыном племянницы императрицы Анны Иоанновны, принцессы Анны Леопольдовны Мекленбургской и принца Антона-Ульриха. Перед смертью Анна Иоанновна подписала манифест, в котором Иоанн был объявлен наследником престола, а герцог Бирон – регентом до его совершеннолетия. Принц Антон был возведен на престол после смерти Анны Иоанновны и пробыл императором с 17.10.1740 по 25.11.1741 гг. Но Анна Леопольдовна в ночь с 8 на 9 ноября 1740г. (уже после смерти Анны Иоанновны) совершила переворот, объявила себя правительницей, а Бирона отправила в сибирскую ссылку. Через год, тоже ночью с 24 на 25 ноября 1741 г. офицеры и солдаты Преображенского полка арестовала Анну Леопольдовну и возвели на престол дочь Петра I – Елизавету Петровну. Всех членов Брауншвейгского семейства вместе императором Иоанном VI отправили в Ригу, чтоб затем переправить за границу в обмен на отречение от всех прав на российский престол. Однако затем в целях безопасности их поместили в Холмогоры, причем Иоанн VI был отделен от семьи и содержался отдельно. Он пробыл там около 12 лет в полном одиночестве. В начале 1756 г. Иоанна тайно вывезли из Холмогор и доставили в Шлиссельбург, где также содержали в одиночном заключении. О том, кто он такой, знали только три офицера из его охраны. Однако Иоанн имел представление о своем происхождении и называл себя не иначе как государем. К тому же в заключении кто-то научил его читать.

С приходом к власти Петра III положение Иоанна только ухудшилось. Петр приказал бить его и сажать на цепь за малейшее неповиновение. Он сам решил инкогнито осмотреть узника. Под видом офицера он посетил Иоанна VI и нашел, что жилище его скудно меблировано, сам узник одет бедно, говорит бессвязно. Однако, на вопрос кто он такой? - тот ответил: «Император Иван». Когда к власти пришла Екатерина II, то ею было заменено окружение Иоанна и издан указ, предписывающий склонять пленника к принятию монашества.

Именно этого несчастного наследного принца, имеющего полное право занять российский престол, и решил освободить подпоручик Мирович. Сам он и в глаза не видел Иоанна Антоновича, а узнал о его существовании не раньше октября 1763г. от отставного барабанщика Шлиссельбурга. Но уже летом 1764г. (в возрасте 24 лет) Василий Мирович решился на задуманную авантюру, надеясь на обычное русское «авось» и даже не имея при том какого-либо серьезного плана.

Первоначально он намеревался организовать переворот совместно со своим другом поручиком Великолукского пехотного полка Аполлоном Ушаковым. Они поклялись друг перед другом «о принятом своем намерении никогда никому не открывать и никого себе в сообщники не приискивать». Затем отправились в церковь Казанской Божией Матери, где заказали по самим себе акафист и панихиду, как над умершими. Однако Ушаков, направленный с полковыми деньгами в Казань, утонул при загадочных обстоятельствах. Но и это событие, которое любой здравомыслящий человек

истолковал бы как фатальную неудачу задуманного предприятия, не остановило Мировича, и он решился действовать в одиночку. Но подпоручик не знал об одной существенной детали, делавшей его предприятие с самого начала бессмысленным. А именно, существовала секретная инструкция, обязывавшая стражников, охранявших Иоанна Антоновича, убить узника при попытке его освобождения.

20 июня Екатерина II отправилась в поездку по своим Прибалтийским владениям, а вскоре Мирович получил предписание явиться в Шлиссельбургскую крепость в качестве караульного офицера для несения службы в течении недели.

Он подробно ознакомился с расположением помещения, где содержался Иоанн Антонович. Узнав, что непосредственно при принце постоянно находятся лишь двое охранников, решил, что с помощью солдат, прибывших с ним, без особого труда освободит узника. Он хотел привлечь на свою сторону капитана Власова, но тот, поняв, что речь идет о государственной измене, немедленно послал гонца к графу Панину. В ночь на 5 июля 1764г. Мирович, узнав об отправке гонца, приказал 45 солдатам Смоленского полка, находящимся под его командой, построиться и зарядить ружья боевыми патронами, прочел им поддельный манифест, согласно которому власть в стране переходит к Иоанну Антоновичу, и велел готовиться к штурму. Внутри крепости находился гарнизон, состоявший из 30 человек, которых смоленцы застали врасплох и заставили сложить оружие. Сам Мирович арестовал коменданта крепости.

Но оставалась еще охрана, находящаяся непосредственно за стенами каземата, где содержали Иоанна Антоновича. Выстроив своих солдат в шеренги, Мирович подошел к казарме, но, не получив на свой оклик нужного ответа, охрана начала стрелять. Смоленцы отступили. Мирович потребовал, чтобы его пустили к «государю» и свое требование сопровождал угрозами открыть огонь из бастионного орудия. Но все было тщетно. Защитники заключенного и не думали сдаваться. Тогда Мирович велел солдатам выкатить шестифунтовую пушку и поставить ее перед казармой, зарядив ядром. Мирович снова послал сержанта с предложением сложить оружие. Осажденные решили не испытывать судьбу, сдаться на милость победителей и открыли ворота.

В тот момент, когда торжествующий Василий Мирович вбежал внутрь «секретных покоев», где содержался царственный пленник, охраняющие принца офицеры Власьев и Чекин четко выполнили инструкцию императрицы и закололи кинжалами Ивана VI.

На вопрос Мировича: «Где государь?», – один из охранников дерзко ответил: «У нас государыня, а не государь». Мирович кинулся в каземат и увидел на полу мертвого Иоанна. «За что вы пролили кровь невинного человека?!» – закричал он и, подойдя к мертвому принцу, поцеловал у него руку и приказал вынести тело на кровати из казармы, где его поставили перед строем солдат. Мирович велел взять «на караул» и торжественно заявил: «Вот наш государь Иоанн Антонович!». Тут к нему подошел комендант, сорвал офицерские знаки различия, отобрал шпагу и приказал арестовать.

После того, как Мирович был доставлен в Петербург, началось следствие, которое по указанию императрицы вели «без огласки и без всякой скрытности», постольку по делу проходило более 200 человек и сохранить произошедшее в тайне не представлялось возможным. Во время расследования Мирович взял всю вину на себя. Когда ему грозили пыткой, он отвечал: «Знавши меня, неужели вы надеетесь успеть сим средством в своем намерении?» Императрица, узнав о предполагаемой пытке, строжайше запретила ее: «Оставим несчастного в покое и утешим себя мыслью, что государство не имеет врагов». (Невольно напрашивается вопрос: а не боялась ли она, что во время пытки всплывут факты, знать о которых следователям совсем не полагалось?).

Но на этом монаршая милость и ограничилась: 17 августа 1764г. Екатерина II издала Манифест о казни путем четвертования подпоручика Смоленского пехотного полка Василия Мировича. Приговор гласил: «Мировичу отсечь голову, и оставя тело его

народу на позорище до вечера, сжечь оное вместе с эшафотом. Из прочих виновных разных нижних чинов прогнать сквозь строй, а капралов сверх того написать вечно в солдаты в дальние команды». (В дальнейшем все участники неудавшегося переворота были сосланы в Сибирь, откуда главный виновник не так давно прибыл). Казнь назначили на 15 сентября 1764г. Эшафот был поставлен на острове у Обжорного рынка.

Любопытен рассказ свидетеля состоявшейся казни офицера Квитки:

«Мирович, ведомый на казнь, увидел любопытствующий народ, сказал находившемуся близ него священнику: «Посмотрите, батюшка, какими глазами смотрит на меня народ. Совсем бы иначе на меня смотрели, если бы мне удалось мое предприятие». Прибыв на место казни, он спокойно взошел на эшафот. Мирович был лицом бел и замечали в нем, что он и в эту минуту не потерял обыкновенного своего румянца. Одет Мирович был в шинель голубого цвета.

Когда прочли ему сентенцию, он вольным духом сказал, что благодарен, что ничего лишнего не возвели на него в приговоре. Сняв с шеи крест с мощами, отдал провожавшему его священнику, прося молиться о душе его. Подал полицмейстеру, присутствующему при казни, записку об остающемся своем имении. Сняв с руки перстень, подал его палачу, убедительно прося его сколько можно удачнее исполнить свое дело и не мучить его. Потом сам, подняв свои длинные белокурые волосы, лег на плаху. Палач был из выборных, испытан прежде в силе и ловкости и... не заставил страдать несчастного». При этом современники не могли не отметить, с какой твердостью «злодей сей приступал к смерти».

Народ заполнил все крыши, и ближайший мост вблизи места казни. Многие надеялись, что в последний момент императрица простит несчастного и прибудет гонец с манифестом о помиловании. Очевидцы описывают, что и сам Мирович постоянно вглядывался в толпу, словно ждал чего-то. Но прощения не последовало. Когда палач поднял над эшафотом отрубленную им голову, то отвыкший от казней народ содрогнулся, толпа всколыхнулась и, кинулась подальше от ужасного зрелища, разломав перила ограждения моста.

Впечатление, произведенное казнью Мировича, было чрезвычайно сильно и взволновало не только народ, но и царственных особ: «Великий князь и наследник престола Павел Петрович, узнав о кровавом событии, опочивал весьма худо». Императрица, желая развеять настроение граждан, устроила вскоре великолепные игры, карусели и турниры.

Зачитали манифест о казни «изменника Мировича» и в Tobольске на городских площадях. Первый, узнавший об этом сибирский губернатор Денис Иванович Чичерин, в роте которого когда-то служили известные братья Орловы, главные участники переворота 28 июня 1762г. и прямые виновники смерти императора Петра III, презрительно хмыкнул, открыл табакерку с портретом императрицы и тихо произнес: «Куда ему, сопляку, с нами тягаться ... С суконным рылом, да в калашный ряд ...». Кстати говоря, Мирович был ровно на пять лет моложе Д. И. Чичерина. Зато митрополит Сибирский Павел (Конюсевич), земляк Мировичей и даже хорошо знавший некоторых из них, велел отслужить панихиду по безвременно усопшему рабу божьему Василию. А через несколько лет у него самого возникнет довольно серьезный конфликт с императрицей, закончившийся снятием митрополита с должности, выдворением из Сибири на родную Украину. Тогда же была упразднена Сибирская митрополия и закончилось время правления церковными делами края выходцами из Киевской духовной академии. Императрица во всем проявляла последовательность, немецкую четкость и пунктуальность. Но хотя немецкий порядок так и не прижился на наших просторах, но украинских вольностей заметно поубавилось.

Так еще один тоболяк, не дождавшись царской милости, решил сам повернуть изменчивую фортуна лицом к себе, но лишился при этом головы. Историки до сих пор не могут дать однозначного ответа: было ли освобождение Ивана VI хорошо

спланированной провокацией, в результате которой наследный принц был убит и тем самым Екатерина II окончательно поставила точку в непростом вопросе о престолонаследии; или Минович оказался одиночкой-неудачником, поставившим на карту собственную судьбу и проигравший. Думается, что в ближайшее время мы вряд ли получим ответ на столь непростой вопрос. Да и что же это за история, в которой нет тайн?

4. НЕСЧАСТНЫЙ ПЛЕМЯННИК ИМПЕРАТРИЦЫ.

*«Счастье не так слепо, как обыкновенно думают.
Часто оно есть ни что иное, как следствие верных
и твердых мер, не замеченных толпою...
Еще чаще оно бывает результатом личных качеств,
характера и поведения».*
Екатерина II «Записки»

Сосланных в Сибирь людей по давно установленной традиции принято было называть не иначе как «несчастливыми». Так они значились даже во многих официальных документах, вероятно в знак того, что до сибирской ссылки этим самым счастьем они обладали в полной мере, а вот потом по какой-то причине вдруг были отстранены от доступа к нему. Вот и хочется посмотреть как эти люди из «счастливых» становились вдруг «несчастливыми» и от чего это зависело. Потому слова императрицы Екатерины II, взятые в качестве эпиграфа, во время правления которой как раз и пострадал очередной наш герой, будут здесь вполне к месту.

Наума Николаевича Чоглокова мы с полным на то основанием можем отнести к плеяде авантюристов, что оказались в Тобольске благодаря собственной то ли неосмотрительности, то ли чрезмерной гордости, но одно ясно, – вполне заслуженно.

Впрочем, Наум Николаевич Чоглоков выделялся из их числа хотя бы уже тем, что происходил не только из некогда знатного дворянского рода, но кроме всего прочего состоял в близком родстве с правящей на тот период династией Романовых. Его мать, урожденная Гендрикова Марья Симоновна (1723-1757 гг.), являлась двоюродной сестрой императрицы Елизаветы Петровны, а предки ее были родственниками второй жены Петра I – Марты (Екатерины) Скавронской.

Собственно фамилия Чоглоковых или Чеглоковых пошла от прозвища Чеглок, имеющему в своей основе тюркский корень «чеглок» – сокол. Подобное прозвание человек мог получить благодаря чубу или хохлу на голове, поскольку именно сокол имеет на голове небольшой хохолок. Хотя в словарях русских фамилий на этот счет приводится и другой вариант происхождения этого прозвища. Чоглоками в старину именовали людей вспыльчивых, забияк, задира и драчунов. Да, именно соколов среди других хищников отличает необычайная скорость в полете и задиристость. А если учесть, что на Руси прозвища зря не давали, то примерное представление о характере представителей этой фамилии мы имеем и наш рассказ явится тому лишним подтверждением.

На родовом гербе Чоглоковых изображен черный орел и рука с саблей наголо, что, судя по всему, говорит о воинственности представителей этой фамилии и их героическом прошлом. Сам же их род вел свое происхождение от выходца из Чехии Чоглика Пруша, который еще во времена Александра Невского прибыл к нему на службу в Новгород, где в свое время нашел свое пристанище после смерти и наш герой. Многие славные представители этого рода занимали высокие должности воевод и принимали участие во многих войнах с неприятелем. Эта фамилия не раз отметилась в русской истории. Воевода Корнила Чоглоков в начале XVII века был одним из

участников похода Михаила Скопина-Шуйского от Новгорода на Москву, и его полк лихо бил «воров и ляхов» пана Кернозицкого под Торопцем, Торжком и Тверью.

Однако к началу восемнадцатого века некогда родовитые Чоглоковы по разным причинам обнищали и владели довольно жалкое существование. Во всяком случае, отец Наума Чоглокова, Николай Наумович (1718-1754 гг.), оказался при дворе, как писали в то время, волей случая и благодаря своему танцевальному мастерству, был замечен и весьма выгодно женился на близкой родственнице императрицы Елизаветы Петровны. По воспоминаниям современников та благоволила к чете Чоглоковых, и наградила Николая Наумовича графским достоинством, назначила камергером двора, а затем он получил и должность обер-гофмейстера, что согласно российского «Табеля о рангах» приравнивалось к чину третьего класса и обладатели его входили в высший эшелон власти. Кроме всего прочего, незадолго до свадьбы с Гендриковой в 1742г. он стал еще и кавалером ордена Белого орла.

Как доверенное лицо в 1746г. Чоглокова направили в Вену с тайным поручением от императрицы. Когда в Россию вытребовали объявленного наследником престола будущего императора Петра III, то именно Николая Чоглокова приставили наставником к великому князю. На него возлагалась обязанность не только заботиться о здоровье Петра, но и «неотступно помогать делом и советом, охранять от всех неприятных поручений и непристойных предприятий», как значилось в специальной инструкции на этот счет. Никто из придворных не имел права обратиться к великому князю без ведома и разрешения обер-гофмейстера Чоглокова. Известно, что чувствуя за собой властную руку императрицы, Чоглоков удалил всех любимых слуг и доверенных лиц от великого князя и княгини, старался отделить их от внешнего мира. В 1744г. в С.-Петербург прибыла невеста наследника, известная в кругу близких ей людей как принцесса Фике. Полное ее имя: София Фредерика Августа Анхальт-Цербстская. По распоряжению императрицы Елизаветы сопровождать ее и вести тайное наблюдение определили жену Николая Чоглокова, – Марию Симоновну.

По воспоминаниям современников, оба супруга Чоглоковы слыли людьми ограниченным и нетактичными. К тому же тот и другой не упускали малейшей возможности посидеть за ломберным столом. А Николай Наумович еще и приударял за дворцовыми фрейлинами. В определенный момент он потерял осторожность и разразился скандал. Стало известно о его амурных связях с фрейлиной Кошелевой, которая тут же была уволена. Чоглокова оставили при дворе только благодаря ходатайству своей жены.

В воспоминаниях (Записках) Екатерины II фамилия Чоглоковой встречается довольно часто, причем всегда с негативным оттенком. Приведем одну из выдержек по этому поводу.

«В мае месяце мы перешли в Летний дворец; в конце мая императрица приставила ко мне главной надзирательницей Чоглокову, одну из своих статс-дам и свою родственницу; это меня как громом поразило; эта дама была совершенно преданна графу Бестужеву, очень грубая, злая, капризная и очень корыстная. Ее муж, камергер императрицы, уехал тогда, не знаю с каким-то поручением, в Вену; я много плакала, видя, как она переезжает, и также во весь остальной день; на следующий день мне должны были пустить кровь».

Пока страной правила Елизавета Петровна судьба Чоглоковых обещала быть радужной и безоблачной, но как только к власти пришла супруга убиенного императора Екатерина, со всеми близкими к покойной императрице людьми произошли большие изменения. Правда и Николай Наумович и Мария Симоновна к тому времени успели несколькими годами раньше отойти в мир иной, но оставались их дети и, скорее всего, неприязненное отношение новой государыни к родителям перешло и к их отпрыскам.

Как большинство семейств того времени Чоглоковы имели довольно большое семейство: сыновей Наума, Николая, Симона и Самуила; дочерей Веру, Екатерину,

Елизавету и Софию. Нам неизвестна судьба большинства из них, а вот старший, Наум, оставил известный след в отечественной истории. К моменту восшествия на трон Екатерины ему не было еще и двадцати лет. Как сына именитых родителей его определили на службу в конную гвардию, где он благополучно дослужился до чина подполковника. Когда произошел дворцовый переворот, то совершенно неизвестно на чьей стороне выступил Наум Чоглоков, чей отец опекал свергнутого императора Петра III. Если судить по родственным связям, то, родившемуся при дворе и там же выросшему Науму, прибывшая невеста откуда Екатерина казалась наверняка «гадким утенком», а вот он, камергерский сын, в своих собственных глазах был звездой первой величины. А если еще учесть особенности характера, доставшиеся ему по наследству и прослеживающиеся во всем его дальнейшем поведении, то вряд ли эти два человека испытывали друг к другу хоть какую-то симпатию. Этим объясняется и отсутствие его фамилии в списках придворных вельмож екатерининского периода, а так же на первый взгляд не совсем понятный поступок поездки на Кавказ в качестве рядового волонтера (вольноопределяющегося) в действующую армию. За всем этим прослеживается непомерное тщеславие и желание проявить себя, чем собственно говоря, всегда отличались авантюристы всех времен и народов.

Точно известно, что в 1770г. Наум Чоглоков по его личной просьбе был прикомандирован к корпусу Тотлебена в качестве вольноопределяющегося. Волонтерами или вольноопределяющимися называли в русской армии бывших на своем иждивении и по собственной воле в военное время добровольцев, не причисленных к войску. Они обычно занимали нижние воинские чины, но имели право самостоятельно выбирать себе полк и командира. Видимо это обстоятельство, прежде всего и устраивало нашего героя. И в этом был свой резон. Поняв, что служба при дворе не оставила ему никаких шансов продвинуться по служебной лестнице, он избрал верное решение отличиться в воинском деле. Но как человек, не нюхавший пороха, получить назначение на высокую армейскую должность надеяться он не мог. А все тоже честолюбие не позволяло гофмейстерскому сыну начинать службу с нуля и зарабатывать чины боевыми заслугами. И он, по примеру отца доверившись случаю надеялся, что судьба даст ему возможность получить все и сразу. Однако все же он не пустил все на самотек, а подготовился к определенным обстоятельствам, что показали на следствии знавшие его люди.

Личность Наума Чоглокова при всей незначительности его масштаба не осталась без внимания среди российских историков. Так, С. М. Соловьев пишет по этому поводу:

«Чоглоков отправился волонтером в Кавказскую армию. В Моздоке нагнал его отправлявшийся туда же волонтером поручик Львов, которого поразило то, что у Чоглокова был превеликий штат и обоз; Чоглоков объяснял, что иначе ему нельзя, потому что он близкий родственник государыни... Однажды он открыл перед Львовым сундучок, наполненный золотыми табакерками и часами, всего вещей до 50 ценою на 7000 рублей. Когда Львов спросил его, на что ему в Грузии такие вещи, то Чоглоков отвечал: «Я и последнюю в России деревню продать велел и ожидаю денег в самой скорости». Из всех его слов Львов заметил сильное раздражение. «Я еду или на эшафоте умереть, или быть царем», – говорил он. Когда приехали в Грузию, то царь Ираклий и весь двор приняли Чоглокова как двоюродного брата императрицы и после великого князя ближайшего наследника престола».

Ну, кто еще может заявить подобное: или на эшафот или быть царем?! Только человек, поставивший на карту собственную жизнь. Это и есть первосортный авантюризм без всяких прикрас. Чоглокову оказалось мало радушного приема со стороны истинного царя, при котором он вполне мог бы остаться служить или проявить себя в ином качестве. Наличие золотых вещей на крупную сумму, сопоставимую со стоимостью нескольких деревень, опять же говорит о намерениях нашего героя пустить

их в оборот не иначе как с целью подкупа нужных ему людей. Но кого? Не генерала же Тотлебена. Того деньги как таковые мало интересовали.

Нет, подкупить он хотел окружение генерала или кого-то из грузинской знати, ближних к царю Ираклию людей с целью свержения Тотлебена. Для чего, спросите вы. Навряд ли Чоглоков тем самым снискал себе славу при российском дворе, добившись изгнания турок из Грузии. Во время следствия, с делами которого С. М. Соловьев знакомился, не стали акцентировать внимание на планах царского племянника, то ли не желая усугублять его вину или не хотели политического скандала, что повлекло бы за собой ненужные ассоциации с не успевшим забыться свержением Петра III. Во всяком случае там нет ответов на множество вопросов, возникающих при изучении каждого эпизода случившегося.

На наш взгляд ключом к разгадке должны служить произнесенные в присутствии Львова слова – «быть царем». (Не верить ему, мы не имеем права, потому как все остальные его сообщения находят полное подтверждение). А каким царем мог стать Чоглоков, находясь в Грузии? Естественно царем грузинским или какой-то иной кавказской народности. Тогдашние знания о Кавказе были у российских подданных настолько примитивны, что он вполне мог вообразить себя начинателем новой династии среди многочисленных народностей тех отдаленных мест. Главное – стать им! Разве восшествие на престол той же Екатерины не пример для подражания? Ей повезло. Так почему не должно повести и ему? Блеск трона, вблизи которого прошло его детство не могло не притягивать воображение, не рождать мечтаний об обладании им. Та же Екатерина ощутила на себе притягательность власти, прожив короткий срок в царских покоях. И она, начав переворот, знала: или на эшафот или на трон. Ей выпал трон...

Меж тем Чоглоков начал действовать и хорошо знакомый с ведением интриг при российском дворе занялся этим при дворе царя Ираклия, собирая вокруг себя единомышленников. Узнав об этом, Тотлебен заявил ему, чтоб он прекратил завязывать знакомства среди грузин: «я их довольно знаю, все их партии против царя Ираклия мне известны...» Действительно, положение грузинских правителей на тот период было довольно шатким. Существовало множество «партий», желающих смещения, а то и смерти царя Ираклия.

Так, попутчик Чоглокова, – Львов, – писал в Петербург, что в Грузии немало претендентов на грузинский престол, имеющих более прав, чем Ираклий. И потому большая часть вельмож его не терпит. Усугублялось это все турецким владычеством и неопределенностью в политике царского кабинета. Так что Чоглоков оказался в нужный момент в нужном месте. И он без колебаний приступает к осуществлению своих замыслов. Приближался праздник Пасхи. Лучшего времени для осуществления его планов трудно было ожидать. Именно в пасхальную ночь он планирует арестовать генерала Тотлебена и занять его место. Как никак его чин гвардейского подполковника был довольно близок к генеральскому.

С. М. Соловьев так описывает произошедшие вслед за тем события:

«В Страстную субботу вечером Чоглоков стал говорить Львову, с которым жил в одной палатке: «Знаешь ли, что я скоро буду у царя сердарем, т.е. воеводою? Твой граф сегодня же будет арестован, а по нем я здесь старший; я с майором Ременниковым и несколькими офицерами уже согласился». Когда Львов пересказал об этом Тотлебену, тот отвечал, что все знает, и в ту же ночь приказал арестовать Ременникова и Чоглокова, причем последний вызвал его на дуэль.

При встрече с царем Ираклием генерал подробно рассказал ему о странном поведении царского племянника и его аресте. Тот в ответ заявил, будто бы Чоглоков просил у него три тысячи всадников для похода в Армению. Может быть именно в этом государстве Чоглоков намеревался сделаться ее правителем? Как знать. Но в письме к графу Н. И. Панину, державшему императрицу в курсе кавказской кампании,

грузинский владыка выступил в защиту российского авантюриста, изложив дело так, будто бы Тотлебен за всем ищет злой умысел.

Он писал: «Граф Тотлебен подвергает аресту присланных ее Величеством штаб-офицеров, которых виновность не обнаружена». И, слава Богу! Когда виновность обнаружили, было бы уже поздно. Чоглоков успел бы уже наломать дров и загубить чьи-то невинные жизни во имя исполнения своих несусветных мечтаний. «Таковых берет под арест, отберет у них шпагу и отправляет обратно в Россию», – пишет Ираклий далее. Но до родной стороны наш герой добрался далеко не сразу. Он все еще надеялся на свою фортуна и теперь уже свои надежды возлагает исключительно на царя Ираклия. А Россия... что Россия, туда он возвращаться совсем не желает. Там ему вряд ли кто-то уступит трон или даже почетную должность вблизи его.

Далее в своем письме из Тифлиса Ираклий более подробно излагает ход событий:

«Кроме того, без нашего позволения пришел к нам подполковник Наум Николаевич Чоглоков, которого граф Тотлебен перед походом в Ацкури арестовал и выслал в Петербург. Когда же мы возвратились (в Тифлис) из неприятельской земли, то Чоглоков, узнав о нашем возвращении, бежал [с дороги от конвоя] и прибыл сюда. Нам неизвестно в чем он провинился и в чем его генерал обвиняет; он (Чоглоков) скоро отправится к высочайшему двору и пусть сам даст ответ в своих поступках».

Доехал ли Наум Николаевич до высочайшего двора остается неясным. Мы располагаем лишь сведениями о суде над ним и другими лицами, причастными к неудавшейся аванюре. Суд проходил в Казани 22 апреля 1771г., в результате чего Чоглокова направили на вечное поселение в Тобольск. Довольно мягкий приговор для законов военного времени. Вряд ли какую-то роль здесь сыграли родственные связи бывшего кавалергарда. Зато из столицы был удален довольно близкий родственник царственной фамилии, а это уже многое.

Екатерина II быстро оценила обстановку и сообщила Панину: «Я, пробежав только Тотлебеновы письма, из которых усмотрела непослушание к нему Чоглокова и вранье сего необузданного и безмозглого молодца; да притом не хвалю же и неслыханные подозрительности Тотлебеновы. Я думаю, что он способнее в Грузии дела наши испортить, нежели оные привести в полезное состояние, надлежит определить кого другого». В результате Тотлебен с Кавказа был отозван.

Казалось бы можно подвести черту похождениям Наума Николаевича Чоглокова, решившегося на свой страх и риск поискать для себя трон в горных селениях. Но... во всем случившемся можно усмотреть и теневую сторону событий. Как-то не верится, что он вдруг ни с того ни с сего решил на подобное. Очень точна характеристика Екатерины на его счет: необузданный и безмозглый молодец! Но, надо думать, у него могли быть если не единомышленники, то подстрекатели, кому оказалась бы выгодна дестабилизация политической обстановки на Кавказе. В случае благоприятного исхода там могло появиться княжество, возглавляемое русским правителем. Замечательный плацдарм для российских войск! В отличие от Чоглокова Екатерина являлась женщиной прагматичной и дальновидной и понимала, что «кавказский узел» в одночасье не развяжешь.

К тому же, если Наум Николаевич проговорился о своих планах на пути в Тифлис, значит, они возникли у него еще в Петербурге и он их с кем-то обсуждал. А наушничество и доноительство в российской империи общеизвестно. И рано или поздно намерения нашего героя стали бы известны при дворе, если только не исходили непосредственно из него самого. И вряд ли бы Чоглоков без высочайшего на то согласия смог проехать хоть одну заставу. Схватили бы и допросили по всей форме. Но ему позволили добраться до театра военных действий. Тогда все описываемые события рисуются совсем в ином свете, и многое становится понятным. Такова была политика не только в России, но и во всем мире. А для исполнения тайных замыслов правителей

всегда находились авантюристы. Одним словом, не зря восемнадцатый век называют авантюрным.

Теперь непосредственно о бытии Чоглокова в Сибири. И здесь он проявил себя не с лучшей стороны. Несмотря на то, что в Тобольск он прибыл в качестве ссыльного, то есть человека, лишенного всех прав, он продолжал держать себя как высокопоставленная персона и у него тут же возник серьезный конфликт с сибирским генерал-губернатором Д. И. Чичериным. А тот оказался из числа любимцев императрицы и вел себя во вверенном ему крае, как барин со своими холопами. В результате Чоглоков оказался в заполярном Березове, где прожил до 1781 г., когда губернатор, потерявший императорское к нему расположение подал в отставку.

Вернувшись в Тобольск он прожил в нем все время правления Екатерины и к числу ее доброжелателей явно не относился. После смерти государыни в 1796 г. он получает разрешение покинуть Сибирь и, будучи человеком еще не старым, приезжает в Новгород, где живет под надзором полиции до самой смерти в 6 января 1798 г.

Важный момент: Павел Петрович, простивший всех осужденных при жизни своей матери вдруг решил оставить наблюдение за Чоглоковым. Чего ради? Может тот знал многое из того, чего простому смертному знать не следует? Или ждали от него новых неординарных поступков? Трудно сказать. Документов на этот счет не найдено. Но уж очень не прост оказался наш герой и возможно пройдет срок и выяснятся новые обстоятельства, связанные с его именем. Как знать. Высказать что-то определенное на этот счет трудно. Как говорится, время покажет.

Вот казалось бы и все. Можно подводить черту. Но неожиданно история эта получила продолжение, какое не во всяком романе прочтешь. В Тобольском государственном архиве в свое время мной была обнаружена весьма любопытная запись за 1801 год, что некая вдова Агриппина Степановна Чоглокова вышла замуж за купца Якова Васильевича Корнильева. Род Корнильевых в Сибири известен хотя бы тем, что именно они открыли в Тобольске первый печатный станок, на котором печатался журнал со странным для уха сегодняшнего читателя названием «Иртыш превращающийся в Иппокрену». А еще из этого рода вышла мать известного химика с мировым именем Дмитрия Ивановича Менделеева. Так вот, на момент бракосочетания невесте было 40 лет, а жениху двадцать с небольшим. Странная пара, подумалось мне тогда, поскольку не изучил еще происхождения Наума Чоглокова. В церковных записях Агриппина Степанова значилась как «вдова и дворянская жена». Там же был записан и ее отец – отставной прапорщик Степан Тарашкин. То есть до замужества и его дочь носила точно такую же фамилию – Тарашкина.

В дореволюционное время православная церковь исправно вела так называемые «исповедальные росписи», в которые раз год вписывали всех, кто побывал на исповеди. Эти документы замечательны тем, что с их помощью мы можем знать имена и фамилии всех членов семьи и даже их слуг и квартирантов, что проживали с ними на тот момент под одной крышей. В них же указывался возраст исповедуемого, но он в отдельных случаях не совпадал с данными за прошлый год, поскольку возраст свой наши предки знали довольно условно. Тоже самое можно сказать и о дне рождения, поскольку праздновали лишь именины по имени своего святого. Обычно все православное население страны посещало храмы, там исповедовалось и оставляло о себе бесценные сведения в этих самых росписях.

Тогда из чистого любопытства взял росписи за 1802 год и нашел молодую чету Корнильевых, то не поверил своим глазам: Яков показал себе 21 год, а его жена Агриппина – 20 лет! Мне ничего не оставалось, как углубиться в розыск и пролистать том за томом росписи Богоявленской церкви, одной из самых древних и богатых среди прочих храмов Тобольска, к которой были приписаны купцы Корнильевы. Агриппина Степанова не ошиблась ни разу и, начав с двадцати лет каждый раз прибавляла себе по

году, пока ее возраст не совпал с возрастом мужа! Около 1812 года они куда-то переехали и дальнейшая их судьба мне неизвестна.

В тех же исповедальных росписях Тобольска удалось найти записи ее первого мужа за 1787, 1790 и 1792 годы. Может быть он неисправно ходил на исповедь, а может попросту не сохранились записи его посещения храма. Первоначально он указывал себя не иначе как «бывший полковник Наум Николаевич Чоглоков», а в 1792г. он записан не иначе как «российский дворянин». И это при том, что чина как и дворянского звания он был лишен сразу после суда и забыть об этом никак не мог. В 1787г. с его слов ему исполнилось сорок лет. Он ошибся, поскольку историкам известна точная дата рождения первого сына в семье камергера Николая Чоглокова: 6 января 1743 года. Хотя могли ошибиться и историки.

Вместе с ними проживали двое слуг, указанные как «дворовые»: Гавриил Никифоров пятидесяти лет и Юлия Изотова тридцати лет. Но что интересно, в одном из тобольских приходов за тот же период указан «несчастной капитан Сергей Федосеев Рактеев». Фамилия эта встречается у С. М. Соловьева, как одного из противников Тотлебена из числа русских офицеров грузинского происхождения. Недалеко разошлись дорожки двух несчастных ссыльных. И жена Науму Николаевичу досталась с именем значительным. Агриппина или Аграфена с латинского языка переводится как «горестная». Было над чем подумать царскому племяннику в тобольской ссылке. Всего в Сибири он провел ровно двадцать пять лет. Четверть века. Значительный срок, но помогло ли это ему.

Неясным остался для меня и факт отъезда Чоглокова в 1796г. в Псков под надзор полиции. Почему Агриппина Степанова не поехала с ним? А, может, поехала? Но после его смерти вернулась на родину в Тобольск и здесь вторично вышла замуж за именитого купца, который был младше нее на двадцать лет. А с первым – на пятнадцать, но по обратной временной шкале. В сохранившихся документах о ее поездке в Асков или иные места не указывается. Но вот ее уменьшение собственного возраста тоже хоть и отдаленно походит на некую авантюру. Видно пока жила с первым мужем впитала от него бациллы этой заразы. А вот детей у нее не было, потому не можем продолжить эту цепочку трудно объяснимых поступков дальше.

Неудачная судьба сложилась и у младшего брата Наума. Николай Николаевич Чоглоков (1749 - после 1796, Ревель), так же не избежал скорбной участи арестанта. Первоначально состоял на военной службе. В 1775г. в Ревеле за покушение на жизнь барона Унгер-Штернберга заключен на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость. Женился на дочери коменданта крепости Бередникова. В 1794г. ему разрешено жить в Пошехоне Ярославской губернии, а с в 1796г. – в Ревеле. У него, как и его родителей было 8 детей.

А вот теперь самое время подвести итоги и сделать смелое предположение, что авантюризм, как и многие нравственные болезни, присущие самолюбивым людям, образно говоря заразен. Иными словами, легко передается не только по наследству, но и при общении меж людьми. Об этом говорят многие исторические документы, где описывается, как в результате общения двух или нескольких совершенно разных людей, все они заражались этой бациллой. Типичный тому пример Наполеон Бонапарт и его ближайшее окружение. Степан Разин. Пугачев. И ряд этот можно продолжать до бесконечности. О том же генерале Тотлебене сохранилось любопытное предание, что при занятии Берлина именно в его отряде служил Емельян Пугачев. Когда однажды Тотлебен, увидев его у себя в ординарцах, сказал окружающим: «Чем больше я смотрю на этого казака, тем более поражаюсь его сходством с великим князем Петром Федоровичем». Если это так, то для будущего самозванца и эти слова и пример командующего, взявшего «на испуг» одну из важнейших европейских столиц, сослужили в последующем дурную службу, приведя его на плаху. Как сложились

отношения Наума Чоглокова и Тотлебена, мы уже знаем. Не исчезла бацилла авантюризма и в наши дни и антидот от нее пока что не изобретен...

5. ЗАЛОЖНИК ВЕКА СВОЕГО... **ИЛИ** **ПОСЛЕДНИЙ СИБИРСКИЙ МИТРОПОЛИТ**

Страну Сибирию, а более привычно, – Сибирь, – вполне можно назвать зеркалом, в котором с точностью до наоборот отражались все извивы и загадочные ходы дореволюционной российской национальной и религиозной политики, которые порой бывали столь хитры и неясны, что и не отгадать, на что они оказывались направлены и какого результата власти хотели добиться.

И с церковью православной обращались власти российские, словно капризная мать с дитем малым: то нянчили и ласкали, осыпали подарками разными, а то вдруг отворачивались от нее, отбирали последнее: и крестьян монастырских и землю, да и сами монастыри закрывали, решив, будто слишком много их на Руси развелось. Только монастырская братия и батюшки приходские постепенно к капризам тем государственным поприивыкли и оставались как есть верными слугами власти верховной, помня, любая власть от Бога и иной на свете быть не может. Потому служили ей честно и бесхитростно, сил своих не жалея, фиги в кармане не держа и желали здравия государям русским на всех больших и малых богослужениях.

А Сибирь-страна хоть и далеконочко от царского трона находилась, но неусыпное око государево на много тысяч верст и без трубы подзорной все видело, а ухо царское каждое неосторожно произнесенное слово слышало и всех тех дерзких говорунов при дворе наперечет знали и на коротком поводке держали. Знать-то знали, но, как говорится, на каждый роток не накинешь платок, тем паче, убери одного несогласного, а заменить-то его и нечем! И останется приход, а то и целая епархия без пастыря или сыщется другой, что еще похуже прежнего будет. А коль иного не дано, то жить надо так, как испокон века завещано: мелких обид не замечать и ссор больших из-за того не затевать.

Со времени Петра Великого пришли за Урал иные порядки, о которых раньше тут и слыхом не слыхивали: народ новым налогом обложили, молодых парней стали в армию на большие сроки забирать. А батюшкам объявлено было, что теперь все они на государственной службе состоят и потому никакого своеволия допускать не должны и обо всем, что на исповеди крамольное узнают, начальству своему аккуратно докладывать. Посудачили батюшки о том, пошушукались, но свыклись. А куда деваться? От себя да от царя не убежишь, сколько не старайся. Курица и та своего гнезда без причины не бросит, а человеку и подавно Господь завещал своим хозяйством жить и с отцовской земли далеко не уходить.

И с этим народец сибирский свыкся, со временем и поприивык и уже каждого нового владыку встречали как должно, не обращая внимания на словечки нездешние. Тем более в храме службу вели они благостно, говорили хоть и не всегда понятно, но со значением и крест святой целовали и Дарами Господними всех причащали как должно. И что с того, что все они как один, черкасы приезжие, выходцы с окраинных земель. Служили все одно по-нашему, по-православному. Господь завещал смотреть не на обычай, а судить о человеке какой он веры держится. Сам Христос тоже не по-русски говорил, а на небо взят был за подвиги свои, страдания и жизнь праведную.

Шли годы, менялись царские особы на российском троне, а в Сибирь уже более полувека как слали митрополитов рода малороссийского, пока не пришла пора прибыть

в Тобольск последнему из них, преосвященному Павлу (Конюскевичу), о котором, собственно, и рассказ наш пойдет.

... Митрополит Павел, чей прах ныне покоится в Киево-Печерской лавре, родился в 1705 г., как и положено будущему иерарху, в православной семье, проживающей в городке Самбары в пределах древней славянской земли Галиции издавна именуемой Русью Червонною.

Заметим, к слову, для славянских народов восемнадцатый век стал воистину временем воссоединения и восстановления прежних границ своих земель под эгидой российской короны. Росло и полнилось государство российское, словно на доброй опаре и, урезонив шведов, крепко обосновалось на землях некогда польской Украины. Вот тогда-то и сослужили ученые мужи украинской земли добрую службу братьям своим русским, когда царь Петр стал открывать школы церковные и гражданские для обучения отроков наукам разным. Учителями в них направляли как раз выходцев из Киевской духовной академии, поскольку своих ученых мужей тогда в России почти что и не было.

Именно на это время крутых перемен в государстве и пришлась юность будущего сибирского митрополита Павла.

Вряд ли Петр Конюскевич, (получивший имя Петра при крещении) особо отличался от своих сверстников, когда он начал обучение в начальном училище у себя на родине. Но дальнейший его земной путь не оставляет сомнений в незаурядности будущего митрополита. Большинство ровесников его, получив начальное образование, осели близ родных мест, став приходскими священниками. И вполне понятна их тяга к привычному для большинства мирскому благополучию, что обычно заканчивалось выбором состоятельной невесты, поиском хлебного места в богатом приходе и безбедным существованием в кругу семьи. Разве можно осудить человека за то, что он сперва о земном думает, а потом уже к небу свои глаза устремляет? Видно так человек устроен: грешить в молодости, а каяться в старости.

Но, о ином были помыслы молодого дворянчика Петра, когда он ехал в Киев, чтоб продолжить там образование, а затем и остаться при академии учителем поэтики и на двадцать восьмом году жизни навсегда отказаться от земных утех, приняв монашеский постриг. Современному человеку трудно понять некоторые поступки своих предков, в частности, ранний уход в монастырь, тем более, что обратная дорога была для юных иноков закрыта навсегда. Но нужно помнить, в те времена лишь армия или монастырь давали возможность и надежду небогатому человеку получить образование и занять высокое положение в обществе. Став в иночестве Павлом, молодой иеромонах надолго покинул родные края и благодаря рано проявившимся у него способностям назначается проповедником в Московскую славяно-греко-латинскую академию.

Осознавал ли он тогда, что тем самым позволил вовлечь себя в сферу высокой политики, участниками которой становились все, кто занимал значительные посты на ступенях российской иерархической лестницы, будь то скромный монах или военный чин аристократического происхождения. Приблизившись к трону, попадали они в поле высокого напряжения и становились заложниками неподвластных им сил, где игра велась по особым правилам, а нарушившие ее подвергались, по меньшей мере, опале и ссылке, в худшем – заключению в каземат, а то и смерти.

Посмеем предположить, что будущий святитель и не помышлял о своем участии в игре политической, а жаждал лишь знаний и потому искал приложения своим силам на поприще просвещения. Так или нет, но многие образованные современники Павла (Конюскевича) рано или поздно оказались перед непростым выбором, когда дело доходило до ответа на вопрос: с кем ты? С Богом? С царем? Или ратуешь за благо народное? И эти казалось бы простые вопросы ставили в тупик многих, когда, получив доступ к авторам не только духовным, но и светским, излагавшим порой мысли кощунственные, уводящие далеко от церковных обетов и божьих заповедей, молодой

человек терял не только веру, но и главные ориентиры в этом мире и тем самым обрекал себя на муки вечные, чему примеров великое множество. А там недалеко и до ереси, до противостояния власти (любой!), стоит лишь просмотреть список вин и прегрешений сидельцев сибирских монастырей второй половины восемнадцатого века. В этот самый «бунташный» век и выпало жить и служить выходцу из земли малороссийской Павлу (Конюскевичу).

И власти не обошли его милостью своей, отметив дар красноречия у молодого тогда еще проповедника московской академии, строгость и воздержание в личной жизни, назначив в 1742 г. архимандритом Юрьева монастыря, находящегося близ Великого Новгорода, – одной из самых древних и почитаемых православных российских обителей. Именно там будущий сибирский митрополит проявил себя как человек деятельный и рачительный, подновив многие старые постройки и возведя новые.

Пятнадцать лет его управления в обители пришлось на благодатное для православной церкви время царствования дочери Петра Великого – Елизаветы Петровны. Предшествующее тому десятилетие бироновщины показалось всем православным людям столь долгим, что спешили побыстрее отстраивать пришедшие в упадок храмы, возвращались из дальних ссылок и тюрем церковные иерархи, с монастырей снимались несправедливые правительственные опалы; вновь был разрешен постриг в монашество, в том числе и семинаристам. Шли разговоры о восстановлении патриаршества, но дочь петрова не пошла против установок, принятых ее отцом. И, наконец, впервые в XVIII столетии (15 апреля 1757г.) была произведена канонизация (причисление к лику святых) митрополита Ростовского Димитрия (Туптало), земляка Павла (Конюскевича), некоторое время управлявшего Сибирской епархией и почившего за три года до рождения последнего сибирского митрополита.

Так или иначе, но выходцы с Украины упрочили свои позиции в северных землях и благодаря им было воспитано новое поколение будущих церковных иерархов географически принадлежавших к «великорусской нации», но через совместное служение и общение с густо расселившимися по России выходцами из Украины, впитавшими в себя основы новейшей европейской культуры. Но подрастали великороссы, множилось их число, а занять пост архиерея, тем паче митрополита оказывалось для них не так-то просто, поскольку корпоративная порука и землячество «черкасов» (украинцев) не желало те посты оставлять, видя себя и дальше «солью земли» русской и незыблемыми столпами церковных православных устоев.

Наглядный тому пример, ситуация, возникавшая в Сибирской епархии в 1755г. Именно в этот год остается без архипастыря «Тобольская и вся Сибири» митрополия, откуда из-за различных жалоб и недоразумений был удален прежний владыка Сильвестр (Гловатский). Почти три года сибирское духовенство существовало без единоначалия, что отнюдь не способствовало его единению в сложной обстановке участвовавших самосожжений старообрядцев и недовольства мусульманской части населения, которых прежний митрополит настойчиво призывал к переходу в православную веру, в чем, надо сказать, не очень-то преуспел. С самого основания в 1620г. Сибирской епархии столь значительного периода церковного «безвластия» более не зафиксировано. Факт этот обычно трактуется как бездеятельность Св. Синода, который без воли государыни не решался подыскать нового приемника на столь значительный церковный пост. А государыня, мол, была занята совсем иными делами и попросту забывала сделать то, чего все от нее ждали.

Может и так, но думается, что в основе затянувшегося «сибирского безвластия» лежит обострившаяся внутри церковная борьба между представителями «великорусской» и «малороссийской» партиями, где в то время наблюдалось довольно шаткое равновесие. Малороссы были еще достаточно сильны, а великороссы пока не набрали сил, чтоб окончательно встать во главе всех российских епархий. Стоит лишь бегло взглянуть на списки архипастырей в центральных областях России, чтоб

убедиться, кто же на самом деле управлял **русскими!** епархиями: Суздальской, Вологодской, Новгородской, Костромской. Так, в середине XVIII века ими руководили сплошь выходцы с Украины в чине от епископа до митрополита. Для более полной ассоциации приведем лишь некоторые фамилии. В Суздале за разные годы управляли епархией: Порфирий Крайский, Геннадий Драницын, Тихон Якубовский; в Вологде: Амвросий Юшкевич, Серапион Лятошевич, Ириней Братановский; в Великом Новгороде: Феодосий Яновский, Прокопович, Стефан Калиновский; в Костроме: Симон Тодоровский, Сильвестр Кулябка, Дамаскин Аскаронский. Такая же картина наблюдалась по всей стране – ни единой русской фамилии!

И это, притом, что главный фаворит императрицы на тот период был опять же малоросс граф Разумовский, который тоже был не прочь поруководить делами церковными, как, впрочем, и ее личный духовник Дубянский. На этот счет один из историков русской церкви Н. Тальберг пишет: «в церковных делах, порою, проявляли излишнее участие гр. Разумовский и прот. Дубянский» (личный духовник императрицы). Судя по довольно застенчивому указу Елизаветы Петровны от 20 апреля 1754г. в Св. Синод «об обязательном назначении» и «великороссиян на праздные вакансии в архиереи и архимандриты» церковные иерархи к ее мнению не очень-то и прислушивались. Получается, попросилась лиса к зайцу в дом погреться и его же самого и выжила.

Итак, в 1755г. в Сибирской епархии возникла вакансия на должность митрополита сибирского, назначить которого смогли лишь через три года. Им стал 5 мая 1758г. Павел (Конюскевич), управлявший митрополией ровно десять лет.

Середина XVIII столетия для Сибири оказалась весьма беспокойной в плане участвовавших самосожжений старообрядцев, недовольства национальных меньшинств, чье вероисповедание властями не признавалось «правильным» и в задачу сибирских митрополитов входило их обязательное крещение, но ... на добровольной основе. Но все же главной бедой среди прочих можно назвать отсутствие в сибирских пределах образованных священнослужителей, получивших классическое семинарское образование, начало которому было заложено еще в царствование Петра I. Хотя в 1702г. при Софийском дворе и была открыта так называемая «архиерейская школа», ученики которой получали зачатки духовного образования, а в 1743г. преобразованная в семинарию, но заканчивали ее единицы, хотя для Сибири православных пастырей требовалось сотни, если не тысячи. А вся проблема сводилась опять же к отсутствию семинарских учителей, которые могли бы образовывать на должном уровне юных отроков в стенах Тобольской духовной семинарии.

Во всей этой непростой ситуации митрополит Павел показал себя как человек властный, распорядительный и бескомпромиссный. Самосожженцам он, заручившись содействием гражданских властей, повел настоящую войну по всем правилам этого древнего искусства. Для этого выявляли зачинщиков и тех, кто не желал посещать церковную службу, везли их в Тобольск со всех ближних и дальних уголков митрополии и на Софийском дворе или в ближних монастырях отступников тех «смиряли» и «увещевали» различными мерами, понуждая вернуться в лоно официальной церкви.

Трудно сказать за давностью лет к чему привели строгости митрополита-киевлянина и насколько положительным оказался результат его противодействия самосожженцам. Статистика вещь коварная и не всегда верно отражает происходящие в обществе процессы. Но хотелось бы подчеркнуть, что методы, применяемые митрополитом Павлом, были в духе того непростого времени, в котором ему пришлось жить и действовать. С еще большей строгостью он относился к провинившимся церковнослужителям, которых за вины их переводили в «черную работу», сажали на цепь, а могли в острастку другим и кнутом наказывать.

В архивных документах сохранилось дело об ученике певческой школы (певческому делу владыка придавал весьма большее значение!) Василии Арефьеве, который в апреле 1764 г. в возрасте 18 лет подал митрополиту Павлу прошение об оставлении школы и отпуске домой с назначением в дьячки. При этом он сообщает о причине своего отказа от дальнейшего обучения: «с голосу спал ... и к партесному пению не способен». Митрополит решил разобраться с чего это молодой человек вдруг «с голосу спал», учинил проверку, в ходе ее выяснилось, что отец ученика (священник отдаленного прихода) в одном из писем просил сына скорее приезжать домой: «выходи, коли возможно, из школы ... пожалей нашей старости». Митрополит Павел велел вызвать старшего Арефьева в Тобольск, где его тут же допросили в консистории и вынесли довольно строгое и унижительное для священника решение: «наказать его при канцелярии Тобольской духовной консистории плетьюми». После порки Арефьева-старшего отправили на покаяние на полгода в Туринский Николаевский монастырь. Кроме того, согласно указа Св. Синода от 23 февраля 1744г. за «от школьного учения укрывательство» он подвергался штрафу в размере 108 руб. Но митрополит смиростивился и штраф отменил, приказав, однако, Арефьеву-отцу содержать сына за собственный счет до окончания семинарии в течение 6 лет. В вину главе семейства церковные судьи поставили тот факт, что «семинарское училище для пользы церкви и отечества» и он должен был «крайнее прилагать о обучении сына старание», а «он от того его отвращал».

Митрополит Павел попытался кардинально решить вопрос с привлечением учителей для преподавания в семинарии, которых стал выписывать из Киева. Служили они по методу, прозванному ныне «вахтовым», то есть приезжали на короткий срок, а затем возвращались обратно к себе на родину. Трудно сказать насколько действенным эта метода оказалась, но к отъезду митрополита в штате семинарии значатся уже фамилии выпускников семинарии, которые и составили достойную смену киевлянам.

В этот же период выяснилось, что присылаемые для обучения в семинарию поповские отроки в большинстве своем элементарно не обучены ни грамоте, ни счету. А потому по прямому распоряжению митрополита при монастырях и при сельских приходах (заказах) были открыты так называемые «латинские школы», где поступающие получали начальное обучение. Не забыли и про церковное пение, столь любимое владыкой. Митрополит Павел приказал с 23 мая 1763г. «во всех учрежденных в Тобольской епархии при духовных правлениях латинских школах детей ... обучать нотному простому ирмологному пению неотменно».

А как явствует из приведенного выше дела Василия Арефьева, неспособных к пению отдавали в «певческие школы», где их обучали более или менее петь стройно. Необходимость введения дополнительного музыкального образования объясняется, скорее всего, тем, что сибиряки, издавна славившиеся своей безголосостью, вызывали у выходца с Украины, мягко говоря, легкое раздражение, и он просто не мог допустить будущих диаконов и священников до службы в храме, не привив им зачатков музыкальной образованности.

Кроме того, владыка Павел решил продолжить дело своего предшественника Сильвестра (Гловацкого) по привлечению мусульман в православие, (за что тот, по сути дела, и был отстранен от должности), и подошел к этому вопросу с размахом, решив обучать всех семинаристов татарскому языку. Но легко решить, трудно выполнить, не хватало, как всегда самого малого – учителей, способных вести курс татарского языка для семинаристов. Но владыка Павел не привык отступать от задуманного и в деревне Кавинской Тарского уезда он нашел «ясашного новокрещенного Стефана по восприемнике Алексеева сына Корнильева», который прежде «состоял в магометанском законе и был муллою», но «разочаровался в мусульманстве и решил принять Православие». По распоряжению митрополита его в 1758г. крестили, а затем направили обучать «при Тобольской семинарии священно-церковно-служительских детей

татарскому языку и грамоте», «чему он и обучал человек 10 с полгода». Но по какой-то причине не получая вознаграждения за свой труд, обиделся и уехал обратно в Тару.

Как видим, владыка Павел вел в Сибири разностороннюю деятельность среди местного населения, успевал заниматься закладкой и освещением новых храмов, налаживал дисциплину и среди вверенного ему притча. Все бы хорошо, но только к концу подходило время правления таких церковных иерархов, к славной когорте которых относился владыка Павел, зарекомендовавшие себя как люди властные, распорядительные, которые на земле никого кроме Бога не боятся и иных авторитетов кроме заповедей апостольских не признают.

После смерти императрицы Елизаветы взшел на престол российский ее племянник Петр Федорович, а вслед за ним стала управлять страной жена его Екатерина, прозванная Великой. Вот тут-то и начались гонения на церковь православную, лишения монастырей заповедованных им некогда земных угодий, а то и вовсе закрытием иноческих обителей. И при том стали выходцев малороссийских с архиерейских кафедр потихоньку смещать и заменять их на великороссов, которые к тому времени мало чем учителям своим в науках богослужебных уступали.

В 1762г. в Тобольске появился новый губернатор из числа близких к императрице людей, – генерал-поручик Денис Иванович Чичерин, – вельможа влиятельный, имеющий настолько крутой нрав, что предания о нем долгое время в народе жили. Как писали о нем многие авторы: «пылкий грешник, пользовавшийся неограниченной властью», обнаруживающий «нетерпеливое самовластие». И две столь яркие личности не могли прожить те шесть лет, что им выпало совместно управлять Сибирью, без конфликтов и столкновений. Началось с того, что новый губернатор решил высмеять пьянство, в котором не без причин уличали сибирское духовенство, и велел своим служащим в монашеском одеянии ходить по городу, посещать кабаки и иные злчные места. Вознегодовавший владыка приказал написать на стене Ильинской церкви, находящейся неподалеку от губернаторского дома, картину страшного суда и в центре ее окруженного чертями губернатора. Тот не остался в долгу и в его покоях появилось аналогичное живописное полотно, но уже с изображением митрополита раскаивающегося в грехах. Дальше – больше. Дело дошло до пушечных салютов у губернаторского дома во время богослужения в кафедральном соборе и, как ответ, многоголосый колокольный звон в тот момент, когда его высокопревосходительство отходили ко сну.

Императрица, которой наверняка обо всех тех «проказах» сибирских правителей докладывали, думается, восприняла то противостояние с достаточной долей юмора. Но дело приняло серьезный оборот, когда был провозглашен закон о секуляризации церковных имений, благодаря которому церковное ведомство лишалось значительной части своих земель. Первым выступил против закона, во многом ущемлявшего права церкви, митрополит Арсений (Мацеевич), который поплатился за резкие свои высказывания и арестом и содержанием вплоть до его кончины в темнице Ревельского каземата. Аналогичное послание направил в Св. Синод и митрополит Павел, где он указывал, что закрытие шести из 17 сибирских монастырей пагубно отразится на миссионерские планы, которые на них были возложены. Но императрица, которая весьма болезненно относилась к любым возражениям против ее действий и поступков, увидела в послании сибирского владыки, прежде всего протест и непокорность, а потому повелела вызвать того в столицу и на месте провести следствие.

Делом Павла (Конюсевича) занимался председательствующий в Св. Синоде Новгородский митрополит Димитрий (Сеченов), который и пригласил сибирского преосвященного срочно явиться в С. Петербург для ответа. Но дальнейшие события стали развиваться столь непредсказуемо, что на них стоит остановиться подробнее.

Во-первых, митрополит Павел проигнорировал вызов и в столицу не поехал, что само по себе могло быть расценено как дерзость и непокорность властям с

соответствующими выводами и наказанием, вплоть до ссылки и тюремного заключения. Ему направили второе приглашение о срочном прибытии для разбора «дела», заведенного на него. Митрополит из Тобольска не едет! И поступок свой никак при том не мотивирует, храня молчание. Тогда, обескураженные синодские служители, исчерпав собственный ресурс воздействия на архипастыря, обратиться к сибирскому губернатору с довольно недвусмысленным предписанием, чтоб преосвященный: «непременно в путь отправился с получением того указа в неделю», а если промедлит, то «онаго преосвященного выслать из Тобольска без всяких отговорок». Но еще до получения этого (третьего) распоряжения митрополит Павел оставил сибирскую кафедру и ни с кем не простившись, направился в столицу, где его столь страстно ожидали.

Что это? Проявление строптивого характера или нечто другое? Уж ему ли не знать к чему может привести подобная непокорность, будь ты хоть самый наиприближенный к трону человек. Шутить с властью в те времена не решались люди и рангом повыше. Остается единственное объяснение: владыка Павел знал и понимал, на что шел, но чувствовал за собой силу «пусть не земную, но небесную». Нам, людям века нынешнего, мыслящим в большинстве своем материалистическими категориями, трудно, а скорее невозможно вообразить то мистическое восприятие мироустройства свойственное людям века восемнадцатого, а потому попробуем принять хотя бы на веру воспоминания современников тех давних событий, отнести к которым каждый из нас может далеко не однозначно.

Сохранилось предание, согласно которому накануне заседания, на котором должен был быть вынесен приговор по делу сибирского владыки (оно состоялось 22 июня 1767г.), митрополиту Димитрию (Сеченову) во сне явился Павел (Конюсевич) и с гневом произнес на латинском языке следующее: «Некогда отцы наши, и в числе их некоторые святые, даровали Церкви разные земные удобства и неприкосновенность тех пожертвований утвердили заклетами. И я, человек грешный, недостойный епископ Церкви Христовой, не своими устами, но устами отцов моих, проклиная тебя, предателя церковных имуществ, и предрекаю тебе нежданную смерть!».

Не известно как отнесся митрополит Димитрий к этому явлению, будучи членом духовной комиссии по упразднению «малолюдных и небогатых монастырей», против чего как раз и выступал сибирский владыка Павел, но прожил он после этого недолго. 30 июня 1767г. он присутствовал в Москве на торжественном открытии комиссии по составлению нового уложения, а 14 декабря того же года скоропостижно скончался в Заборовском подворье.

Мистика? Пусть каждый решает это в силу собственных убеждений, но на этом таинственные события, связанные с личностью сибирского владыки не заканчиваются.

В документах того времени довольно точно зафиксировано, что 11 января 1768г. митрополит Павел выехал из Тобольска (почти через месяц после смерти Димитрия (Сеченова). Может каким-то образом он узнал о том?). В Москву он прибыл 2 апреля того же года и сразу подал в Св. Синод прошение о своем увольнении с должности сибирского митрополита и разрешить ему поселиться в Киево-Печерской Лавре «на обещание». Первая его просьба была тут же удовлетворена, но как поступить с самим владыкой синодские власти не знали, резонно полагая, что судьба его полностью находится в руках императрицы, которая одна лишь и вольна решить участь непокорного владыки.

Государыня же, узнав о прибытии митрополита Павла, пожелала встретиться с ним лично и было уже назначено время приема, но и здесь лишенный чина, но не собственных убеждений киевлянин в нарушение этикета и неписанных дворцовых правил от встречи с императрицей уклонился, заявив, что подчиняется лишь власти духовной, но никак не светской. Это ли не оскорбление честолубивой «матери народа российского»?! Екатерина вынуждена была пережить и этот пассаж и, как ни в чем не

бывало, предложила опальному митрополиту продолжить служение в Сибири в том же качестве, словно и не было решение Св. Синода об его увольнении. И что же владыка? Думается, любой другой бы с радостью принял монаршую милость, тем более, что в его положении то был выход наилучший и вполне разумный: ему предлагали помириться с властью и остаться, что называется, при своих. Но владыка и здесь ответил отказом! Мол, хочу в Киев, на покой!

Можно представить, как государыня прореагировала на это его волеизъявление, но спорить не стала и милостиво разрешила поступить так, как владыка пожелает, отправив ему «на неотложные расходы», (а может быть в качестве морального ущерба?) немалую сумму денег – десять тысяч рублей! И уже будучи простым монахом, практически опальным, без покровительства, но не смирившимся рядовой инок отказывается от немыслимого по тем временам подношения и выбрасывает деньги в окно из своей кельи, куда они и были доставлены. Монастырские служители деньги подобрали и возвратили владыке, дивясь, как может человек лишенный всех благ земных устоять от подобного искушения, а в ответ слышали: «То огонь, добра от них не будет ...». Когда об этом узнал настоятель Лавры, то он тут же нашел им применение, с чем и пришел к бывшему сибирскому владыке.

– А что ты устроишь на сей огонь, отче? – спрашивал тот.

– Можно через этот огонь церковные главы вызолотить, – предложил настоятель не особо надеясь на согласие и удивился, услышав:

– Се добре...

Так гласит легенда...

А владыка Павел видимо слишком много сил своих положил за веру отцов, поскольку прожил на покое в Лавре недолго и скончался 4 ноября 1770г. «со всяким христианским порядком». Гроб с телом великого православного подвижника был помещен в подвалах той самой Великой лаврской церкви, чьи сверкающие позолотой купола и стали яркой памяткой деяниям и подвигу последнего сибирского митрополита Павла. Но недолга память людская, а может так она устроена, что имена злодеев помнятся лучше и дольше, чем божьих праведников? Их имена Богу поручены, а Он в отличие от людей ничего не забывает и имеет разные способы напомнить нам неразумным тем или иным порядком. Так и вышло.

Сменился век восемнадцатый следующим, иные заботы пришли на русскую землю и через полвека с небольшим случился в Лавре большой ремонт и подновление, в связи с чем решено было перенести многочисленные захоронения из-под Великой церкви в специально оборудованный для них склеп. Руководил предпринятой реконструкцией известный ученый своего времени Евгений (Болховитинов), под руководством которого в Киеве были проведены многочисленные археологические изыскания и обнаружены фундаменты древних сооружений домонгольской поры: Десятинной церкви, Золотых ворот и пр. Вот именно через этого подвижника и выпал случай напомнить забывчивому люду о некогда известном всей православной России последнем сибирском митрополите Павле.

Может и ни к чему устанавливать некие временные параллели между героями нашего повествования, но опять же для памяти, уточним, что появился на свет Евгений (Болховитинов), как раз в тот год (1767), когда Павел (Конюсевич) был освобожден от должности сибирского владыки, а «почил в бозе» киевский митрополит в год смерти А. С. Пушкина (1837), пройдя солидный жизненный путь и став свидетелем и очевидцем весьма важных исторических событий. Так незримо история российская связана звеньями цепочек, в которых заключены судьбы людей, ратующих за свою страну. И хотя каждый из них жил по-своему, действовал по собственному разумению, но не разрушал, а созидал, укреплял ее. Поэтому смеем заявить, что история складывалась из судеб людских, безвозмездно «брошенных на алтарь отечества», как говорили когда-то наши не столь давние предки.

Итак, 12 июня 1827 года, когда киевскому митрополиту Евгению (Болховитину) было сообщено, что останки умерших в разное время архипастырей, покоящиеся прежде под Великой церковью готовы к перезахоронению, то он приказал вынести их из церковного подвала, чтоб затем решить каким образом разместить их в новом склепе. К тому же забылись имена умерших, а митрополит Евгений, будучи ученым и исследователем хотел установить имя каждого из усопших. Но за извечной занятостью своей сделать это он не успел. И вот тогда произошел еще один случай, который любой верующий человек воспримет как реальность, а нынешний материалист отнесется с известной долей скепсиса и постарается объяснить произошедшее, используя выражения типа: «Показалось», «Бабы сказки», «Мало ли кому что во сне привидится» и т. п. Но подчеркнем, что свидетельствует о произошедшем человек просвещенный, историк, который каждое свое слово взвешивал, прежде чем оставить его на бумаге. Тем более, иных подобных сцен им описано не было.

В ту самую ночь, когда митрополит Евгений, оставив необследованными часть гробов, подготовленных к захоронению, удалился в свои покои ему приснилась «страшная буря», от которой заколебалась вся его резиденция. От этого он и проснулся и услышал (уже не во сне!), как по залам архиерейского дома кто-то мерным и твердым шагом направляется в его покои. Вслед за тем двери к нему в спальню вдруг сами собой отворились и «в ночной темноте, весь сияя неизъяснимым светом, в комнату вступил неизвестный муж величественного и грозного вида, в архиерейском облачении». Гневно стуча посохом, он приблизился к митрополиту. Тот попытался встать с постели, чтоб поклониться таинственному посетителю, но ноги отказались ему служить и он так и остался сидеть в неподвижности. А старец заговорил с ним на «малороссийском говоре», твердо чеканя слова, которые навсегда остались в памяти митрополита:

– Чи даси нам почиваты, чи ни? Не даси нам почиваты, не дам и тобі ніколь почиваты, – а затем круто развернулся и вышел таким же мерным шагом.

Наутро митрополит Евгений пришел в Великую церковь, чтобы осмотреть не погребенные гробы. Когда подняли крышку одного из них, то перед митрополитом оказался абсолютно нетленным, точно спящий, тот самый архиерей, который приходил к нему ночью, и даже в том же самом облачении.

Далее позаимствуем цитату из описания произошедшего автора девятнадцатого столетия: «Пораженный митрополит со слезами стал класть поклоны и целовать руки архиерея. Немедленно стали узнавать, кто этот архиерей, и, наконец, открыли, что это митрополит Тобольский Павел, погребенный здесь пятьдесят семь лет назад. Тут же была отслужена по нем панихида, и митрополит Евгений распорядился бранные останки святителя Павла оставить на месте, где они находились ранее. С тех пор многие богомольцы приходят к нему поклониться, а сам святитель лежит нетленный со спокойным лицом и закрытыми глазами. Известный инок Парфений, описавший свои странствия по святым местам, сообщает следующее: *«Во един от дней в Киево-Печерской Великой церкви в левом приделе внизу под полом показывали нам мощи святителя Павла, митрополита Тобольского и всея Сибири, после препровождавшего жизнь свою в Киево-Печерской лавре на покое там скончавшегося. Почивает он в раке подобно как спит весь целокупен и дух от него приятен. Но во святых доныне не почитается, а только желающие служат по нему панихиду»*.

Но пришло время и на Всероссийском Соборе 1917—1918 гг. святитель Павел Тобольский был причислен к лику святых. Вслед за тем наступила безбожная большевистская эпоха, а там и война, оккупация Киева немцами, которые в 1942г. наряду с другими злодеяниями совершили и взрыв Великой лаврской церкви. Конечно, можно предположить, что мощи святителя Павла Тобольского оказались уничтожены, но это лишь предположение. Зная о его полной превратности судьбы и ряде необычных явлений с ним связанных, хочется верить, что Господь в очередной раз уберег

молитвенника сибирского от варварского посягательства и рано или поздно мощи святителя будут обретены и нужно лишь верить в существование чуда, без которого немислима жизнь верующего человека. Так же как и сама жизнь без веры невозможна. А так каждый из нас волен выбирать, во что верить: в чудо или бессмысленность земной жизни.

К слову говоря, митрополит Павел, беседуя в 1761г. с прибывшим в Тобольск для астрономических наблюдений французским аббатом Шаппом, высказал показавшуюся тому кощунством мысль о неправильности воззрений Коперника на устройство солнечной системы. Правда и аббат мог не совсем верно истолковать слова преосвященного, как знать. Но для нас митрополит Павел Тобольский навсегда останется великим праведником и стойким борцом за веру. Именно он одним из немногих посмел открыто не согласиться с вмешательством императрицы Екатерины II в дела церковные. По его твердому убеждению власть церковная в подчинении у светской быть не должна! Но мало кто тогда прислушался к его словам, опасаясь, кто за карьеру, а кто из обычной человеческой трусости.

Еще и поэтому должны мы помнить и почитать святителя сибирского, что выпало жить ему в век непростой, когда многие его современники проявили колебания в вере и в трудный для церкви момент уклонились от защиты ее, за что и пострадал много позже весь люд православный в тот самый год, когда вспомнили о благодеяниях святителя Павла, объявив его святым, но слишком поздно. Народ, не распознавший праведника, рано ли поздно ли будет обречен на страдания. Главное понять это вовремя и иметь на то волю и желание.

6. ПУШКИНЫ В ТОБОЛЬСКЕ

Есть некая закономерность в том, что Тобольск с самого своего основания буквально притягивал к себе людей незаурядных, чьи имена и фамилии мы произносим с гордостью за свою страну и ее историю. Не стал исключением и именитый род Пушкиных, представители которого по той или иной причине оказывались на берегах Иртыша чаще всего не по своей воле. Первым из Пушкиных, кто был направлен на службу в Тобольск, стал Евстафий Михайлович Пушкин. До этого он проявил себя как деятельный воевода в Ливонской войне, которую вел Иван IV (Грозный) за выход к Балтийскому морю. В 1572г. Пушкин «дозирал сторожи» в царском стане; в 1576–1577 гг. был 2-м воеводой в передовом полку. В 1584г. он воевода в Новгороде. В 1588г, в ожидании прихода крымского хана, нес охрану обоза «береговым воеводой», после чего назначен писцом в Новгород.

Скорее всего, Евстафий Михайлович знал европейские языки, поскольку его часто направляли вести дипломатические переговоры: в 1581г. со Стефаном Баторием, в 1591г. – заключил «вечный мир» со шведами, в 1592г. он вел переговоры со шведскими послами на реке Нарве.

Показав себя на военном и на дипломатическом поприще, Евстафий Михайлович был допущен к участию непосредственно в дворцовых делах. Известно, что в 1598г. он подписался под соборным определением об избрании на царство Бориса Годунова. Но, несмотря на наличие определенного дипломатического опыта, наладить отношения с вновь избранным царем он не сумел и вскоре впал у того в немилость. По этой причине в феврале 1601г. он оказался не только удаленным от властного самодержца, но лишился всего своего имущества и попал в Сибирь. Правда, не как заключенный, а как второй тобольский воевода. И в те времена было принято опытных и знающих людей использовать по способностям на постах, занять который иной боярин мог посчитать ниже своего достоинства. В документах это событие засвидетельствовано таким образом: «послал царь Борис в Сибирь Пушкиных Остафия с братом за опалку, что на него доводили люди его, Филиппка да Гришка; поместья и вотчину велел описать, а

животы распределить». Однако в Тобольске он прослужил недолго и то ли от осознания, что с ним обошлись не самым лучшим образом, а может от полученных в сражениях ран или по иной неизвестной нам причине умер в 1603г. Вполне вероятно, что при одной из местных церквей он и был похоронен.

Вместе с Евстафием был направлен в Тобольск и его брат, Никита Михайлович Пушкин, намного переживший его. По немногочисленным сведениям, дошедшим до нас, известно, что Никита Михайлович принимал активное участие в военных кампаниях во второй половине XVI века: в 1571г. – он участник Крымского похода; в 1572г. – есаул в Новгородском походе против шведов; в 1581 г. – голова в Литовском походе.

В Тобольске он нес службу так же в качестве второго воеводы до 1605г., а потом возвратился в Москву для «оберегания от воров-изменников». Затем он служил воеводой в различных российских городах: в 1608г. – в Вологде, где присягнул «тушинскому вору»; в 1611г. – во Владимире-на-Клязьме; в 1617г. – в Арзамасе. Во время царствования Михаила Федоровича Романова в 1619г. получил должность царского окольничего и служил при дворе до самой смерти, последовавшей в 1622г.

Другим воеводой в Тобольске из этого же рода стал Иван Федорович Пушкин. О его военных подвигах ничего не сообщается, но при царском дворе он довольно заметная фигура: в 1660г. и 1671г. значится чашником во время торжественных обедов, связанных с дипломатическими приемами высоких иностранных особ. В 1669г. он «дねвал и ночевал» при гробе умершего царевича Симеона Алексеевича, а в 1670г. – при гробе царевича Алексея Алексеевича, что говорит о нем, как персоне особо приближенной к царскому семейству.

Затем начинается его карьера в качестве администратора, воеводство в различных российских городах. Первым из них стал Тобольск, куда уже не посылали опальных вельмож на службу, попасть туда считалось делом довольно престижным, благодаря главным образом тем богатствам, которые контролировали администраторы края, следили за их отправкой в столицу. Службу Иван Федорович нес в качестве «товарища» (заместителя) воеводы Петра Михайловича Салтыкова с 1673 по 1676 годы. После отъезда Салтыкова из Тобольска, Пушкин на целый месяц принял на себя воеводские обязанности, пока в город не прибыл новый воевода, боярин Петр Васильевич Шереметев-Большой. Именно в это время Пушкину пришлось в день Вербного Воскресения участвовать в необычном для того времени обряде «шествия на осляти», когда впервые этот обряд был введен в Тобольске. При этом Пушкин, как лицо сугубо должностное, вел под узды осла, на котором сидел митрополит сибирский Корнилий.

Из Тобольска в 1676г. он был направлен на воеводство в Верхотурье, где и пробыл до 1679г. Но со 2 мая по 27 сентября 1678г., «в перемену Тобольского воеводы при Петре Васильевиче Шереметеве-Меньшом», ему пришлось быть в Тобольске и находиться в городе, пока не прибыл новый воевода. Во время воеводства в Верхотурье Пушкин получил множество царских грамот, касавшихся ловли кречетов, правил провоза мягкой рухляди из Сибири, выдачи жалованья служилым людям, заготовки хлеба и проверки монастырских земель.

В 1682г. Пушкин был назначен воеводой в г. Чернигов с поручением, чтоб между черкесами, казаками и русскими служилыми людьми существовали мирные отношения. В 1684г. – воевода на Тереке. Получил от князя Андрея Ивановича Голицына грамоту о походе донских казаков для грабежа на р. Куму и калмыцкие улусы и о посылке против них ратных людей. Дата его смерти неизвестна.

Непушкины

Другой представитель этого славного рода попал в Тобольск в качестве ссыльного уже в конце XVIII века. Причем в виде наказания к нему была применена довольно оригинальная мера, а именно – лишение фамилии. Потому он должен был писаться не

иначе как «Непушкин». В исповедальных журналах приходских церквей Тобольска, где Михаил Алексеевич бывал на службе, он значится как «бывший Пушкин». К такой мере прибегла императрица Екатерина II, чтоб он «родовую свою фамилию не позорил». Так же поступили с его родным братом Сергеем.

В чем их вина мы расскажем чуть позже, а первоначально немного сведений из биографии братьев Пушкиных.

Михаил Алексеевич Пушкин в 1762г. был сержантом Преображенского полка. Там же числился и его брат Сергей Алексеевич. Во время дворцового переворота поддержал Екатерину, о чем упоминается в записках у княгини Дашковой. Она пишет на этот счет, что в день переворота 27 июня ей и будущей императрице нужно было переодеться в военную форму: «Императрица позаимствовала мундир у капитана Талызина, я взяла для себя у поручика Пушкина – оба эти офицера-гвардейца были приблизительно нашего роста». Она так же посвящает Пушкину несколько строк: «Он был очень умен. Его утонченная остроумная беседа пользовалась большим успехом у молодых людей». Между Пушкиным и князем Дашковым вскоре установились дружеские отношения, благодаря чему Михаил Пушкин часто бывал в их доме. Дашкова неоднократно ссужала его деньгами, помогая выпутаться ему и брату из денежных затруднений и неоднократно заступалась за него перед императрицей. Но Пушкин по ее словам попытался поссорить княгиню с императрицей и дружбы между ними прекратилась. В дальнейшем княгиня называет его «бездельником», «коварным негодяем».

После переворота, через Григория Орлова, Михаил Пушкин получает должность в Мануфактур-Коллегии, а так же становится опекуном Московского Воспитательного Дома. Подробности об этом периоде жизни нам не известны, но ряд авторов приводит один интересный эпизод из жизни братьев Пушкиных.

По заданию графа Шувалова, Сергей Пушкин был направлен к Вальтеру с тем, чтоб передать ему две тысячи золотых червонцев и коллекцию русских медалей. Но он их не довез и каким-то образом оказался в Париже, в долговой тюрьме, откуда его выкупил старший брат Михаил.

Но на этом похождения Пушкиных не заканчиваются. Сергей поехал за границу, чтоб там изготовить клеше для печати фальшивых бумажных ассигнаций. На границе при таможенном досмотре чиновник поинтересовался, что за предмет он везет, тогда Пушкин дал ему взятку в двадцать пять рублей. Чиновник взятку принял, но форму оставил себе и отнес домой. Там он приложил ее к лежащему на кухне тесту и увидел отпечаток, о чем сообщил по инстанции. Об этом повествует Павел Радищев, который, будучи с отцом в Тобольске, слышал этот рассказ от самого сосланного туда Пушкина.

А вина Михаила Алексеевича Пушкина состояла в том, что, будучи служащим Мануфактур-коллегии, он вместе с братом Сергеем решил подделать бумажные ассигнации, которые тогда впервые готовили к выпуску в России. За границей братья заказали штемпель для печатания поддельных денег у мастера-ювелира. Но или тот не сохранил необходимую в таких случаях тайну или уже тогда наши таможенники были людьми опытными в выявлении разного рода вещей запрещенных к ввозу, но на границе братьев задержали. Отпираться было бессмысленно и Пушкины, решив, что вина их невелика, во всем признались.

Действительно, факта подделки денег как такового не было. Но власти посчитали иначе. Суд признал Пушкиных виновными и указом Сената от 25 октября 1772г. братьев приговорили к смертной казни. Императрица проявила известную долю милосердия и в результате братья были «всего лишь» лишены дворянства, выведены на эшафот и над их головами были преломлены шпаги. Затем несостоявшиеся фальшивомонетчики были отправлены по этапу в вечную ссылку. Сергея заточили в один из северных монастырей, а Михаила направили на поселение в Тобольск. С этого

времени он должен был именоваться «Непушкиным» или «бывшим Пушкиным». Так, по крайней мере, он значится в исповедальных книгах тобольских церквей.

Его жена Наталья Абрамовна (урожденная княжна Волконская) пожелала ехать за мужем в Сибирь и обратилась за разрешением на поездку к императрице. Та, в письме от 11 октября 1772г. к князю Михаилу Никитичу Волконскому, писала: «Если жена бывшего Михаила Пушкина станет просить дозволения ехать с ним в ссылку, то в оном не вижу препятствия, но многие есть примеры, что женам таких несчастных не дозволено было с ними ехать». При этом Пушкиной пришлось оставить в Москве младенца сына на руках у своей приятельницы Прасковьи Владимировны Мелессино, урожденной княгини Долгоруковой, которая и воспитывала его до возвращения матери из Тобольска. Так что Наталья Абрамовна задолго до известных жен декабристов последовала в Сибирь за своим мужем.

В ссылке Пушкины не теряли надежды, что, благодаря родственным связям, им скоро дозволено будет вернуться из Сибири, но мечты их не сбылись. Надо полагать, что «бывшие Пушкины» надеялись на поддержку родного брата Натальи Абрамовны, генерал-майора князя Сергея Абрамовича Волконского, который был известным героем шедшей тогда войны с Турцией. Но С. А. Волконский геройски погиб 6 января 1788г. при взятии Очакова. По этому поводу в «Московских ведомостях» появилось стихотворение некоего Николаева «На смерть Волконского», которое перепечатали и поместили в январском номере выходившего в то время в Тобольске журнала «Иртыш превращающийся в Иппокрену». Несколько строк стихотворения несут в себе скрытый намек на то, в каком положении оказалась сестра героя:

«Там вопль родных твоих... Там страждуща сердца,
Чье сердце бедствуя, твоей заслугой льстилось!
Лишась тебя, сама близ смертного одра».

В следующем номере «Иртыша...» напечатали стихотворение без подписи автора под названием: «Служащее ответом стихотворению Николаева». Оно заканчивалось следующими строками:

«Раскаянье одно преступнику лишь сродно:
Стенать есть часть его; а долг его молчать».

Это стихотворение, скорее всего, принадлежит перу самого Михаила Пушкина (Непушкина). В Тобольске Пушкины жили в верхней части города, судя по тому, что ходили они на службу в церковь Рождества Богородицы (Ильинскую). В материальном положении они не бедствовали, о чем говорит список дворни числом в 21 человек, которые проживали вместе с ними в Тобольске. За время ссылки, в которой им пришлось провести более двадцати лет, у Пушкиных родились две дочери и сын: Варвара (р. 1778), Екатерина (р. 1787), Сергей (р. 1788). Следует подчеркнуть, что детям ссыльных «фальшивомонетчиков» ношение фамилии «Пушкин» было дозволено. Не было им в дальнейшей жизни никаких стеснений.

В метрической книге тобольской церкви Рождества Богородицы от 5 февраля 1793г. имеется следующая запись: «Нешастный Михаил Алексеев Непушкин умер 56 лет с покаянием». Его похоронили на городском Завальном кладбище, до настоящего времени могила неудавшегося фальшивомонетчика не сохранилась.

Казалось бы, на этом и можно закончить рассказ о довольно ярких представителях рода Пушкиных, чья судьба была связана с Тобольском. Но позволим себе привести некоторые малоизвестные факты из жизни и творчества еще одного члена этого рода, чье имя, собственно говоря, и обессмертило род этот в мировой истории.

Сибирь и Александр Пушкин

Александр Сергеевич Пушкин досконально изучил свою родословную, а потому, думается, о Сибири и Тобольске знал не понаслышке. О том, что поэт живо интересовался историей Сибири, говорит тот факт, что, находясь зимой 1825г. в Михайловском, он работал над трагедией «Борис Годунов», где в черновой ее редакции между первой и второй сценами трагедии записан «Воображаемый разговор» поэта с императором Александром I. Этот воображаемый разговор заканчивается следующими словами: «Но тут бы Александр Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего (хоть отчасти справедливого), я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму Ермак или Кочум.... размером с рифмами». Стоит поразмышлять над этими словами, которые поэт доверил бумаге, имея при том какие-то свои цели и побуждения, можно добавить, литературные замыслы.

Вероятно, поэт поделился с кем-то своими замыслами, поскольку в январе 1826г. Баратынский в письме к Пушкину сообщает: « Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму – «Ермака». Предмет истинно-поэтический, достойный тебя. Говорят, что когда это известие дошло до Парнасса, и Камознс вытаращил глаза. Благослови тебя Бог».

То, что интерес Пушкина к Сибири и ее истории далеко не случаен, подтверждают следующие факты. В «Родословной моего героя» (1833) имеются следующие строки: «Кто б ни был ваш родоначальник, Мстислав, князь Курбский, иль Ермак...» Появление имени Ермака объясняется тем, что Пушкин еще ранее собирался начать работу над поэмами «Мстислав» и «Курбский» и, следует предположить, что наряду с другими историческими личностями сибирский атаман интересовал поэта ничуть не меньше.

Следует отметить, что после работы Пушкина над «Историей Пугачева» и «Историей Петра» его творчество все больше принимало ярко выраженную «историческую окраску». И сам он проявил себя как исследователь, для которого изучение российской истории было не только важным подготовительным этапом для дальнейшей литературной работы, но история интересовала его как гражданина, которому полученные знания позволяли бы осознать самого себя как личность.

О том, что сбором материала о судьбе казачьего атамана поэт занимался уже в последние годы своей жизни, говорит письмо к Пушкину его знакомого В. Д. Соломирского от 17 июля 1835г., служившего в то время в Сибири. В нем он пишет: «Ты просил меня писать тебе о Ермаке. Предмет, конечно, любопытный; но, помышляя о поездке для розысков следов сего воителя, я досель сию дома». В том же письме автор сообщает о своем знакомстве с сибирским историком П. А. Словцовым, перу которого принадлежит «Историческое обозрение Сибири».

Приведем так же слова академика С. Л. Тихвинского, по сведениям которого: «Пушкин в январе 1830 года подал царю прошение отпустить его в Китай в составе отправлявшейся туда очередной Миссии, но получил отказ». Возможно, в преддверии этого события и написаны (1830г.) следующие строки:

«Поедем, я готов:
Куда бы вы, друзья, куда б не вздумали,
Готов за вами я повсюду следовать (...)
К подножью ль стен недвижимого Китая.»

Выходит, что Пушкина интересовала не только Сибирь, но и далекий Китай, куда он изъявил желание отправиться в качестве миссионера. В таком случае он обязательно побывал бы в Тобольске, навестил бы ссыльных друзей лицеистов.

Если ко всему сказанному добавить то, что легендарный предок Пушкина – Абрам Ганнибал был направлен А. Д. Меншиковым после смерти Петра I на службу в Тобольск, а затем в Селенгинск, о чем Пушкин не мог не знать, то не остается

сомнений, что Сибирь и непосредственно Тобольск входили в круг интересов поэта. И, надо думать, что лишь превратности судьбы помешали ему обогатить русскую литературу произведением сибирской тематики. Но утешим читателя оптимистическим заявлением, что сюжеты сибирские неисчерпаемы и остается лишь ждать, когда найдется автор, чей талант будет достоин этой темы.

7. О БЕДНОМ КОРНЕТЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

Имя Панкратия Платоновича Сумарокова незаслуженно забыто, а меж тем его можно назвать первым профессиональным сибирским литератором, показавшим миру, что и в Сибири есть почва для творчества и труды местных авторов будут востребованы. Кроме того заслуга Сумарокова еще и в том, что он как редактор сумел сплотить вокруг издания журнала-альманаха «Иртыш превращающийся в Иппокрену» довольно значительный круг тобольских литераторов, поверивших в собственные силы. Несмотря на то, что их содружество продолжалось недолго, но получило довольно значительный общественный резонанс, заявив о своем существовании на всю Россию.

Род Сумароковых ведет свое начало от выехавшего из Швеции некоего Левиса. В Родословной книги по этому поводу сообщается: «Потомки его, Сумароковы, многие российскому престолу служили службы дворянские и жалованы в 1568 году и других годах поместьями, знатными чинами и другими знаками монарших милостей. Иван Михайлович Сумароков находился воеводою в походах Казанском 1544 года, Шведском 1549 года и Полоцком 1551 года. Иван Богданович Сумароков, по прозвищу Орел, спас жизнь царя Алексея Михайловича на охоте от напавшего на него медведя».

Важен и такой факт, что Панкратий Платонович приходился близким родственником известному драматургу екатерининской поры А. П. Суморокову.

Родился наш герой 14 октября 1765г. во Владимире, где в родовом поместье и прошло его детство. Там он научился чтению, письму и навыкам арифметики, а для продолжения образования переезжает в Москву. В восемнадцать лет едет в С.-Петербург, где поступает на службу в лейб-гвардии конный полк, а через год уже его производят в корнеты.

Общеизвестно, гвардейцы той поры вели жизнь бурную и в юности своей часто совершали необдуманные поступки, в которых им затем приходилось раскаиваться всю оставшуюся жизнь. Так случилось и с молодым корнетом. Панкратий Сумароков на свою беду оказался неплохим художником и его друзья, узнав об этом, решили проверить его способности, попросив нарисовать на чистом листе сто рублевую ассигнацию. Может быть, на этом бы все и закончилось, но подделка попала в руки к вахмистрам Ромбергу и Куницкому, которые отнесли ее в лавку и приобрели за счет фальшивой купюры какой-то товар. Хозяин лавки вскоре обнаружил подделку, (сам Сумароков говорил потом, что он нарисовал ассигнацию лишь с одной стороны), и тут же обратился в полицию. Началось следствие, о случившемся стало известно императрице. В 1787г. состоялся суд и П. Суморокова направили в ссылку в Тобольск, лишив чинов и дворянства с причислением к мещанскому сословию.

А исполнилось ему на тот момент всего-то двадцать два года, а он уже успел проявить себя как литератор – его сатирические стихи были напечатаны в столичном журнале «Лекарство от скуки и заботы».

Но и на месте ссылки он не терял присутствия духа и встретил в Тобольске верного спутника жизни и обвенчался с ней в январе 1789г. в Петропавловской городской церкви. В метрической книге невеста записана как девица «немецкой нации» Софья Казаб, в православном крещении получившая отчество Андреевны. Выбор Сумарокова оказался далеко не случаен. Как пишет его сын Петр Сумароков: «Мать моя была немка, приехавшая в Тобольск с семейством одного сосланного туда господина в качестве гувернантки. Она была женщина очень хорошо образованная и кроме

природного немецкого языка хорошо знала французский и русский». Хотя есть мнение ряда исследователей, что «Сумароков женился на ней из чувства сострадания». Как бы то ни было, но жили они довольно счастливо, имели двух сыновей: Василия, который затем стал офицером, и Петра, родившегося в 1800 году в Тобольске, так же, как и его брат, военного, женившегося на Софье Андреевне Оболенской, дочери помещика Каширского уезда Тульской губернии. Кроме того Софья Андреевна стала единомышленником и главным помощником мужу в его литературных трудах, помогала в переводе материалов с иностранных языков, занималась правкой рукописей.

Трудно ответить, смог бы он реализовать себя как литератор, остался бы он служить в армии. Судя по всему, особыми средствами для безбедного существования в сибирской ссылке он не обладал, а потому решил всерьез заняться литературной деятельностью и практически все свое время, проведенное в Тобольске, он посвятил литературному творчеству. Первая проба пера на сибирской земле оказалась удачной: им был переведен французский роман под названием «Училище любви». Это произведение оказалось востребованным российскими читателями, и было полностью раскуплено сразу после его появления в продаже.

Окрыленный успехом молодой человек обзаводится единомышленниками, среди которых оказался и местный прокурор И. И. Бахтин, а так же несколько учителей местного Главного народного училища. Общими силами они решаются на издание уже упомянутого выше литературного альманаха и 6 сентября 1789г. выходит его первый номер. Всего же за два года вышло 24 номера при тираже каждого издания в 300 экземпляров.

Редактором в нем значится П. П. Сумароков. В то же время он один из самых активных авторов «Иртыша». Перечислим некоторые из произведений, написанных им лично. Это сказки: «Искусный лекарь», «Способ воскрешения мертвых», а так же стихи: «Ода на гордость», «Восточная повесть», «Приказывал жене...», «Кедр»; поэма – «Лишенный зрения Купидон» (она считается одним из лучших произведения Сумарокова); притчи – «Отстреленная нога», «Караибская любовь», «Соловей, Попугай, Кошка и Медведь»; научные статьи – «Каким образом познаем мы расстояния, величины, виды и положения предметов» (составлена по Исааку Ньютону) и «Краткое изложение новейших астрономических открытий». Отметим, перечисленные здесь произведения лишь маленькая толика из всего, что П. П. Сумароков написал в Тобольске.

Но через два года возглавляемый бывшим корнетом альманах прекратил свое существование и творческий коллектив, собранный им вокруг издания распался. Несмотря на крушение своих творческих планов Сумароков нашел лично для себя выход из создавшейся непростой ситуации и начал с 1793г. самостоятельно издавать энциклопедию под названием «Библиотека ученая, экономическая, историческая и нравоучительная». Согласитесь достаточно сложная задача для одного человека наладить в сибирской глубинке выпуск издания подобного рода практически без помощников и в отрыве от культурной среды, а тем более найти для него еще и читателя, поскольку распространять «Библиотеку» приходилось самому автору. Однако П. П. Сумароков справился и с этим, выпустив в течение двух лет двенадцать книг своей «Библиотеки».

По прошествии времени следует сказать, что сибирский читатель оказался не готов к чтению издания подобного рода, поскольку исследователи насчитали всего лишь сто одиннадцать человек подписчиков. Неудовольствию автору не оставалось ничего другого как направлять свои литературные труды в столичные журналы. Хотя возможно причина прекращения издательской деятельности П. Сумарокова на базе местной типографии купцов Корнильевых кроется в том, что своим указом императрица Екатерина II запретила работу «вольных типографий». Кроме того в 1795 г. умер непосредственный владелец печатного станка Василий Яковлевич Корнильев. Так что

судьба отнюдь не благоволила к бывшему корнету, создавая раз за разом новые трудности на его отнюдь не гладком пути.

В Москве стихи П. Суморокова печатают в журналах «Приятное и полезное препровождение времени», «Чтения для сердца, разума и чувствования», издаваемых В. Я. Подшиваловым, а так же в альманахе Н. М. Карамзина «Аониды». Кроме того Панкратий Платонович собирает материалы на собственный сборник, который выходит в Москве в 1800г. под названием «Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов». Как видим, даже находясь в ссылке в Тобольске имя Суморокова становится известно российскому читателю.

После смерти императрицы он мог надеяться на изменение своей участи и подает прошение о переводе его из мещанского сословия в купеческое, что по тем временам считалось шагом вверх по социальной лестнице, но Павел I отказывает ему в этом. Он пишет следующее прошение уже на имя Александра I. Из Петербурга следует запрос о его поведении в ссылке и тобольский губернатор Кошелев дает ему положительную характеристику. Лишь по указу Его Императорского Величества на имя тобольского ссыльного от 26 марта 1802г. повелевалось: *«Возвратить дворянское достоинство бывшему корнету гвардии Панкратию Сумарокову, сосланному в Сибирь с лишением чинов и дворянства за вину, в которую он был вовлечен без умысла, по молодости лет и дурным примером».*

Вернувшись в Москву, П. П. Сумороков продолжает заниматься литературной и издательской деятельностью. Он становится соиздателем журнала, носящего довольно непривычное для современного читателя название «Приятного, любопытного и полезного чтения». Выходит три части этого издания, но из-за разногласий с другим издателем Княженым Панкратий Платонович прекращает сотрудничество с ним и пытается наладить выпуск другого журнала, основанного Н. М. Карамзиным, «Вестник Европы». Но и это его предприятие заканчивается неудачей.

Вполне освоившись в литературно-издательских кругах, П. Сумароков берется за различные издания, которые вряд ли могли принести ему известность как литератору. Среди них: «Истинный способ быть здоровым, долговечным и богатым», «Источник здоровья, или словарь всех употребляемых снедей, приправ и напитков из трех царств природы». Наконец в 1807г. ему удается выпустить еще один собственный поэтический сборник «Сочинение и переводы П. Суморокова».

Умер поэт 1 марта 1814 г. и похоронен в Тульской губернии в собственном имении, где и прожил последние годы. Нельзя сказать, что имя его вошло в число первых известных российских поэтов и прозаиков. Возможно, для этого не пришло еще время, но скорее всего необдуманный поступок юности перечеркнул всю его дальнейшую судьбу.

Однако Сибирь, а особенно Тобольск должны быть ему благодарны за то, что он сумел расплавить лед всеобщего поэтического молчания, заставил говорить о Тобольске не только как о месте ссылки, но сделал его литературным центром, подав тем самым пример для последующих поколений. И пусть он ошибся, и Иртыш не превратился в источник всеобщего вдохновения для многих проживающих на его берегах, но образовавшийся небольшой ручеек продолжает пополняться все это время новыми поколениями сибирских авторов. Кроме того, образ жизни П. П. Суморокова в ссылке, его негибкость и талант могут стать примером для всех, кто избрал трудную дорогу творчества.

Стихи П. П. Суморокова

БЫЛЬ

Приказывал жене, собираясь некто в путь:

«Пожалуй, душенька, верна ты мне пребудь;

А если изменишь: приехав из дороги...
Увидишь ты на лбу моем бычачьи роги».
— Жена клялась ему всю верность соблюсти,
Промолвя так: «Быков смертельно я боюсь,
И так перед тобой ей-ей не провинюсь!»
Муж был доволен тем. Сказавши ей «прости»,
В дорогу ту пустился.
Но как окончил путь и в дом свой возвратился,
С повозки лишь сошел,
Супругу верную нашел
Стоящу на крыльце,— она его встречала.
Супруг ее облобызал.
Она ж, не видя рог, забывшись, вскричала:
«Так забодать меня ты в шутках знать страдал».

БАСНЯ

ДРОВОСЕК И СМЕРТЬ

Согбенный старостию, трудами изнуренный,
Какой—го дровосек под ношей дров стенал;
Но вдруг последних сил усталостью лишенный,
Он сбросил с плеч, кончину призывал.
«Зачем меня ты звал?» — пришедши смерть спросила.—
«Затем, чтоб ты дрова мне на спину взвалила».

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Бывший лейб-гвардии конного полку, корнет Панкратий Сумароков, коему по именному Высочайшему Его Величества Императорского Указу состоявшемуся в 1-й день июля сего года, дозволено жить где пожелает, во все время нахождения его в Тобольске вел себя добропорядочно. Жалоб и никаких частных на него неудовольствий ни от кого не было. Что сим и свидетельствуется, с приложением обыкновенной герба моего печати.

1801 г.

Его Императорского Величества Всемиловейшего Государя Действительный Статский Советник, Тобольский Гражданский Губернатор, державнаго ордена Св. Иоанна Иерусалимского Камандор и Св. Анны 2-го класса Кавалер
Дмитрий Кошелев

ПИСЬМО П. П. Сумарокова к императору Александру I

28 сентября 1801 г.

Всемиловейший Государь!

В прошлом 1787 году будучи в Конной Гвардии Корнетом, за нарисование ассигнации лишен был по суду чинов и дворянского достоинства и послан в Сибирь, где страдал четырнадцать лет и страдал бы вечно, если бы Всеподданнейшим Указом Вашего Императорского Величества от Первого июля сего года не был освобожден, с Всемиловейшим позволением жить где пожелаю.

Великий Государь! Неслыханные щедроты, изливаемые благотельною десницею Вашею на щастливых Ваших Подданных, отваживают меня паки вознести слабый глас мой к высоте престола ВАШЕГО.

Не от злодейского умысла; но единственно от неопытной молодости произошло мое преступление; оно велико, но милосердие Ваше беспредельно; во все же время изгнания моего вел я себя беспорочно, в чем осмелюсь представить свидетельства.

Удостойте, человеколюбивейший Монарх, воззреть милосердным оком на бедственное положение моего семейства! Отец мой без ума, меньший брат на 22 году умер; несчастная же мать моя не имеет кроме меня никакой подпоры; но я теперь чужд в доме родительском и не могу усладить горестей ея будучи лишен всех прав вступаться в распоряжение расстроенных ея дел, которыми она, по слабости своего здоровья, сама управлять не в состоянии.

Боготворимый Государь! Обратив Высочайшее Ваше внимание на бедственное мое положение, благоволили Вы даровать мне свободу и обновили жизнь мою. Я чувствую всю великую милость на меня излянной; но благоволите довершить мое благополучие возвращением прав моих! Не имея никакого состояния, не имея даже имени, вижу я себя в страшной пустыне посреди столицы; вижу себя в ужасном уединении посреди множества людей, восхищающихся присутствием обожаемого Государя. Соделайте, несравненный Монарх! Да и в полном сердце наслажусь сим беспримерным щастием! В теперешних же обстоятельствах моих не знаю я что мне начать, не знаю какими средствами продолжить несчастное бытие мое. Самые даже родственники мои меня чуждаются. Сжальтесь над злополучнейшим из смертных! Благоволите оправдать надежду несчастнейшей из матерей! Осушите горькие слезы беззащитного одиночества, беспрестанно ею проливаемые! Возвратите ей во мне единственного ея сына, да спокою в старость ея и бедного отца моего, который если переживет ее, то останется без всякого призора

Вашего Императорского Величества, Верноподданейший Панкратий **Сумароков**.

АТТЕСТАТ

Дан сей бывшему конной гвардии корнету Панкратию Сумарокову в том, что находился он у меня в доме, обучал детей и племянников моих одиннадцать человек французскому, немецкому языкам, архитектуре, математике, рисованию и музыке с 25 июля 1794 года по 25 июля сего года. Всего семь лет; в которое время обучающиеся дети, трудами и попечением ево старшие кончили курс, а младшие остались в успехах по их летам.

В семилетнюю его Сумарокова бытность старался он отличать себя всегда добрым поведением и благонравием, и был таков, как долг честного человека и учителя требовал; в чем свидетельствую.

Августа 11 дня 1801 г.

Верхотурский Первой гильдии купец Алексей Зеленцов

Сей Аттестат Тобольской Палаты Суда и расправы во 2-м департаменте явлен и в книгу подлинником под № 148-м записан; и что оный дан от Верхотурского 1-й гильдии Купца Алексея Зеленцова бывшему конной гвардии Корнету Панкратию Сумарокову; и во окончании сего Аттестата действительно его Зеленцова рукою подписан; в том и засвидетельствован Августа 11 дня 1801 года.

Советник и Кавалер Резанов

Секретарь Василий Воронов

Канцелярист Демин.

8. ВАРЛААМ ПЕТРОВ: СТРОИТЬ И ПРОСВЕЩАТЬ

Время царствования императрицы Екатерины II стало во многом благодатным для России, в том числе и для многих отдаленных сибирских окраин: оживилась местная торговля, беспрепятственно перемещались за Уралом научные исследовательские экспедиции, возглавляемые в большинстве своем иностранцами, наконец-то вместо деревянных домов и храмов стали повсеместно возводиться каменные сооружения. Одно печально, прибавлялось число ссыльных, этапы которых уходили все дальше и

дальше на восток. И еще одно. Закрылась сибирская митрополия, а стала она с прибытием епископа Варлаама обычной епархией с сохранением архиерейской кафедры в старинном Тобольске. И пришлось новому владыке пробыть на этом посту без малого 33 года и здесь же обрести вечный покой в некрополе Софийского собора не столь давно им перестроенным.

Трудно ответить, как случилось, что рядовой, казалось бы, человек из скромной и незаметной семьи московского дьячка стал одним из выдающихся сибирских церковных деятелей, чей лик изображен на известной и почитаемой иконе «Святые на земле сибирской просиявшие». Он родился в 1729г. в Москве, а через год появился его младший брат Гавриил, ставший впоследствии всемогущим митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским, ближайшим сподвижником Екатерины II.

О родителях сведений практически не сохранилось, разве что имена: отца – Петр (откуда, собственно, и пошла фамилия), а матери – Ирина. И то, что «отличались они душевною добротой и благочестием», в котором и воспитали своих сыновей. Может это и есть главная основа в воспитании, благодаря чему затем и складывалась дальнейшая судьба отрока, сформировывался устойчивый побег, способный вынести все выпавшие на его долю испытания и многочисленные невзгоды, искушения и превратности судьбы. А, может, все дело в родительской молитве? Или же каждому из нас уготовлено свыше пройти своей дорогой, а кому-то и извилистой тропинкой, чтоб в конце пути, достигнув заветной цели, сказать: «Спасибо, Господи, за милость твою». Но неизменно одно: детство и юность определяют многое, если не всю дальнейшую жизнь человека.

...Именно в юности, когда приступил он к изучению «наук словесных», ждало его первое физическое, да и нравственное, конечно же, испытание: болезнь ног. В дореволюционных биографических материалах, посвященных Варлааму (Петрову), о болезни его говорится крайне скупое. Насколько можно судить, то были последствия детского полиомиелита, хотя более точно сказать что-то на этот счет затруднительно. Так или иначе, но юноше удалось недуг свой преодолеть, во всяком случае, в дальнейшем жизнеописании сибирского архипастыря о возвращении к нему прежнего заболевания не упоминается. А в пору ранней юности он вынужден был из-за обострения болезни оставить обучение. Надо полагать, все сводилось к тому, что юноша не мог покидать родительский кров и посещать занятия, иначе бы он непременно учебу закончил. Но из этого непростого положения он нашел выход и не стал иждивенцем у родителей, а начал учиться начаткам иконописи. По сохранившимся воспоминаниям, уже будучи сибирским владыкой, Варлаам не оставил занятия этого рода и кисти его принадлежало несколько икон на местную тематику, а еще по его инициативе был открыт в Тобольской духовной семинарии класс иконописи. Но об этом чуть позже.

Итак, оправившись окончательно после болезни, в чем вероятно, прежде всего, сыграл свою роль молодой организм, да и сила духа, желание жить полноценной жизнью помогли отроку Петрову в прямом смысле встать на ноги и он отправиться для продолжения образования в Санкт-Петербург в Александро-Невскую Лавру. Опять же нет точных сведений о годах его обучения, известно лишь, что в лавре он под руководством схимонаха Досифея стал «послушником, где много трудился, проявляя необычайную ревность к молитвенным подвигам и отличаясь послушанием к начальствующим и братии».

Может возникнуть мысль, что будущий владыка не получил положенного ему по сану образования, но оставшиеся после него печатные труды и заботы о расширении курса наук во вверенной ему семинарии говорят об обратном. То был высокообразованный пастырь, научные интересы которого выходили далеко за рамки круга его обязанностей. А то, что не сохранилось документов о его образовании, то в ту эпоху только лишь шло становление системы духовного образования и, скорее всего, образование свое отрок Варлаам получил непосредственно в школе при монастыре,

открытой в новой российской столице 25 октября 1721 года. Она была учреждена «во общую пользу при Александро-Невском монастыре для учения юных детей чтения и писания» и называлась «Славянской школой». В 1726г. на основе школы была создана Александро-Невская Славяно-греко-латинская семинария. Она давала будущим служителям церкви серьезное по тем временам общее и богословское образование. Наставники семинарии занимались также научной и издательской деятельностью. И хотя нет ссылок, что именно эту семинарию закончил Варлаам (Петров), но на основе его преобразований в Тобольской духовной семинарии, можно судить, что многое им взято в качестве образца с Александро-Невской семинарии, которую, скорее всего, он и закончил.

Но и в Петербурге новые испытания не обошли стороной отрока Варлаама. Его биографы сообщают, что «ему пришлось перенести немало от братии, которая поначалу презирала его». Более чем загадочная фраза, направляющая на размышления. За что могли в монашеской среде относиться с презрением к молодому послушнику? За гордость? Физические недостатки? Или что-то иное? Чаще всего в любом коллективе не принимают в свою среду новичка замкнутого, неразговорчивого, тихого и кроткого, который не умеет заступиться за себя, проявляет излишнюю робость. Конечно, мы вряд ли когда разгадаем до конца эту неясность в биографии Варлаама, но его личные качества, обозначившиеся в более зрелом возрасте: незлобивый нрав, помощь сирым и убогим, простота в обращении и прочее дают возможность остановиться на высказанном ранее предположении. И далее биографы пишут: «Свое утешение он находил в усиленном чтении Священного Писания, житий святых угодников Божиих и других духовных книг».

А затем все изменилось. По совету схимника Досифея, «который провидел в молодом послушнике избранника Божия», он принял постриг. После этого, став монахом, инок Варлаам ступил на иную жизненную ступень и «отношения насельников Лавры к нему изменилось». Не будем забывать, что молодому человеку оказывал покровительство наиболее уважаемый в той среде человек, схимник Досифей, что должно было сыграть определенную роль в его самоутверждении среди монастырской братии.

Примечателен и случай, произошедший с молодым иноком, когда он находился на службе «еще будучи иподьяконом при епископе Гаврииле». Именно тогда «Варлаам пережил событие, символически преобразовавшее всю его дальнейшую жизнь». Случилось это при освящении Иордани. Неожиданно лед на реке разошелся и укрепленный на снегу крест упал в воду и начал тонуть. Варлаам, не задумываясь, бросился за ним в воду. Вскоре после этого он был рукоположен в сан иеродиакона, а затем иеромонаха.

В 1764г. Псковский епископ Иннокентий (Нечаев) предложил ему место игумена Спасо-Елеазаровского монастыря, на что тот после недолгих раздумий и согласился. А исполнилось ему на тот момент тридцать пять лет. Возраст зрелости и свершений. Самое время для пробы сил и начальственного служения.

Тут следует сказать несколько слов об Иннокентии (Нечаеве), являвшегося, по словам историков церкви, одним из выдающихся архиереев в период царствование Екатерины II, по поручению которой он пересматривал положение о духовно-учебных заведениях и составил замечания на ее «Наказ». Как член Российской академии принимал деятельное участие в трудах академии по составлению ее словопроизводного «Словаря» и представил ей свои соображения относительно плана «Толкового словаря славяно-русского языка». В дальнейшем он стал профессором философии и префектом московской Славяно-греко-латинской академии, а так же архимандритом и наместником Троице-Сергиевой лавры. Несомненно, будучи человеком просвещенным и одним из образованнейших иерархов той эпохи епископ Иннокентий приближал к себе людей того же уровня или подающих надежды в достижении определенных

успехов на ниве церковного служения. Надо полагать, далеко не случайно на место игумена известного во всем православном мире монастыря он пригласил иеромонаха ни в чем пока что себя не проявившего. А про сам Спасо-Елеазаровский монастырь следует рассказать отдельно и более подробно.

Монастырь был основан в 1425 г. преподобным Евфросином, в миру Елизарием, одним из учеников преподобного Сергия Радонежского. По собственной инициативе преподобный Евфросин ходил пешком в Константинополь и там был принят самим Константинопольским Патриархом, который подарил ему список Цареградской иконы Божией Матери. Одним из видных подвижников Спасо-Елеазаровой обители был старец Филофей, ставший в дальнейшем повсеместно известным благодаря выдвинутой им идее «Москва – Третий Рим», которая сделалась на много веков ключевой для русского самодержавия и православия. Долгое время Спасо-Елеазаровский монастырь, населенный богословами-книжниками, был центром российской духовной жизни. Несомненно, что архимандрит Варлаам за четыре года руководства монастырем ознакомился со многими книжными памятниками, хранившимися в его стенах, и это опять же повлияло на его дальнейшую деятельность уже в качестве сибирского владыки.

Затем он был назначен настоятелем в Новоторжский Борисоглебский монастырь Тверской епархии, где пробыл недолго. Но хотелось бы вкратце сказать несколько слов и об этом замечательном монастыре, являющимся одним из первых древнерусских православных монастырей. Он был основан преподобным Ефремом около 1038 г., в период княжения великого князя Киевского Ярослава, почти в одно время с Киево-Печерской лаврой, принадлежит к числу древнейших обителей и считается третьим монастырем со времени их появления на Руси. Братия этого монастыря, по словам современников, отличалась строгостью и подвижничеством в своем житие, чем, собственно говоря, и славилась обитель по всей России. Трудно сказать намеренно Варлаам (Петров) был определен туда или волей случая, но несомненно, что даже краткое пребывание в нем сыграло свою роль в дальнейшем его становлении и выборе жизненных ориентиров.

5 октября 1768 г. он был хиротонисан во епископа Тобольского и Сибирского в придворной императорской церкви. Столь малые сроки нахождения его на должности настоятеля монастыря объясняются, прежде всего, тем, что огромная Сибирская епархия, после отстранения от должности в начале 1768 г. митрополита Павла (Конюсевича), осталась без духовного главы. Политика императрицы Екатерины II по замещению епископов-малороссов выходцами из северных и центральных российских областей прямым образом повлияла и на судьбу епископа Варлаама, у которого, не будем забывать, его младший брат Гавриил занимал довольно значительную должность в церковной иерархии и был причастен ко всем изменениям, происходящим в тот исторический период.

Так или иначе, но это было кардинальное изменение, благодаря которому, став епископом, Варлаам (Петров) вошел в круг высших должностных лиц, от чьей воли зависели судьбы тысяч людей. Положение вверенной ему епархии, где еще совсем недавно полыхали раскольничьи костры, никак нельзя назвать устойчивым и стабильным. Не хватало образованного духовенства. Количество ссыльных и переселенцев возрастало с каждым годом, не отличающихся особой приверженностью к вере. Частые пожары с завидным постоянством уничтожали церковные строения в большинстве своем деревянные, в то время как малые средства от церковных сборов не позволяли должным образом вести храмовое строительство. Одним словом, епископу Варлааму досталась не самая престижная епархия, в которой ему предстояло провести множество преобразований и вывести ее на общероссийский уровень благодаря кропотливому подходу и неспешному решению многочисленных проблем, возникающих на столь протяженной территории ежедневно, если не ежечасно. Но

именно такой человек: образованный, имеющий на все свое мнение, твердый в вере и в выполнении своего архипастырского долга нужен был на тот момент для Сибирской епархии.

Знал ли епископ Варлаам, что едет в Тобольск надолго? Что быть ему там погребенным рядом с одним из выдающихся людей начала XVIII века, – Иоанном Максимовичем, – почитаемого сибирским народом задолго до официальной его канонизации за святого? Народная молва приписывает владыке Варлааму дар пророчества, получается, предвидел он свою кончину на сибирской земле, но, как истинный подвижник православной веры не убоился, не отказался от епископской митры, а со смирением отправился в долгий путь, как принято говорить, в одну сторону и **8 марта 1769 г.** прибыл к месту слияния двух великих сибирских рек – Иртыша и Тобола.

Сам Тобольск, а вместе с ним и другие сибирские города и селения предстали перед сорокалетним епископом во всей своей красе и одновременно – убожестве: начато многое, а вот довести до конца у его предшественников сил как будто бы не хватило. И тому есть довольно простое объяснение. В те времена в Сибирскую епархию входили следующие губернии: Тобольская, Оренбургская, Пермская, Томская, Енисейская. Второй такой в России никогда и не было. И далеко не каждому архипастырю было по силам управление такой территорией.

На наш взгляд новый епископ видел перед собой две главных задачи как бы дополняющих одна другую: строить и просвещать. С одной стороны предстояло продолжить начатое почти столетие назад возведение каменных храмов, а с другой – реорганизовать подготовку подрастающего поколения церковнослужителей и тем самым добиться решения кадрового вопроса, без чего существование полноценной приходской жизни было невозможно.

Сибирское зодчество

Каменное строительство в Сибири, начавшееся в конце семнадцатого века, развивалось медленно и довольно неравномерно. Если в эпоху Петра намечился бурный всплеск в возведении культовых и гражданских сооружений, то потом наступил длительный перерыв и дальнейшее строительство возобновилось лишь при Елизавете Петровне. В Сибирской епархии заложили несколько новых храмов, но довести строительство до завершения по разным причинам не удавалось. Потому на долю владыки Варлаама выпала нелегкая участь продолжить этот процесс, сделать его стабильным и неугасимым.

Хотя в самом Тобольске уже были возведены несколько приходских церквей в каменном исполнении, но ряд из них ждали завершения и освящения. Так, например строительство Сретенской или Пятницкой церкви в каменном исполнении началось по благословию еще митрополита Сильвестра 5 августа 1754г. Теплый нижний храм был закончен и освящен епископом Варлаамом в 1770г., – уже через год после начала своего святительского служения. А еще через несколько лет (24 мая 1775г.) освятили и верхний придел. Нужно отметить, что судьба этого храма, как и у многих людей, довольно непростая и пришлось ему неоднократно пострадать от разных бедствий: в 1784г. во время самого большого наводнения за все время существования Тобольска, воды в нем было почти на аршин. А в 1788г. храм подвергся пожару, но вскоре был исправлен и освящен.

Символично и то, что 13 сентября 1768г. в Тобольске была заложена каменная Петро-Павловская церковь во имя первоверховных апостолов Петра и Павла, а 5 октября 1768г. был хиротонисан во епископа Тобольского и Сибирского архимандрит Варлаам, носящий в юности фамилию по имени одного из этих апостолов – Петров. Имел тот храм приделы Алексея митрополита Московского чудотворца, и

преподобного Нила Столбенского. И освещать его выпало именно Варлааму (Петрову) 10 августа 1774г.

Гордость Тобольска, первый каменный храм за Уралом – Софийско-Успенский кафедральный собор, построенный добротнo московскими мастерами более столетия назад требовал срочного ремонта. Сумма на реставрационные работы требовалась немалая, но средств на это в епархии не было. Тогда владыка Варлаам лично обратился за помощью к императрице и та, «уважая благочестие и полезное служение сего архипастыря», разрешила выделить 15 521 руб. 30 коп. на ремонт собора. Деньги поступали не сразу, а в течение трех лет, начиная с 1784г., по мере проведения ремонтных работ. За три года кафедральный собор был отреставрирован: «покрыт железом с окраскою малахитом, а маковица на большой главе и кресты вызолочены. На шее под маковицей изображены Христос с 12 Апостолами; иконостас поновлен, по тому же прежнему греческого стиля письму». 20 июня 1787г. он был освящен «со всею торжественностью, при многочисленном стечении всех сословий».

Но епископ Варлаам на этом не остановился, а решил построить новую кафедральную колокольню, которая и в наши дни служит главным ориентиром для всей городской застройки. До этого более столетия городу исправно служила соборная однорусная колокольня, построенная в 1683-1685 гг. Но она заметно ветшала и опасались ее скорого разрушения, (что случилось 2 августа 1794г.). Поэтому по настоянию владыки Варлаама, в 1784-1786 годах было начато строительство новой колокольни, выбрано место для нее и заложен фундамент.

Проект колокольни составил первый тобольский губернский архитектор поручик Александр Гучев, остававшийся на этом посту с 1782 по 1790 гг. Но непосредственное наблюдение за строительством из-за переезда Гучева к новому месту службы вел Петр Савин под наблюдением игумена Маргарита. Кладка стен началась в 1791г., после того, как фундамент ее шесть лет простоял доступный дождям и снегу, что, возможно, и сказалось, когда уже почти половина сооружения была выложена. О неудачном возведении соборной колокольни сообщалось следующее: «будучи выкладена 11 сажень, от несоответственности фундамента, 10 июля 1792 года упала».

Казалось, что мечте архипастыря о возведении небывалого для здешних мест величественного и монументального сооружения не суждено сбыться. Но владыка Варлаам, несмотря на случившуюся катастрофу, от замысла своего не отказался и решил любыми путями довести начатое дело до конца и обратился с воззванием ко всему православному населению епархии. Его призыв был поддержан и начался сбор средств. В короткий срок собрали нужную сумму и с большой осторожностью принялись за новое строительство уже на новом месте в 1794г. На этот раз все завершилось удачно и соборная колокольня, ставшая символом города высотой в 27 сажень была завершена через три года и освящена владыкой совместно с двумя приделами во имя святых Афанасия Афонского и Сергея Радонежского.

Но на этом строительство на архиерейском дворе не было закончено. Владыка планировал возвести в Тобольске еще ряд каменных служебных помещений на Софийском дворе. Вновь по его просьбе лично императрица выделила для этих целей довольно значительную сумму – 18 000 рублей. На эти деньги под непосредственным наблюдением преподобного Варлаама удалось построить монашеский корпус, консисторию и трехэтажный архиерейский дом. Впоследствии в верхнем этаже архиерейского дома была устроена так называемая «домовая» крестовая церковь во имя сошествия Св. Духа освященная в 1784г. Церковная утварь и все необходимое для богослужения было взято из деревянной церкви того же имени, находившейся в загородной архиерейской роще, но по ветхости разнообразной. Освящение ее 4 июля 1798г. произвел лично владыка, который к тому времени «за усердные архипастырские труды» был уже наделен саном архиепископа. (Это произошло 6 ноября 1792г.).

Достоин удивления то усердие, с каким преосвященный занимался строительством церквей и иных сооружений во вверенной ему епархии. За это время в Тобольске 28 сентября 1771г. была освящена Покровская (Крестовоздвиженская) церковь, а в 1780г. при ней построена колокольня; 13 октября 1790г. при храме был заложен еще один придел во имя Симеона столпника. В 1775г. начато строительство храма на кладбище во имя Семи отроков.

Дальновидность и прозорливость владыки проявилась и в открытии в селе Абалак нового мужского монастыря, переведенному туда по его представлению из Невьянска в 1783г. В дальнейшем монастырь стал одним из самых почитаемых мест в Сибири, благодаря хранящейся там чудотворной иконе Абалакской Божьей Матери. До этого близ Тобольска находился Междугорский Иоанновский монастырь, где по распоряжению преосвященного в 1774г. построили каменный одноэтажный корпус, а в 1780г. еще один. В 1790г. в том же монастыре строительство продолжили и возвели каменное двухэтажное здание, где разместили зимнюю церковь во имя Казанской Божией Матери.

В апреле 1788г. Тобольск постигло страшное несчастье – пожар, во время которого сгорело 1100 жилых строений и пострадали практически все городские храмы. Но, несмотря на значительные потери, жители города поддержали своего архипастыря и жертвовали личные средства на приведение в пристойный вид сибирских святынь, участвовали в работах по их восстановлению. За три года удалось большинство из пострадавших церквей подновить и возобновить церковную службу в них.

Способствовал преосвященный и завершению работ в храмах, возведенных задолго до него. Так, церковь Богоявления Господа, одна из древнейших в Тобольске и Сибири, строилась довольно долго, а потом неоднократно перестраивалась. Престол в ее верхнем храмовом помещении был освящен преосвященным Варлаамом в 1794г. Им же за собственные средства для Богоявленского храма подновлен после пожара местный образ Богоявления Господня, а так же пожертвована золотая панagia с мощами св. великомученицы Варвары.

Столь же активное строительство каменных храмов по благословлению преосвященного велось и в других городах Сибирской епархии и многих селах.

Так, в Тюмени при владыке Варлааме были построены следующие церкви: Успенская – заложена 1765г. и уже в 1769г. освящена; Знаменская – заложена 21 сентября 1768г.; зимняя св. Иоанна Златоуста освящена 1775г., а летняя Знаменская освящена 1801г. Крестовоздвиженская (Николаевская) заложена в 1777, Крестовоздвиженская в 1791 году. Спасская построена в 1769г. Михаила Архангела – заложена в 1781г., освящена 1791г., Иоанна Предтече построена в 1789г.; Вознесенская – заложена в 1789г.

На средства богатого предпринимателя Походяшина в Тюменском округе в селе Успенском 27 мая 1772г. была заложена каменная церковь Успения Божьей Матери с приделом Иоанна Златоуста. Она была освящена преосвященным Варлаамом во время его путешествия по епархии 1 сентября 1779г.

В Кургане в 1770г. начато строительство Троицкой церкви; в Ишиме 20 июля 1793г. освещена Богоявленская церковь; в Таре в 1773г. основана Знаменская и примерно в то же время Николаевская и Успенская; в 1784г. Тихвинская на городском кладбище; в 1791г. заложена Пятницкая. На севере епархии в Березове во второй половине XVIII в. построены следующие церкви: Богородице-Рождественская, Антония и Феодосии и Воскресенская. В Томске в Александровском монастыре начинает действовать Казанская церковь и приходские: Богоявленская и Духосошественная. В Барнауле – Петропавловская. В Енисейске: Троицкая, св. Захарии и Елисаветы, Успенская и Крестовоздвиженская.

Лишь вблизи Тобольска в сельских, в «иногородческих» приходах при владыке Варлааме было открыто 38 храмов! И столь же активно велось храмовое строительство

в самых отдаленных уголках епархии. Стоит ли говорить, что все подобные деяния требовали немалого вложения сил не только физических, но и духовных, умения убеждать людей в необходимости их деяний, затрат, жертв. Так что одну из возложенных на него задач, – строительство, – он исполнил, оставив по себе в Сибири рукотворную память в виде каменных храмов и иных сооружений.

Нелегко пришлось ему и при исполнении второй задачи на ниве просветительства, для чего все свое внимание он обратил на Тобольскую духовную семинарию, переживающую непростой процесс становления.

Сибирское просветительство

К моменту его прибытия согласно ведомости в семинарских стенах обучалось 114 человек. А к концу его управления епархией их число было доведено до 500. Признав, что размещаться ученикам в старом помещении на Софийском дворе не только тесно, но и не хватает помещений для занятий, он приказал в 1770г. перевести семинаристов в каменный корпус Знаменского монастыря.

Прежде в отдельные годы в штате семинарии состояло всего два учителя и в лучшие времена число их доходило до пяти человек. Классы открывались или закрывались в зависимости от наличия преподавателей. Отсутствовал элементарный устав семинарии, который бы регламентировал сам процесс обучения. Не было установлено и точного числа лет обучения и отдельные рекорды, составляли 15 и 18 лет нахождения ученика в семинарских стенах. Поэтому по настоянию владыки были разработаны и приняты специальные правила обучения и поведения студентов, где за образец был взят устав Киевской духовной академии. Их можно считать первым семинарским уставом, позволяющим регламентировать и упорядочить внутреннюю систему учебной и воспитательной работы. В 1773г. был открыт выпускной богословский класс, без которого семинарское образование считалось неполным. Таким образом, лишь с 1773г. можно считать Тобольскую духовную семинарию учебным заведением, соответствовавшим статусу семинарии.

В 1798г. была учреждена новая административная структура – **семинарское правление**. В его ведении находились не только решение всех учебно-воспитательных вопросов, но и ведение официальной переписки с духовными и гражданскими властями. Тем самым семинария становилась официальной организацией практически независимой от епархиальной духовной консистории.

Кроме того, владыкой Варлаамом в программу семинарского обучения были введены новые предметы, расширяющие уровень знания воспитанников. Это были классы, где изучали математику, греческий и немецкий языки, историю и географию, красноречие, рисование и даже татарский язык. Планировалось ввести изучение языков азиатских народов, проживающих в Тобольской епархии: остяцкого, вогульского и тунгусского.

Со временем учительские должности по всем предметам заняли выпускники сибирской школы, отпала необходимость в привлечении ученых монахов из Киева, как это практиковалось почти тридцать лет.

Престиж семинарии год от года рос и ее выпускники, а то и недоучившиеся семинаристы, но уже имеющие определенную подготовку, приглашались в различные гражданские ведомства на службу. Из них готовили медиков, аптекарей, переводчиков. Так, в декабре 1779 г. иркутский губернатор Франц Николаевич Кличка обращается к епископу Варлааму с просьбой о присылке в Иркутск двух семинаристов. Свою просьбу он сопровождает следующим пояснением: *«Ея Императорского Величества высочайшее соизволение есть, в разрешении здешнева пограничнова места, и внутренних иноверцов, содержать всегда на жалованье в обучении китайскова и мунгальскова языков несколько молодых людей, которые бы обучаясь для определения впредь в должности переводческия готовыми состояли»*.

С открытием в Тобольске Главного народного училища возникла проблема нехватки учителей для первого в Сибири гражданского учебного заведения подобного типа. И опять взгляды местного начальства устремились в сторону семинарии. В июле 1791г. губернатор А. В. Алябьев лично обратился к владыке Варлааму «в устной форме», как значится в документе, и попросил направить двух семинаристов в качестве учителей в народное училище. Епископ через ректора Геннадия благосклонно разрешил двум ученикам из класса риторики: дьячку Введенской Тобольской церкви Александру Протопопову и Степану Иконникову перейти на службу в народное училище.

В 1791г. специальным распоряжением Синода требовалось выявить семинаристов, которые желают перейти на гражданскую службу. В Тобольской духовной семинарии из двухсот с лишним учеников желающих нашлось всего лишь девять человек, и им было разрешено беспрепятственно покинуть семинарские стены и, соответственно, духовное сословие. Но владыка очень ревностно относился к питомцам семинарии и на одном из прошений о переходе на гражданскую службу написал следующее: ***«В семинарии нашей обучаются не для гражданского звания, но для пользы св. церкви, да и я писал и просил Всемилостивейшую государыню о прибавке на семинарию суммы, чтобы удовлетворить церкви учеными священниками. А из наших семинарии своевольцы и развратники, пренебрегая духовное звание, притворяют себя в духовном чину быть неспособными и просят в светскую команду, куда их никто не требует, или увольнения в С.-Петербург».***

Старался владыка бороться и с частыми побегам учеников из стен духовной семинарии. Причина побегов, заключалась, прежде всего, в нелегких условиях быта и процесса обучения семинаристов. Все это выливалось в отказ, особенно иногородних семинаристов, доучиваться весь положенный срок и следовавшие в связи с этим побег к себе на родину. Тобольская семинария в XVIII веке оставалась долгое время единственным духовным учебным заведением, как в Восточной, так и Западной Сибири. Поступали в нее семинаристы, приезжающие со всего Урала, Вятки, вплоть до Поволжья. Так что для того, чтоб попасть домой, им приходилось зачастую преодолевать не одну сотню верст, но этот факт редко кого из них останавливал.

Другой причиной, побуждавшей семинаристов к побегу, можно назвать общий негативный настрой их родителей к долгому процессу семинарского образования. Большинство их отцов принадлежало к тому поколению, которых миновала эпоха «просвещения» и они, обучившись основам счета и чтения, занимали священнослужительские должности в своих приходах без многолетнего обучения в семинарии.

Особенно обострялась ситуация, когда отец, находясь в преклонном возрасте, уже не мог служить дальше и ждал сына, чтоб передать ему с рук на руки свой приход. Не надо забывать, что вплоть до конца XIX века должность священника считалась наследственной, а само духовное сословие являлось закрытым, во всяком случае, ограниченным для доступа туда лиц иного происхождения. Поэтому по давней традиции приход, как место служения, передавался от отца к сыну на наследственных основах и, по мнению старшего поколения сибирского духовенства, начавшего свое служение еще в первые десятилетия XVIII века, учеба в семинарии мало влияла на возможность замещения их детьми освобождавшегося прихода. Поэтому отцы-священники без доли смущения отказывались отпускать своих малолетних детей на учебу, а если тем удавалось сбежать из семинарии и благополучно добраться до дома, то становились укрывателями беглецов.

Благодаря попустительству сердобольных родителей семинаристы под разными предложениями массово не возвращались к месту учебы после окончания каникулярных отпусков, и на их поиски направлялся специально содержавшийся для подобных целей консисторский пристав, препровождавший затем забывчивых учеников в Тобольск. Поэтому семинарское начальство выдавало им при отправке на каникулы специальные

«вакационные билеты», в которых указывался срок, когда им надлежит явиться в семинарию. Кроме того, учеников, показавших слабые успехи во время учебы, старались совсем не отпускать в каникулярное время домой, стремясь задержать их как можно дольше в Тобольске. Но подобные методы не приносили ощутимых результатов: семинаристы бежали (особенно в летнее время) десятками человек.

Так, об укрывательстве семинаристов в родительском доме свидетельствует рапорт Алапаевского духовного правления от 19 сентября 1797г. В нем сообщается, что священники Мурзинской слободы М. Словцов и Аятской слободы И. Машанов не выслали в семинарию своих детей *«по одному своему упрямству и презрению к начальству»*. После возвращения их через пристава в семинарию, были затребованы к ответу и отцы, которых консистория особым указом повелела *«выдержать их через трои сутки под стражею»*. В том же году в мае сын священника Байкаловской слободы Ирбитского заказа Прокопий Карпинский *«бежал неизвестно куда»*. В следующем рапорте сообщалось о побеге ученика А. Иконникова, который был вскоре найден в доме учителя семинарии священника Иосифа Гиганова. И это лишь небольшая часть из весьма пространного списка семинарских беженцев.

Иногда семинаристам удавалось пешком или на перекладных выбраться за пределы Тобольской губернии и объявиться за несколько сот верст от места учебы. Так, в деле *«О поимке сбежавших учеников Тобольской семинарии»*, сообщается, что староста села Ильинского Хлыновского уезда задержал трех тобольских семинаристов без паспортов. Ими оказались: Петр Павлов, Иван Буров, Никита Кудрявцев. Он отправил их в Вятскую провинциальную канцелярию, где они рассказали, что во время обучения в семинарии *«пищею и одеждою содержаны были весьма недостаточно от чего и имели крайнюю нужду и бедность»*, а поэтому бежали. С их слов, несмотря на прошения об определении на церковную службу, им было в том отказано. Тогда они *«намерены были явитца в Святейший Синод и просить о определении в церковный причт»*.

Судя по всему, побег семинаристов стали массовым явлением во многих российских епархиях. Об этом свидетельствует указ Св. Синода от 9 сентября 1797г. преосвященному Варлааму, в котором предписывалось: *«Ежели из семинаристов найдутся таковые, которые побегам, худыми поступками и развратным нравом себя опорочили, с теми поступать по 9 дух. регламента во второй части о делах пункту, в коем изображено, чтоб учеников, который из них крайне туп или хотя и остроумен да развращен и упрям и непобедимой лености отпускать от школ, отнял им всю надежду чина священнического неотменно»*. А через год из Петербурга на имя преосвященного был прислан указ от 31 октября 1798г., согласно которому предлагалось исключать семинаристов, если они *«в проступках или пороках своих по многократным увещаниям не исправятся»*. А тех, кто склонен к исправлению, оставлять под строгим наблюдением и *«все вины их записывать в специальной журнальной книге»*.

Подводя итог деятельности владыки Варлаама на архиерейском посту в качестве наставника духовной семинарии, мы можем уверенно констатировать, его вклад по своей значимости и важности не оценим до сих пор. Именно при нем Тобольская духовная семинария, – «Сибирские Афины», – как многие выпускники с любовью именовали ее, сумела преодолеть многие промахи и упущения, доставшиеся ей в наследство от первых десятилетий после начала формирования ее на базе архиерейской школы.

Среди них и решение кадрового вопроса, когда была устранена зависимость от формирования преподавательского состава извне. Бывшие семинаристы вполне смогли заменить киевских ученых монахов и наладить ведение курса обучения на должном уровне. Благодаря этому удалось ввести полный (семилетний) срок подготовки священнослужителей, что могло себе позволить далеко не каждое учебное заведение

России подобного уровня. Был принят семинарский устав и проведена регламентация всего учебного процесса, что, в свою очередь, позволило вести обучение строго с нормами и правилами европейского учебного стандарта. Немаловажен факт стабильного государственного финансирования семинарии, тогда как ранее епархиальный владыка должен был самостоятельно изыскивать средства на ее содержание.

Все это говорит о том, что духовное образование в крае в восемнадцатом столетии намного опередило в своем развитии образование гражданское, «светское» и огромная заслуга в этом именно владыки Варлаама, сумевшего в непростых условиях не только наладить деятельность духовного учебного центра, единственного на тот момент на территории Азиатской России, но и поднять его на общероссийский уровень.

Можно лишь удивляться, какова сила духа была у сибирского преосвященного, чтоб на протяжении трех десятилетий изо дня в день заниматься и просвещением подрастающего поколения и следить за строительством и не пропустить ни одного богослужения и оставаться человеком отзывчивым к бедам и нуждам братьев своих, заслужив тем самым их искреннее уважение и почитание.

На сибирской земле оставили добрую память о себе многие подвижники православия и каждый из них дорог нам, и является примером для подражания. Но мало кто из них сумел воплотить в жизнь столь многое, что, кажется совершить это всё не под силу одному человеку. Но он, архиепископ Варлаам, смог и вряд ли ставил труды свои как особую заслугу, ничем особо не выделяя себя из числа простых смертных. Может так и должен жить каждый – меньше думая о себе самом, не ожидая похвалы при жизни, трудясь во благо людей и того, кто есть истинный ценитель и покровитель дел добрых и разумных.

9. ПУТЕШЕСТВИЕ РАДИЩЕВА ИЗ ПЕТЕРБУРГА В СИБИРЬ

Этап первый: от пажа до бунтовщика

Посетивший Тобольск дважды более двух веков тому назад А. Н. Радищев по разным признакам остается одной из самых неразгаданных фигур среди многих российских именитых личностей. Критики до сих пор спорят над мотивами, побудившими его издать свое известное «Путешествие из Петербурга в Москву». При советской власти существовала целая плеяда исследователей наследия Радищева, снаряжались многочисленные экспедиции на поиски уцелевших экземпляров «Путешествия». Наконец, абсолютно неясны причины его скоропалительного самоубийства. Хотя, если покопаться в биографии любого человека, жившего несколько столетий назад, то подобных неясностей откроется великое множество. Но, согласитесь, биографии фигур знаковых для судеб нашего отечества не так уж много, а Радищев принадлежит именно к ним.

Первая половина его жизни до сибирской ссылки выглядит вполне благополучной и мало чем отличающейся от жизни современников, входивших в круг государственных служащих. Скорее всего, имя Радищева никогда не стало бы для нас столь памятным и даже нарицательным, если бы не это самое «Путешествие». И понимал ли сам автор, отправив рукопись в печать, что с этого момента судьба его круто изменится? Трудно сказать. Для этого нужно проследить весь его жизненный путь и понять, под влиянием чего и кого формировалась личность очередного нашего героя.

Его биографы до сих пор не пришли к единому мнению относительно места рождения первенца в семье Радищевых: была ли то Москва или же маленький Саша появился на свет 20 (31) августа 1749г. в родовом имении в селе Верхнее Аблязово Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Ныне это село Радищево Кузнецкого района Пензенской области. Будучи дворянином по факту своего рождения, он воспринял с детства быт и жизненный уклад своего круга. Его отец Николай Афанасьевич владел

несколькими тысячами крепостных крестьян. В дальнейшем у Радищевых родились еще шесть мальчиков и четыре девочки. Может быть, по этой причине Александра отдают на воспитание к родственнику матери М.Ф. Аргамакову, проживающему в Москве. Трудно сказать, сколько времени воспитанию малолетнего родственника тот посвящал, зато всерьез образованием Александра занялся нанятый для этих целей некий француз-гувернер, якобы бывший советник парламента в Руане, скрывавшийся от преследования французских властей в России. Так или иначе, но вместе с воспитанием Радищев приобретал и ростки западных веяний того времени, что в дальнейшем, несомненно, сказалось на формировании его личности.

13 сентября 1762г. в Москве происходит коронация Екатерины II, а 15 ноября издается указ о наборе в свиту императрицы пажей «исключительно детей дворянских достоинств» числом в 40 мальчиков. В число их принят и Александр Радищев. Из воспоминаний Радищева о пажеском служении: **«...беззаботный дух и разум неопытностью не претил в веселии распространяться чувствам, чуждым скорбного еще нервов содрагания»**. С началом екатерининской эпохи уходят в прошлое традиции елизаветинской поры, и новая императрица решает создать пажеский корпус, в который набирались дети дворян для исполнения различных обязанностей при царской особе. Там же велось их обучение по специально разработанной программе для возможности продолжения в дальнейшем государственной службы.

В качестве учителей использовали все тех же иностранцев, оказавшихся в России по различным причинам. Мало кто думал тогда, чем может обернуться их участие в воспитательном процессе подрастающего поколения. И одним из первых в это новое учебное заведение оказался зачислен Александр Радищев.

Таким образом, наш герой оказался внезапно приближен ко двору, где царила совсем иная атмосфера, а близость к трону не на всех молодых людей действует должным образом и довольно часто толкает их на очень и очень необдуманные поступки. Учеба в пажеском корпусе продолжалась четыре года.

В 1765г. двенадцать юношей, том числе шесть пажей, были направлены для продолжения образования в Европу. Планировалось в будущем сформировать из них штат судебных чиновников. В числе их был и А. Н. Радищев. Вот как он сам писал о своих перспективах: **«Императрица Екатерина, меж многими учреждениями на пользу государства, восхотела, чтоб между людьми, в делах судебных или судепроизводственных обращающимися, было некоторое число судей, имеющих понятие, каким образом отличившиеся законоположением своим народы оное сообразовали и деяниями граждан на суде»**.

Как видим, жизнь сама направляла нашего героя на путь знакомства с культурой Запада, во многом отличной и несоизмеримой с российской. И надо ли удивляться тому, что воспитанный иностранцами и получивший европейское образование Радищев не принял российский уклад, найдя в нем много безобразного и отвратительного.

Из воспоминаний Радищева о годах учебы за границей, описанных им в «Житие Федора Ушакова»: **«... при первом нашем свидании он почел нас богоотступниками...»** – пишет он о священнике, который был к ним приставлен. После возвращения на родину в 1771г. Радищева определили в Сенат – на должность протоколиста, с чином титулярного советника, а через два года он назначается на военную службу обер-аудитором (дивизионным прокурором) в Финляндскую дивизию. Следует отметить, что когда он занимал должность прокурора в войсках, вспыхнул пугачевский бунт (1773—1775 гг.) и в ряды повстанцев влилось немалое количество солдат, дезертировавших из армии. Нам не известно принимал ли участие А.Н. Радищев в вынесении смертных приговоров бунтовщикам. Имеются сведения, что он даже присутствовал при казни Емельяна Пугачева и его сподвижников, непонятно в каком качестве. Но именно после этого события он подает в отставку.

Кроме служебных занятий он ищет применения своим литературным талантам и в 1772г. знакомится с Н.И. Новиковым, издававшим журнал «Живописец». Там Радищев публикует перевод книги Мабли «Размышления о греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастья грехов» и ему был выплачен гонорар по 7 рублей за печатный лист. Видимо именно тогда у Радищева появилась мысль самому заняться книгоизданием.

Одно из его первых литературных произведений называлось так: «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске, по долгу звания своего». Что это за друг жительствовавший в Тобольске и существовал ли он на самом деле, установлено не было. В «Письме к другу...», посвященном открытию в С.-Петербурге знаменитого монумента Петру I, нет и отдаленных нападок на власть или каких-то призывов к свержению оной. Скорее, наоборот: *«Благословенно да будет явление твое, речет преемница престола его и дел и преклоняет глазу. Все следует ее примеру. И ее слезы радости оршают ланиты»*, – говорит он об императрице. Чем не восторженный гражданин и верноподданный, «оросивший ланиты» совместно с ликующим по случаю торжества народом?!

Вскоре он вновь поступает на службу, но на этот раз гражданскую при Коммерц-коллегии, а затем переходит в петербургскую таможню под начало влиятельного графа А. Р. Воронцова, родного брата княгини Екатерины Романовны Дашковой (1744-1810 гг.), близкой подруги императрицы. Кстати, Дашкова, тоже не чуралась литературного поприща и за свой счет издавала довольно популярный в столице журнал «Собеседник любителей русского слова». С Воронцовым у Радищева установились, если не приятельские, то, как явствует из их переписки, весьма доверительные отношения. Вплоть до смерти Воронцов заботился и опекал своего бывшего подчиненного, пытаясь даже в Сибири создать ему благоприятные условия для проживания. Трудно объяснить этот факт лишь узами дружбы двух столь непохожих людей, но в любом случае следует отметить огромное влияние сиятельного графа на будущего «сотрясателя» основ самодержавия. Тогда же он знакомится с членами масонских лож. Его друзья: Новиков, Челищев, Рубановский были масонами. Известно и о посещении самим Радищевым масонских собраний. Был ли он принят в масонство? В документах подобный факт не зафиксирован.

В 1775г. Радищев знакомится со статским советником Василием Кирилловичем Рубановским, состоящим в должности гоф-курьера при дворе. Он имел собственный дом в Петербурге по улице Грязной. Радищева представили его дочерям: Анне, Елизавете и Дарье. Он делает предложение старшей из них, – Анне Васильевне, – получает согласие отца и женится на ней. Через год у них рождается сын Василий, еще через год Николай, а чуть позже и дочь. Но в 1783 году, при родах, жена Радищева умирает. Хоронят ее при Александро-Невской лавре. Радищев остается вдовцом с четырьмя детьми на руках. Воспитывать детей ему помогает родная сестра умершей жены – Елизавета, закончившая в свое время Институт благородных девиц с большой золотой медалью. Именно она поедет вслед за мужем сестры в Сибирь и станет «гражданской женой», родив ему еще троих детей. Умрет она при возвращении из ссылки в Тобольске, где и будет похоронена.

По мнению многих исследователей именно после смерти жены, ища выход из духовного кризиса, А. Н. Радищев занялся литературной деятельностью, о чем говорят даты написания его первых работ. В январе 1783г. был обнародован указ «О вольных типографиях», согласно которому разрешено частным лицам заводить «типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий». На основе этого указа Радищев приобретает типографию (станок со шрифтом) у некоего Шнора, которую и разместил в собственном доме, а наборщиками привлек своих подчиненных из таможни. Считается, что именно в то время он задумал план будущего «Путешествия из Петербурга в Москву», рукопись которой в 1789г. подал в цензуру. Автору тогда

исполнилось ровно сорок лет, возраст вполне зрелый и по меркам восемнадцатого века даже солидный. Пора бы остепениться и подумать о душевном покое. Но с этого момента жизнь нашего героя круто переменялась и он, словно предвидя это, начертав в названии: «Путешествие...». Императрица добавила: «в Сибирь».

Самое интересное, что возглавляющий эту службу Н. И. Рылеев разрешил ее печать. Существует несколько точек зрения на этот счет. По одной считается, что Рылеев просто не исполнил свой служебный долг и не прочел это произведение. Но есть мнение, будто бы Радищев подал ему совершенно другой текст, оставив лишь название своей книги. Так или иначе, на столичных книжных прилавках в конце мая 1790г. появляется «Путешествие из Петербурга в Москву» с пометкой «С дозволения управы благочиния» напечатанное в количестве 650 экземпляров. Тем самым автор, что называется, подставил не только себя самого, но и цензора, выдавшего это разрешение. Пусть небольшой, но все же штришок, говорящий об отношении нашего героя к людям, поверившим ему. А из чего еще складывать портрет человека, жившего два века назад, именно из отдельных его поступков и высказываний.

30 июня 1790г. Радищев был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Делом его занимался следователь С.И. Шешковский, прозванный в народе «кнутобойцем». Екатерина отнеслась к книге Радищева с сильным раздражением, сама составила вопросные пункты и через князя А.А. Безбородко руководила следствием. Всего Радищеву было задано 29 вопросов. Приведем некоторые из них, а так же ответы самого подследственного.

Вопрос № 5. «С каким намерением писал он сию книгу?»

Ответ: Главное его намерение в сочинении сей книги состояло в том, чтоб прослыть писателем и заслужить в публике гораздо лучшую репутацию, нежели как об нем думали до того. Впрочем, теперь при объявлении оной и сам он видит, что она **наполнена гнусными, дерзкими и развратными выражениями**, о чем он от всего сердца сожалеет.

Вопрос № 10. «Почему вы осуждаете нынешний образ правления и описываете пороки оного?»

Ответ: «Я никогда не намерен был осуждать нынешнего образа правления, я почитал учреждения о губерниях мудрым законоположением и таковым, какова в других местах не находится, а на оных страницах о могущих быть иногда злоупотреблениях, о которых судить, признаюсь, не мое было дело, чего, однако ж, доказать не могу, а писал как по умствованию своему о слышанном им иногда в народной молве якобы происходящих по приказным делам злоупотреблениях.»

Вопрос № 11: «На стр. 124 вы старались доказать недостойное произведение в чины, то какую причину на сие имели? На кого вы целили именно?»

Ответ: «Я виноват, потому что не могу судить, кто по недостойнству был произведен, ибо сие до меня не принадлежало, а писал так дерзко, могу истинную сказать, по **сумасшествию на то время и сумасбродству своему.**»

Вопрос № 14: «Почему он осуждал помещичьих крестьян, зная, что лучшей судьбы российских крестьян у хорошева помещика никогда нет?»

Ответ: «Осуждение мое было только на одно описанное тут происшествие, впрочем, я и сам уверен, что у хорошева помещика крестьяне благоденствуют больше, нежели где-либо, а писал сие из своей головы.»

Более всего потрясает ответ Радищева о личности Екатерины II как правительнице империи: *«... что я могу сказать о такой самодержице, которой удивляется свет, ее премудрому человеколюбивому правлению, как одно только то, что я ее прогневал, как бы исступивший на то время из ума писал те дерзкие слова без основания такого, как я всегда благоговел к священной Ее Императорского Величества особе в душе моей».*

Прежде чем высказывать свое мнение о реакции российского общества на «Путешествие», хотелось бы определиться с его жанром. На наш взгляд императрица восприняла его как вещь документальную, да и как иначе, если в «Путешествии» поэтапно указаны названия всех населенных пунктов, встречающихся на пути от Петербурга до Москвы. Если бы это было произведение художественное, то автор мог прибегнуть к вымышленным названиям, но наличие подлинных названий уже ставит «путешествие» в один ряд с авторами так называемых путевых записок, в которых те передавали свои наблюдения о путешествии. То есть и читатели искали соответствия между собственными впечатлениями и тем, что увидел во время своей поездки автор и... не находили их. Иначе говоря, императрица, выступая в роли рядовой читательницы, так же искала подтверждения всему, о чем говорилось в «Путешествии», но фактов описываемых Радищевым безобразий и нарушений не обнаружила. Что же получается? Имей автор хоть какой-то литературный опыт, он бы мог назвать свое произведение несколько иначе, изменить названия населенных пунктов и его произведение воспринималось бы совершенно в ином ракурсе. Таким образом, с одной стороны он желал прославиться как обличитель пороков, а с другой у него просто не хватило таланта, чтоб показать их в истинном свете.

Представим себе, что он подал бы жалобу в Сенат или даже на имя самой императрицы, в которой бы указал, что в селении N. Такой-то помещик издевается над своими крестьянами: не кормит, выгоняет на работу, сажает на цепь и пр. пр. Естественно, в таком случае жалобе «дали ход», как говорили в то время, произвели следствие и помещика наказали. Уж кому-кому, а бывшему прокурору пусть и армейскому должно быть хорошо известно, как составляются подобные документы. Но видимо, он еще до конца не изжил в себе обличителя, к голосу которого прислушиваются его подчиненные и при неукротимом желании заявить о себе как литераторе, поспешил выплеснуть все это на бумагу. Результат не замедлил сказаться. Никто не говорил о литературных достоинствах «Путешествия», а в нем увидели лишь злобный пасквиль на реальность действительности.

Так для чего и с какой целью выпустил он свое «Путешествие...»? Вот что на этот счет считал А. С. Пушкин:

«Какую же цель имел Радищев? Чего именно желал он? На сие вопросы вряд ли бы мог он сам ответить утвердительно. Влияние его было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли ее, несмотря на то, что в ней есть несколько благоразумных мыслей, несколько благонамеренных предложений, которые не имели никакой нужды быть обличены в бранчивые и напыщенные выражения и незаконно тиснуты в станках тайной типографии с примесью пошлого и преступного пустословия. Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви».

«Путешествие из Петербурга в Москву» попало к Пушкину случайно: он искал что бы захватить с собой в дорогу для чтения, а ехал он как раз в обратную сторону – из Москвы в Петербург. Памятуя, что в путешествии *«...чем книга скучнее, тем она*

предпочтительнее» он обратился к одному из друзей и тот вручил ему «Путешествие» Радищева. Следовательно, в первой половине XIX века эта книга не была крамольной и заняла свое место на полках читателей. Прочтя ее, Пушкин был настолько потрясен, что тут же написал собственное «Путешествие...», с зеркальным названием: «Путешествие из Москвы в Петербург». Приведем некоторые цитаты из него, дающие реальное представление об отношении Александра Сергеевича к Александру Николаевичу.

«Путешествие в Москву», причина его несчастий и славы, есть, как мы сказали, очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге... Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны».

Пушкин пишет эти записки за год до смерти, поэтому никак нельзя отнести их категоричность к молодости автора или незнанию жизни. Радищеву было 40 лет, когда он выпустил «Путешествие», Пушкину на четыре года меньше. Но сколь различны по глубине их суждения!

«Он есть истинный представить полу просвещения, – окончательно уничтожает автора, его собрат по перу так же тяготившийся царской опекой и цензурой не менее своего предшественника. – Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему, – вот что мы видим в Радищеве... Он поносит власть господ, как явное беззаконие; не лучше ли было представить правительству и умным помещикам способы к постепенному улучшению состояния крестьян: он злится на цензуру; не лучше ли было потолковать и правилах, коим должны руководствоваться законодатели, дабы, с одной стороны, сословие писателей не было притеснено и мысль, священный дар Божий, не была рабой и жертвою бессмысленной управы, а с другой, – чтоб писатель не употреблял сего божественного орудия к достижению цели низкой и преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна, ибо само правительство не только не пренебрегало писателями и их притесняло, но еще требовало их соучастия, вызывало на деятельность, вслушивалось в их суждения, принимало их советы – чувствовало нужду в содействии людей просвещенных и мыслящих, не пугаясь их смелости и не оскорбляясь их искренностью».

Мало того, далее Пушкин в своих заметках воспеваает русского крестьянина, его оборотистость и предприимчивость. Эти строки вполне можно назвать гимном российского крестьянства.

«Взгляните на русского крестьянина: есть ли в нем тень рабского уничтожения в его поступи и речи? О его смелости и смелости и говорить нечего. Предприимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия.

В России нет человека, который бы не имел собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день...

Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого».

И далее:

«Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство, с одной стороны, с другой, какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что все есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника ... у нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен... Помещик, наложив оброк, оставляет его на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет чем вздумает и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу... Злоупотреблений везде много; уголовные дела везде ужасны».

По Пушкину получается, что наш крестьянин и жил лучше, и законы российские мягче европейских. Он не отрицает злоупотреблений и фактов насилия, но не ставит их в абсолют, а дает понять – смягчение нравов и законов – вот истинный путь России...

24 июля 1790г. Радищев был приговорен к смерти за то, что он издал книгу, ***«наполненную самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный и умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства и оскорбительными, неистовыми изращениями противу сана и власти царской».***

8 августа приговор утвердили в Сенате, но 4 сентября того же года согласно указа Екатерины II «по милосердию и для всеобщей радости», по случаю заключения мира со Швецией, смертная казнь заменена ему ссылкой в Сибирь, в Илимский острог, «на десятилетнее безысходное пребывание» с лишением чинов и дворянства.

Путешествие в Сибирь автора «Путешествия...»

Из Петербурга Радищева повезли под «крепчайшей стражею» 10 сентября 1790г. Хотя холода еще не наступили, но сопровождавший его солдат уступил ему свою шубу, о чем арестант отозвался как о «гнусной нагольной шубе». Ему предстояло проделать путь в 6788 верст до места своего нового жительства. И хотя он скомпрометировал своим изданием «Путешествия» благоволившего к нему графа Воронцова, но тот счел своим долгом покровительствовать Радищеву и во время ссылки. Будучи знакомым со многими российскими должностными лицами он отправил деньги тверскому губернатору Осипову, чтоб тот купил для Радищева теплую одежду, обувь и запас продовольствия. Такие же письма он направил и нижегородскому, пермскому и иркутскому губернаторам. Так что в большинстве городов несостоявшемуся литератору оказывали весьма дружелюбный прием и особых лишений он не ощущал. Во всяком случае, в отличие от большинства ссыльных, следующих по сибирским этапам, положение его можно назвать довольно привилегированным.

В марте 1791 г. в Тобольск, где Радищев задержался вследствие болезни, приехала Елизавета Васильевна Рубановская и привезла двух младших детей (старшие остались у родных для получения образования). В Тобольске Радищев пробыл семь месяцев; два месяца восемь дней ушли на дорогу до Иркутска и, наконец, 3 января 1792г. – через 16 месяцев после выезда из Петербурга – он с семейством добрался до Илимска.

Здесь для него был специально отстроен дом по просьбе всемогущего графа Воронцова, попросившего об этой услуге Иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля. Отношения между ним и свояченицей (сестрой умершей жены) из дружеских переросли в супружеские, хотя согласно законам того времени официально узаконить свой брак они не могли. Но это не помешало Елизавете Васильевне произвести на свет троих детей.

Там же Радищевым были написаны такие сочинения: «Письмо о китайском торге» (1792г.), крупный философский труд «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792-1796 гг.), «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» (1791-1796 гг.).

Император Павел I вскоре после воцарения «назло матери» вернул Радищева из Сибири (Высочайшее повеление 23 ноября 1796г.), возвратил ему чины и дворянство.

На обратном пути, если судить по его дневниковым записям, в Тобольск он прибыл с 1 апреля 1798г. В дороге заболела Е. В. Рубановская и умерла по прибытии в город, о чем в Тобольском архиве в актах записи умерших при церкви Михаила Архангела сохранилась следующая запись под № 56 от 9 апреля 1797г.: **«Майорская дочь девица Елизавета Рубановская 47 лет помре»**. В ночь на 22 апреля 1797г. Радищев с детьми и сопровождавшей его в ссылку прислугой покинул Тобольск. 6 июля 1797г. он прибыл в Москву и таким образом его путешествие в Сибирь закончилось.

Согласно высочайшему распоряжению Радищеву предписано жить в его имении в Калужской губернии, селе Немцове, где он занимался лишь воспитанием своих детей. После воцарения Александра I Радищев получил полную свободу по указу от 15 марта 1801 года, а вслед за тем был вызван в Петербург и включен в Комиссию по составлению законов.

Он с энтузиазмом принялся за создание нового проекта «Государственного уложения», подал проект о необходимых законодательных преобразованиях – проект, где опять выдвигалось вперед освобождение крестьян, а также уничтожение «Табели о рангах», свобода слова и вероисповедания. Современники говорят, что когда Радищев подал свой либеральный проект реформ, председатель комиссии, граф П.В. Завадовский, сделал ему строгое внушение за его образ мыслей, напомнив ему о прежних увлечениях и даже упомянув о Сибири. По словам А.С. Пушкина, граф произнес с упреком: «Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить по-прежнему! или мало тебе было Сибири?» Считается, что именно эти слова побудили Радищева уйти из жизни и в ночь с 11 (23) на 12 (24) сентября 1802г. он покончил жизнь самоубийством, приняв смертельную дозу яда.

...Многие литературоведы не считают А. Н. Радищева писателем. Нет его имени в известном словаре Ю. Айхенвальда «Силуэты русских писателей», что был выпущен в 20-е годы XX столетия. Издательство «Просвещение» так же не сочло нужным включить его имя в свой двухтомный словарь «Русские писатели» – 1990 год выпуска. Зато в школьных учебниках по литературе его имя долгое время стояло рядом с Ломоносовым, Карамзиным, Фонвизиним. Такая вот загадка эпохи: и книгу написал и выпустил за свой счет, а не писатель! Приходилось слышать и такое высказывание: Радищев наш первый интеллигент! Тут можно согласиться, поскольку человек образованный, думающий, кого и принято называть интеллигентом, (словечко придуманное Боборыкиным уже в XIX веке) всегда был и есть в оппозиции к существующему строю.

IV. ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Этот столетний отрезок российской истории трудно охарактеризовать одним словом или даже предложением. Во многом противоречивый и еще не освободившийся от влияния века предшествующего он известен нам прежде всего как время выхода на политическую сцену так называемых разночинцев – детей духовенства и мелких чиновников. Именно они стали править бал и в политике, и в общественной жизни и в различных областях искусств. Прошло время бунтов и авантюр и чего-то добиться стало возможно лишь благодаря выдающемуся таланту человека и его терпеливому труду.

И для жителей Тобольска памятли имена тех, кто проявил себя на ниве сибирских реформ, просвещения или в иных сферах деятельности. Но деятельности не разрушительной, а созидательной.

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Василии Пассеке...

Когда знакомишься с судьбами людей, живших на этой земле несколько столетий назад, то жизнь их видится совсем не хрестоматийно, а чаще всего трагически со многими, присущими людям неординарными

взлетами и падениями. Потому невольно начинаешь задумываться: а за что ему выпала участь испытать столько лишений, тягот и испытаний? Как различить в чем вина самого человека, а что ему предначертано свыше? И приходишь к неутешительному выводу – наше будущее заложено в нас самих. Неважно, в какую эпоху и при каком правителе выпало тебе жить, именно ты сам решаешь какие совершать поступки, а судьба лишь подводит под ними неумолимый итог.

Герои нашего следующего повествования происходили из дворянского рода Пассеков. Но это, пожалуй, единственное, что их объединяло. И хотя члены каждого из поколений этого почтенного рода чем-то походили один на другого и в чем-то были даже сходны их характеры, но каждый из них выбрал свою дорогу. Всех их, на мой взгляд, объединяет глубокая индивидуальность и неординарность в поступках.

Ключевая фигура в нашем повествовании, – Василий Васильевич Пассек (1772–1831 гг.). Ряд авторов называют его диссидентом своего времени. О причинах, по которым он был сослан в Тобольск в 1804г. сроком на двадцать пять лет, остановимся чуть позже. Все его предки проживали на Украине, имели собственные поместья, как говорится, не бедствовали. Но беды подстерегали их с другой стороны. Родители Василия Васильевича состояли в близком родстве и родственники ничего не хотели слышать о их браке. Потому молодые прибегли к хитрости, оставив вещи невесты на берегу а сами уехали в дальнее поместье жениха где обвенчались. К сожалению счастье их продолжалось не долго и уже через несколько лет после рождения сына его отец умирает, завещав опекунство своему брату Петру Богдановичу Пассеку. В 1781г. Василии Васильевич в возрасте девяти лет был увезен в Петербург и помещен в пансион на четыре года. После чего дядя определил мальчика в мушкетерский полк, но под другим именем. Волей судьбы, уже будучи юношей, Василий Васильевич попал в окружение князя Потемкина и учувствует при взятии Измаила, за что был произведен в майоры.

Между тем, его дядя, будучи опекуном, без ведома племянника продает крупное поместье своего покойного брата. Деньги он присваивает, а самого Василия Васильевича отправляет под благовидным предлогом в зарубежную поездку. В Россию тот возвращается в 1792г. и просит своего опекуна передать принадлежащее ему по праву имущество покойного родителя. Однако тот затягивал передачу и вдруг странное совпадение: Василий Пассек неожиданно попадает под следствие и его, не объявив причин, арестовывают. Вместо того, чтоб дожидаться суда и узнать в чем он обвиняется, тот бежит из под ареста, но вскоре его находят, вновь арестовывают и на этот раз в цепях везут в Петербург, где следствие по всем правилам ведется в Тайной экспедиции.

Что же ставили в вину В. В. Пассеку? Его биографы сообщают на этот счет сведения довольно туманные и к тому же не подтвержденные документами. Почерпнуты они скорее всего из личных воспоминаний кого-то, кто близко знал Пассека и потом изложил свои впечатления на бумаге. Согласно этой версии Василию Пассеку будто бы принадлежит авторство ходивших по рукам крамольных стихов, которые, говоря сегодняшним языком, «порочили честь и достоинство государыни». Но сам Пассек на следствии отрицал свою принадлежность к найденным у него стихам, а указал на некоего Симоновича. Если это так, то чего он боялся, бежав из-под ареста? Зная о его склонностях к литературе, можно предположить, что и за ним самим водились кое-какие грешки не отраженные в следственных делах.

Другие исследователи видят в случившемся следствие происков все того же дяди, который, не желая возвращать племяннику его наследство, весьма негативно отозвался

о нем в присутствии императрицы. Кстати говоря, Петр Богданович Пассек принимал самое непосредственное участие в свержении с трона императора Петра III, в благодарность за что получил от Екатерины II не только высокие награды, в частности украшенный бриллиантами орден Александра Невского, но и должность генерал-губернатора Могилевской и Полоцкой губернии.

Один из европейских путешественников, побывавший на Украине, оставил о нем такое воспоминание: *«Генерал Пассек ростом пять футов пять дюймов, геркулесовского сложения; лицо его может быть чрезвычайно приветливо, взгляд у него гордый и, покуда он не заговорит, по выражению лица можно думать, что он умен...»* Комментарии излишни.

В дальнейшем все тот же дядя, по словам Василия Васильевича Пассека распустил о нем слух, якобы он якобинец и к тому же занимается печатью фальшивых ассигнаций. Так это или нет, мы не подтвердить, ни опровергнуть не можем, но из документов следует, что уже после восшествия на престол императора Павла I в декабре 1796г. Василия Васильевича Пасека без суда и следствия помещают в Дюнаминдскую крепость, где он пробыл более четырех лет.

Надо заметить, немалую роль в его аресте сыграли не что другое, как его родственные отношения. Выше говорилось, Петр Богданович Пассек был участник заговора, благодаря чему Екатерина II смогла стать полновластной властительницей России. Как только Павел I занял трон, он тут же свел личные счеты с убийцами своего отца, направив одних в ссылку, других лишил высоких занимаемых должностей. Тогда же был снят со своего поста и П. Б. Пассек, а вслед за ним пострадал и племянник. Очень похоже на правду. Однако мы вряд ли когда узнаем истину до конца обо всех хитросплетениях дворцовых интриг, витающих близ трона. Чем выше поднимается человек к вершинам власти, тем больше слухов и сплетен рождается у него за спиной, а по прошествии двухсот лет трудно выявить суть происходящего и отделить правду от вымысла. Так что будем довольствоваться тем, что имеем.

Интересен и такой эпизод из жизни нашего героя. Когда Павел I находясь в поездке с ревизией крепостных сооружений на севере страны, посетил крепость, где находился в заключении В. В. Пассек, то он поинтересовался как ведет себя узник и есть ли у него какие-либо желания. На что комендант ответил: «Пассек желает скорейшего суда над собой». На что император изрек: «Молод еще. Пусть посидит. Это пойдет ему на пользу». Как показали дальнейшие события, Василию Васильевичу этот урок на пользу не пошел. А он действительно был еще достаточно молод – в крепости ему исполнилось ровно двадцать пять лет.

Суда и следствия по поводу крамольных стихов над ним так произведено не было и лишь после смерти Павла I в 1801г. Василия Васильевича выпускают из крепости по прямому указанию императора Александра I. Наконец-то он смог заняться расстроенными делами своего имения, но ... не надолго. Судьба, словно испытывая нашего героя на прочность, припасла для него еще одно испытание.

Среди многочисленной родни Пассеков был потомок молдавского господаря князь Д. К. Кантемир, доводившийся Василию Васильевичу двоюродным братом. Тот тоже не отличался сдержанным поведением и о нем в обществе распространялись всевозможные анекдоты и небылицы. Некоторые знакомые чуть ли не в глаза называли его сумасшедшим. А причина крылась опять же в его происхождении. Титул «господарь» носили представители княжеского рода, некогда правившие Молдавией и Валахией. Но после вхождения Молдавии в состав Российской империи титул этот, естественно, был отменен. Однако Дмитрий Кантемир везде где можно провозглашал себя не иначе как «молдавским царем», что в конечном итоге закончилось его заключением на 17 лет в Ревельскую крепость. Действительно, какой правитель потерпит, чтоб в его государстве оказалось бы вдруг сразу два царя!

Зная об этой слабости своего двоюродного брата, Василии Васильевич Пасек решил жестоко подшутить над ним и направил ему подложное письмо. В нем он от имени императора предлагал ему создать отдельное государство и назвать себя «князем романийским».

Некоторые современники не нашли в поступке В. В. Пассека злого умысла. Однако Д. К. Кантемир обратился за разъяснениями к императору, автор же письма был осужден на ссылку в Тобольск. Как видим и в те времена неудачные шутки и опрометчивые поступки могли привести к очень печальным последствиям и большинство подобных шутников прямым ходом отправлялись в Сибирь, где их юмор могли оценить по достоинству.

Попав на поселение в Тобольск с двумя детьми на руках, семейство Пассеков влилось в ряды многих подобных себе ссыльных и вело довольно уединенный образ жизни, приложив все силы и возможности к воспитанию подрастающего поколения. По некоторым данным к концу ссылки у них было уже семнадцать детей, причем двое из них вошли в анналы Российской истории, один как ученый-этнограф, а второй как известный российский генерал, павший в боях во славу отечества.

Точно известно, что Вадим Васильевич родился в Тобольске. Но в его биографии не точно указана дата его рождения – 20 июня 1808г. Однако нами установлено, что именно в этом году родился его младший брат Диомит. Видимо сибирские древности оказали существенное влияние на молодого Вадима Пассека, а по некоторым данным их семейство проживало в селе Абалак, по близости от бывшей столицы сибирского ханства Искер. Во всяком случае перу В. В. Пассека принадлежит статья «нечто о сибирских козаках и о Искере» и в дальнейшем он уже после возвращения из Сибири поступает в Московский университет который заканчивает в 1830г. Первая его научная статья носит название «Замечание о Сибири» и современники признали ее одной из лучших работ в области этнографии Сибири.

Следует указать, что младшее поколение семейства Пассиков, судя по всему, унаследовало от отца ярко выраженные черты пассионарности (по выражению Льва Гумилева). Об этом говорит тот факт, что, узнав, будто бы император Александр I собирается посетить Екатеринбург (500 верст от Тобольска) и старшие сыновья Евгений и Леонид Пассеки направились туда пешком с прошением о помиловании отца. (В фондах Российского государственного исторического архива сохранился документ, свидетельствующий об этом факте). При этом они предлагали остаться в Сибири вместо него! Прощение попало к графу Аракчееву, тот запросил отзыв о В. В. Пассеке сибирского генерал-губернатора П. М. Капцевича, который дал положительное заключение о ссыльном и в 1824г. все семейство Пассеков покинуло Тобольск.

Вернувшись из Сибири, Василий Васильевич предпринял все усилия, чтоб дети его получили образование и готовит их для поступления в старейший российский университет в Москве, куда поступает Вадим Васильевич, а вслед за ним и младший из их семьи – Василий. Глава семейства, не дожив до своего шестидесятилетия тихо скончался. О последних годах его жизни сведений не сохранилось, но остались написанные им труды. Интересно и воспоминание его невестки, жены Вадима: «Василий Васильевич был лучший из людей, как я слышала об нем не только от его семейства, благоговейно чтущего память этого страдальца, но от многих людей, достойных уважения, коротко знавших его. Все вспоминали с любовью об его уме, благородстве, любезности и добросердечии».

Во время учебы в университете Вадим Пассек знакомится с Александром Герценом, будущим диссидентом и издателем известного журнала «Колокол». Более того, он в 1832г. женится на его двоюродной сестре, Татьяне Петровне Кучиной. После окончания университета Вадиму предлагают кафедру русской истории в Харьковском университете, но после того как А. И. Герцена направили в ссылку в Вятку и Вадиму Васильевичу запрещают преподавание в университете. Тогда он с головой уходит в

исследовательскую работу, занимается составлением статистического описания Харьковской губернии археологическими раскопками и именно ему принадлежит идея провести комплексное исследование археологических памятников от Дуная до Забайкалья. В 1837г. по заданию правительства он переезжает в Одессу, где изучает наследие Крыма и готовит материал для будущей книги. В 1839г. он переезжает в Москву и знакомится с известными российскими историками и писателями-славянофилами. В круг его московских знакомых входили: М. П. Погодин, С. П. Шевырев, В. И. Даль, М. П. Загоскин и др. Более двадцати двух лет он собирает материал для сборника «Очерки России», первый из которых выходит в Петербурге. Всего вышло четыре книги «Очерков». Их раскупают, они становятся предметом обсуждения в различных кругах общества, и сборник становится популярным. Сам издатель на этот счет сообщает следующее:

«Очерки не принадлежат мне — они принадлежат равно каждому из нас — принадлежат отечеству; я счастлив тем, что раскрываю книгу, в которую каждый может вписать свою мысль, свое чувство, знание, даже замечание о той стране, где он живет».

Кроме этого Вадим Пассек становится редактором правительственной газеты «Прибавление к Московским ведомостям» в которой публиковались главным образом материалы исторического плана, и по словам Н. В. Гоголя «прибавление» в короткий срок стали довольно популярным среди российских читателей. В 1842г. Вадим Пассек умирает и в настоящее время имя его мало известно. Хотелось бы добавить, дело мужа продолжила его жена Татьяна Петровна, перу которой принадлежит ряд статей напечатанных в журнале «Русская старина». Во второй половине XIX ее воспоминание выходит отдельным изданием в двух томах, и она становится редактором журнала для детей для чтения в кругу семьи «Игрушечка». Меж тем она успевает закончить работу над третьим томом своих записок «Из дальних лет» буквально за неделю до смерти.

Судьбы двух других сыновей Диомида и Василия, родившихся в Тобольске, чем-то напоминают судьбу их отца. В том и другом проявляется кипучая энергия и любовь к жизни, интерес к наукам и страсть к написанию статей по тем отраслям знания, в которых они специализировались.

Так, младший из них Василий Васильевич (1816г. р.) после окончания гимназии поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. В начале 40-х годов он переезжает в Петербург и поступает на службу в Министерство внутренних дел, а после своей отставки перебирается в имение отца, где занимается сельскохозяйственными опытами и публикует несколько статей по отечественной истории. В одной из них он полемизирует с известным историком С. М. Соловьевым, с которым был лично знаком. Эта статья «Исторические изыскания г. Соловьева в сравнении с историческими данными» печатается в Петербурге в 1852г. Смелая критика известного ученого, чье имя ставилось современниками в один ряд с Карамзиным, вызывает к В. В. Пассеку интерес многих университетских профессоров. Но этим все и закончилось. Трудно сказать, что помешало Василию Васильевичу продолжить столь блестяще начатую карьеру историка, но остальные труды выходят уже после его смерти.

Его брат Диомид Пассек так же родился в Тобольске и после возвращения из Сибири в 1834г. поступил в военную академию. После ее окончания был причислен к генеральному штабу, а 1840г. началась его служба на Кавказе. Там уже в первых сражениях он обратил на себя внимание командования исключительной храбростью. Судьба не однократно оберегала его от пуль и вражеских клинков, но 11 июля его отряд попал в засаду, генерал Диомид Пассек был убит в неравной схватке. Он, как и братья, не чужд был литературного сочинительства на историческую тематику. Уже после смерти были опубликованы такие его произведения «Сравнение Карла XII с Петром

Великим, как полководцев», «Воспоминания о Сибири и Казани». Имя его известно как героя Кавказа.

...Удивительное это было семейство, прошедшее сибирскую ссылку и не только не утратившее стойкости, но и заявившее о себе во многих сферах культуры, снискавшее славу на полях боевых сражений. Они испытали все прелести российского бытия от тюремных застенков до причисления к российским героям. И вряд ли кто ответит, почему именно нашим героям судьба уготовила подобные испытания, через которые им пришлось пройти. Главное, верить в то, что каждый может изменить и себя и судьбу и выйти из жизненных неурядиц победителем. И не придаваться печали...

Архивные документы

1. *«Надворный Советник Василий Пассек, отец просителей, сужден был по двум делам: первому, в следствии высочайшего повеления, за сочинение и подписание им от имени Г. Генерал-адъютанта Князя Волконского к жительствовавшему в городе Ревеле Полковнику Князю Кантемиру подложного письма, в коем он между прочим изъяснил, что будто бы есть Высочайшая Государя Императора воля возвратить тому Кантемиру владение предков его; что Его Величество намеревается писать к Султану и требовать от него для того Кантемира Молдавию и Валахию; в случае же отказа Его Величество умеет поддержать требование своего оружием, а потом Его Величество склонит Австрийский двор возвратить Кантемиру все те завоевания, которые он сделал в Молдавии и присовокупит к тому часть Подолии и Княжества Валахии и Молдавии, дабы составить таким образом Государство, провозгласить Кантемира Государем сего владения, под названием Князя Романийского, и что за все сии милости Его Величества он Кантемир обязан супруге своей и ему Пассеку, коим сделав состояние, соответствующее их преданности, и основав благосостояние некоторых из его родственников, в бедности находящихся, которые Государь Император оказать ему соизволил».*

2. *«По высочайшему Государя Императора повелению, Генерал от Артиллерии Граф Аракчеев, препроводив ко мне всеподданнейшее прошение живущих в Екатеринбурге Евгения и Леонида Пассеков, о восстановлении в первобытное звание отца их бывшего Надворного Советника Пассека, возвращенного из Сибири без чинов и дворянства, и о даровании детям его, там рожденным, дворянских прав...»*

Произведения В. В. Пассека

1. Орывок жизни Василия Пассека, им самим сочиненный // Русский Архив. 1863.
2. Записки моего отца. Картина Сибири 1804—1809 г. // Очерки России. Т. I, СПб., 1838. С. 118-124.
3. Нечто о сибирских козаках и о Искере /Тобольский хронограф. Т. 3. Екатеринбург 1998. С 84-85.

2. ЗАГАДОЧНЫЙ ГАВРИИЛ

Я прожил век в гробу темницы...

Г. С. Батеньков

Тобольск известен еще и тем, что в нем родился единственный декабрист-сибиряк Гавриил Степанович Батеньков, личность которого во многом загадочна и не до конца изучена. Хотя непосредственно в восстании он участия не принимал и на Сенатскую площадь вместе с другими заговорщиками не вышел, но был арестован и осужден на вечную каторгу. Но непонятно почему лишь он, – единственный из осужденных, – двадцать лет провел в одиночной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости.

И это не единственная загадка в его биографии. При внимательном изучении документов, связанных с личностью этого незаурядного человека, создается впечатление, будто бы кто-то специально перепутал даты, одни события заменил другими, в результате чего произошла путаница и возникли неясности, разобраться с которыми по прошествии двух веков не так-то просто. Неясности возникают на каждом шагу, стоит лишь заняться выяснением подлинности событий, описанных Батеньковым в личных воспоминаниях. Но, как понимаете, любой исторический факт должен быть проверен и подтвержден документально, на основе чего и рисуется в дальнейшем биографический портрет нашего героя. Именно с документального подтверждения мы и начнем это небольшое повествование.

Гавриил Степанович писал о себе, будто бы он был в семье семнадцатым ребенком. Но при проверке этого факта и сличении с документами, хранящимися в Тобольском государственном архиве, где ранее регистрировали всех рожденных и умерших, имени его за 1793г. (официальная дата его рождения) обнаружить не удалось. Казалось бы ничего страшного, ошибся человек указал не тот год своего рождения, нужно поискать за другие годы. Но не удалось найти имени нашего героя ни годом раньше ни через год и лишь в 1795г. имя Гавриила Батенькова в годовалом возрасте вписано как присутствующего вместе с родителями на исповеди Сретенской церкви города Тобольска.

Мало того, при дальнейшем изучении документов выяснилось, что в семье нашего героя никогда не было семнадцати детей! Гавриил был младшим, а до него родились сестра Пелагея и брат Николай, который в дальнейшем, судя по всему из Тобольска, уехал.

Так что с самого начала мы сталкиваемся с загадкой рождения сибиряка-декабриста и полной неясностью, почему он в своих мемуарах указал неправильно число членов его семьи. В сохранившейся переписке Батенькова имеются письма к матери, но ни в одном из них не упоминаются имена сестер или братьев. Кстати, лишь благодаря изучению архивных документов удалось установить имя матери Гавриила Степановича, которое до этого ни в одном исследовании не указывалось. Как видим, по прошествии двух веков биография нашего героя изучена недостаточно, несмотря на то, что он принадлежал к ближнему кругу декабристов, но каким то образом период его детства и юности оказался в тени.

В «Русском биографическом словаре», где помещена довольно краткая и далеко не полная биография Г. С. Батенькова, имеются следующие строки: «Хилый от рождения, он всю жизнь отличался нервностью, душевной неустойчивостью. Рано развились в нем мистическая религиозность и повышенная вдумчивость». Написаны они на основе воспоминаний самого Гавриила Степановича, составленных им уже в конце жизни. Но это, согласитесь, весьма односторонний и субъективный взгляд автора на собственное прошлое опять же проверке не поддающийся. Таких вопросов при вдумчивом изучении судьбы нашего героя набирается гораздо больше, чем ответов на них.

Не ясен, к примеру, и такой момент, описанный в записках Батенькова, относящийся к его детским годам и началу обучения. С его слов первоначально он овладел татарской грамотой, а уже потом русской. На наш взгляд странный факт для человека, выросшего в сугубо православной семье и никогда не упоминавшего о своей иной национальной принадлежности. И вдруг такое признание! Как это могло случиться? Ответ довольно прост: кто-то из близких ему людей хорошо знал татарский язык и обучил мальчика его основам. Кто же это мог быть? Информацию об этом находим опять же в записках самого Батенькова, где он упоминает об учителе духовной семинарии Иосифе Гиганове, близком знакомом или дальним родственником семьи Батеньковых. Кроме того известно, что именно Гиганов преподавал в семинарии татарский язык, а так же был составителем первого в России русско-татарского словаря. Кто как не он мог донести до малолетнего Гавриила знания языка сибирских татар. Но это лишь предположение и не более того. Вполне возможны и другие варианты на этот счет.

Но далее выясняется еще более интересный факт. В юношеском возрасте Гавриил поступает в находящуюся в Тобольске школу кантонистов, куда обычно принимали детей так называемых «инородцев». Там их обучали различным специальностям, необходимых для хозяйственного обеспечения армии. Это могли быть цирюльники, сапожники, шорники, столяры и представители иных профессий. В 1811г. Гавриил едет в Петербург, где поступает в Дворянский полк при 2-м кадетском корпусе. Тоже факт не совсем понятный, поскольку попасть на обучение в столицу да еще и в Дворянский полк(!) мог далеко не каждый молодой человек. Значит, был кто-то, покровительствующий Гавриилу и замолвивший за него словечко при зачислении в элитное учебное заведение. Кто это мог быть? Пока что на этот вопрос ничего определенного мы сказать не можем. Быть может со временем будут найдены новые документы, позволяющие пролить свет на очередную неясность биографии Батенькова.

В 1812 году началась Отечественная война против вторгнувшейся в пределы России армии Наполеона. После окончания кадетского корпуса Батенькову был присвоен чин прапорщика артиллерии с направлением в действующую армию. В время военных действий он по его собственным словам «проявил чрезмерную храбрость», был изранен неприятельскими штыками и даже взят в плен, но вскоре освобожден. После изгнания французских войск, он возвращается в Россию, но вскоре вновь призывается для участия в очередном заграничном походе. Из всех боевых наград за свои подвиги он получил лишь чин подпоручика и орден Св. Владимира 4-й степени, о чем с крайним огорчением сообщает в письмах к матери, продолжающей жить в Тобольске. Добавим, большинство его сослуживцев получили более высокие награды, хотя подобных подвигов и не совершали. Да, военным нужно родиться и быть им до конца жизни. А наш герой имел совершенно иные склонности, а потому в 1816г. подает в отставку.

Живя в столице, он становится членом масонской ложи «Избранного Михаила», в которую входили многие из участников неудавшегося декабрьского переворота. Тогда же он сдает экзамены на звание инженера 3-го класса и получает назначение на службу в Сибирь в качестве инженера путей сообщения. Его направляют в родной Тобольск заниматься устройством дорог, мостов, переправ и иными инженерными сооружениями, связанными с его родом деятельности. Там он долго не задерживается и переезжает в Томск. Следует отметить, и гражданская служба Батенькову удовлетворения не приносит, о чем мы опять таки можем узнать из его писем друзьям.

В Томске он по собственным словам «безупречной честностью и независимостью поддержал приобретенную им репутацию беспокойного человека». Он так же писал, что «постоянно мучительно заботился о том, чтобы обратить на себя какое-нибудь внимание», имеется в виду начальства. Видимо с той же целью он принял деятельное участие в устройстве масонской ложи «Великого Светила» уже действующей в Томске.

Однако в скором времени свое служебное положение Батеньков характеризует как незавидное и уже в очередной раз начинает подумывать об увольнении. Но... на его счастье (хотя однозначно заявить об этом трудно) в Сибирь назначен новый генерал-губернатор М. М. Сперанский. Батеньков бросает все служебные дела, благо, начальству не до него, каждый опасается за свое место, и выезжает к тому навстречу, чтоб вручить сразу семь записок, которые якобы впоследствии легли в основу «Сибирского Учреждения».

После их знакомства наступает период длительной дружбы, несмотря на значительную разницу в возрасте. Вместе со Сперанским Батеньков перебирается в Иркутск, где участвует в подготовке новых законов для Сибири, в частности в разработке «Устава об управлении инородцев», определявшего правовой статус коренных народов Сибири. После возвращения Сперанского в Петербург он забирает с собой Батенькова.

В столице тот поступает на службу членом совета военных поселений, возглавляемого А.А.Аракчеевым. Но и там он не нашел себе применения и был уволен в 1825г., что по мнению некоторых исследователей дало ему повод вступить в тайное общество и участвовать в подготовке декабрьского мятежа. Более того он становится связующим звеном между мятежниками и Сперанским, которого прочат на место главы коалиционного правительства в случае успеха мятежа. По некоторым сведениям ни кто иной, как Батеньков сообщил заговорщикам о времени присяги новому императору. Однако, судя по всему, те ему не доверяют и не открывают истинные свои цели. Во всяком случае, о дате восстания он не был предупрежден, на Сенатскую площадь не явился, а как добропорядочный гражданин принес присягу Николаю I.

И вот новая загадка. После ареста Гавриил Степанович вполне мог быть прощен, как это произошло с рядом участников тайных обществ, не участвующих открыто в мятеже. Так с ним первоначально и поступили. Но затем вдруг он отрицает все прежние свои показания, ссылаясь на «припадок», и называет себя главным деятелем движения! Сам мятеж называя при этом первым в России опытом «революции политической». Невольно вспоминаются его слова о желании «обратить на себя какое-нибудь внимание». Обратил. А потом еще написал на имя Николая I обличительное письмо с угрозами. Потому нечего удивляться, что приговором Верховного уголовного суда Батенькова признали виновным в том, что «знал об умысле на цареубийство, соглашался на умысел бунта и приготавливал товарищей к мятежу планами и советами». Его приговорили к вечной каторге, но содержался он с 1827 по 1846 гг. в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Ему не разрешалось ни с кем общаться, из книг разрешено было читать только Библию. Многие, знавшие Батенькова после освобождения из крепости, считали, будто бы он слегка повредился рассудком. Среди исследователей нет общей точки зрения на то, был ли Батеньков в заключении психически болен или симулировал сумасшествие. Не имея врачебного заключения на этот счет, мы вправе оставить это предположение без внимания.

В 1846г. он был выслан на поселение в Томск, где жил на квартире у чиновника Лучшева. После амнистии (1856г.) жил в Калуге в собственном доме, где приютил вдову своего томского знакомого Лучшева и ее двух детей. Часто бывал в имении у своих друзей Елагиных. Скончался Батеньков от воспаления легких 10 ноября 1863г. и был похоронен в селе Петрищево Белевского уезда Тульской губернии.

После него осталось много (большей частью неопубликованных) работ. В том числе «Повесть собственной жизни» и поэма «Одичалый», в которой описывались душевные страдания человека, находящегося в одиночном заключении.

В 1970-е годы А.А.Илюшин издал ряд ранее неизвестных философских стихотворений Батенькова, вызвавших высокую оценку критиков и литературоведов. Они вошли в несколько антологий и неоднократно переиздавались. Однако, рукописи этих стихотворений в настоящее время неизвестны. Один из исследователей творчества

Батенькова высказал мнение, что эти стихи не более как мистификация более поздних авторов, приписываемых сибиряку-декабристу.

И что же остается нам сказать в заключение? Лишь то, что человек во многом сам хозяин собственной судьбы и многое, из того что он задумал, сбывается иногда самым непостижимым образом. Наш герой постоянно стремился к новым впечатлениям, искал покровительства у сильных мира сего, а в результате оказался в полном одиночестве на долгих двадцать лет в холодном каземате. Не есть ли это плата за неуживчивый характер и желание взобраться все выше и выше от своего прежнего места обитания? Кто знает, каждый выбирает свой крест по силам и трудно тому, кого этот крест придавит к земле, лишая сил подняться на высоту желаемую...

Так что, думая о небесах, помни и о темнице, в которой каждый из нас может оказаться.

3. МИХАИЛ СПЕРАНСКИЙ. ИСПЫТАНИЕ СИБИРЬЮ

*Человек есть то, что он есть перед Богом; ни более, ни менее.
Сперанский М.М.*

Написавший эти строки великий российский реформатор Михаил Михайлович Сперанский (1772-1839 гг.) хорошо осознавал, что судьба человека зависит не только от него самого, но и от иных обстоятельств, перед которыми он бессилен. Может быть, именно потому наш сегодняшний интерес к этой незаурядной фигуре вполне объясним не только реформаторской деятельностью Сперанского, но и его необычной судьбой, которая вполне может послужить основой для создания трагедии шекспировского уровня. К тому же, как писали о нем современники: «История не может не вписать этого имени на свои страницы». Да, на долю М. М. Сперанского выпало множество испытаний, в том числе и Сибирью, сыгравшей в его судьбе далеко не последнюю роль.

России всегда не везло на чиновников. Сконструированная во времена Петра бюрократическая машина через десятилетия превратилась в идеальный механизм для разного рода махинаций, волокитства, сокрытия истины и получения взяток. Понятно, в такой структуре мог прижиться лишь человек недалекий, нечистый на руку, знающий свое место и мечтающий лишь об одном – о собственном благополучии любыми путями и средствами. И вот вдруг в начале девятнадцатого столетия эту самую бюрократическую машину возглавил человек, словно явившийся из совершенно иного мира и чаяния его были совсем не о том, как обогатиться за счет службы, а как обустроить Россию и сделать ее страной всеобщего равенства и процветания для всех слоев населения. И фамилия его была самая подходящая для подобного рода деятельности, – Сперанский, – что в переводе с латинского (sperare) означает – «надеяться».

Он был необычайно одарен от природы, блестяще образован и его можно отнести к привилегированному кругу того времени. Но ... близких друзей у Сперанского не было. Высший свет сторонился человека, остававшегося для большинства сановников всего лишь попovichем и семинаристом.

Стоит ли пояснять, как он был встречен и что пережил, заняв пост государственного секретаря. То был своего рода смертник. Чужой среди своих. Он был обречен с самого начала, но, не смотря ни на что, ему удалось заложить основы современной русской государственности, создать министерскую систему государственного управления (министерства финансов, иностранных дел, военное, морское, МВД, полиции, юстиции, народного просвещения), которая существует и по настоящее время. Им был составлен полный свод законов Российской империи. Но, вспыхнув яркой кометой на небосклоне российской бюрократии, он вскоре был забыт. Почему? То загадка для многих. Так что

постараемся рассказать об основных этапах его жизни, тем более, что деятельность его на какой-то срок оказалась связана с Сибирью.

Михайло Михайлович Сперанский родился 1 января 1772г. в деревне Черкутино, находящейся в 40 километрах от Владимира. Его отец служил священником при деревенской церкви и как все сельские жители сеял хлеб, держал подсобное хозяйство, без чего был не в состоянии прокормить семью. Старший сын Михаил с детства отличался слабым здоровьем и с неохотой занимался физическим трудом, предпочитая заниматься чтением книг, что попадали ему в руки.

В семь лет он был отдан во Владимирскую семинарию, где ему дали фамилию Сперанский. А в 1788г. в числе трех лучших учеников переведен в Санкт-Петербург в главную в России Александро-Невскую семинарию, где, как писали его биографы он «пропитался западными идеями», которые и пытался воплотить в жизнь, войдя в круг государственных лиц. Столичная семинария, как и Царскосельский лицей, готовила элитных чиновников, но из числа духовных лиц.

Прошло несколько лет и, взошедший на престол Александр I, попытался реформировать российский бюрократический аппарат и изменить существующий строй, преобразовав его в иной, схожий с европейскими образцами, для чего и был привлечен Сперанский. В 1808 году ему поручили составить генеральный план реформ. В октябре 1809 года он представил царю свой план. Даже сейчас, по прошествии двух веков, этот план поражает своей современностью и европейской логикой. Сперанский ввел привычное нам теперь разделение власти на исполнительную, законодательную и судебную. После учреждения министерств он предлагал ввести выборную Государственную Думу и Государственный Совет. Сперанский реформировал налоговую систему, введя налог на дворян-землевладельцев, которые до того денег в казну не платили. Было создано восемь министерств, в ведении которых находились все дела империи.

Но верховная власть в лице императора разделяла далеко не все пункты программы Сперанского. Александра I вполне устраивали лишь частичные преобразования страны, одобренные либеральными обещаниями и отвлеченными рассуждениями о законе и свободе. Хорошо знавший его А.Чарторыйский писал: «Император любил наружные формы свободы подобно тому, как увлекаются зрелищами».

Ко всему прочему Александр I испытывал на себе и сильнейшее давление придворного окружения, включая членов его семьи, стремившихся не допустить радикальных преобразований в России. В результате реформы, создание которых он сам же санкционировал и какое-то время вдохновлял, оказались на практике довольно абстрактными и, что самое главное, «несколько преждевременными».

В преддверии войны 1812г. недовольство Сперанским со стороны придворной аристократии усилилось. В ход пошли подметные письма, в которых Сперанского обвиняли в измене, в сношениях с агентами Наполеона, даже в продаже государственных тайн. Для «свержения» Сперанского организовывались целые партии, цель у которых была одна – удалить его из дворца и от дел государственных. При всей своей прозорливости Михаил Михайлович не мог предвидеть, что отставка его предreshена, и «толпа вельмож» изыскивает уже не повод, а средства воздействия на слабохарактерного императора, который буквально во всём видел если и не измену, то покушение на его права и достоинства.

17 марта 1812 года, после 2-х часовой аудиенции у государя, который дал понять Сперанскому, что, ввиду приближения неприятеля к пределам империи, не имеет возможности проверить все возведенные на него обвинения, госсекретарь и тайный советник получил отставку и был отправлен на жительство в Нижний Новгород. В письме оттуда государю он высказал свое глубокое убеждение, что составленный им план государственного преобразования – «первый и единственный источник всего, что случилось» с ним, и вместе с тем выражал надежду, что рано или поздно государь

возвратится «к тем же основным идеям». Реформатор не терял веры и надежды в то, что его нововведения кому-то кроме его самого нужны. Кому? России!!? А знал ли он Россию? Осознание и одновременно разочарование придет позже: после губернаторства в Пензе и испытания Сибирью с 1819 по 1821 год.

«Не избежал-таки я Сибири!»

22 марта 1819 года Александр I подписал указ о назначении Сперанского генерал-губернатором Сибири. Он давал Сперанскому полтора-два года, чтобы навести порядок, вскрыть все злоупотребления и составить предложения по коренному переустройству громадного края. Отправляя Сперанского в Сибирь, Александр I наделил его небывалыми полномочиями. Новый генерал-губернатор ехал в Сибирь в двух лицах – с одной стороны, как ревизор, с другой – как «главный начальник края», которому поручалось провести ревизию, «предать, кого нужно, законному суждению», сообразить «на месте полезнейшее устройство сего отдаленного края и сделать оному начертание на бумаге» (прямой намек на проведение реформ). От него ожидали «видов решительных». Подобные обширные полномочия не могли не льстить самолюбию Сперанского, но и налагали на него огромную ответственность по наведению порядка в Сибири.

На начало XIX века Сибирь, оставалась как бы на особом, но отнюдь не на привилегированном положении, будучи краем, не только труднодоступным, но и трудно управляемым. И виной тому были не столько расстояния и отдаленность от центров, сколько сложившаяся система самоуправления и постоянная нехватка грамотных и дальновидных деятелей. Отсутствие крепостного права с одной стороны благотворно сказалось на населении края, а с другой – лишило притока дворянства, из которого в центральных регионах страны формировался главным образом управленческий корпус. Приезжие чиновники, отправляющиеся за Урал для получения внеочередного чина и служившие, что называется, вахтовым методом, проблемы не решали.

Уже при Александре I были предприняты некоторые шаги в создании новых властных сибирских структур. С этой целью в 1803г. было открыто Сибирское генерал-губернаторство, в ведении которого находились все сибирские земли вплоть до Тихого океана. Но появление нового властного подразделения не смогло решить проблемы, поскольку низовой уровень сибирского управления не справлялся с возложенными на него задачами. Причиной тому были не только огромные пространства, наладить управление которыми спущенным сверху штатом государственных структур оказалось весьма проблематичным. Слабым оставался кадровый подбор служащих, непомерно низкие оклады при слишком широком круге их обязанностей.

Весной 1819 года Сперанский пересек границу Сибири. Первый сибирский город Тюмень произвел на него вид «печальный». В Тобольске он тоже задержался недолго и направился в далекий и загадочный Иркутск, как бы предчувствуя, что именно там находится «корень зла». Добравшись до Иркутска, Сперанский через несколько дней напишет ставшие впоследствии знаменитыми строки: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд... то здесь оставалось бы всех повесить».

Уже первое знакомство с результатами управления краем под началом И. Б. Пестеля и Н. И. Трескина потрясло Сперанского. «Чем дальше опускаюсь я на дно Сибири, тем более нахожу зла, и зла почти нестерпимого», – писал он. Губернатор Трескин был, по характеристике Сперанского, человек «наглый, смелый, неглупый», но «худо воспитан» и «хитер и лукав, как демон». Под стать ему оказались и опекаемые им чиновники: Верхнеудинский исправник Гененштрот, Иркутский – Войлошников, Нижнеудинский – Лоскутов.

Он довольно быстро вник в местные проблемы и обстоятельства с помощью провозглашенной им «гласности». С большим трудом удалось убедить обывателей в

том, «что жалобы на местное начальство не составляют преступления» и Сибирь заговорила, вполне открыто и гласно. Жалобы посыпались, как из рога изобилия. Число их доходило до трехсот в день. В Иркутске в считанные дни была раскуплена вся гербовая бумага, на которой следовало писать жалобы.

В той же Иркутской губернии Сперанский столкнулся с такой развитой системой злоупотреблений, что, говоря современным языком, её нельзя охарактеризовать иначе, как мафиозную. Ревизия вскрыла вопиющие злоупотребления, произвол местного начальства и полное бесправие населения. И в Томской губернской администрации он не нашел ни одного чиновника, не берущего взятки. Ему даже пришлось дела о взятках отнести из разряда уголовных к делам гражданским, распорядившись прекращать их в тех случаях, если взяточники возвращали деньги, полученные от просителя.

В целом же ревизия Сперанского вскрыла вопиющую картину произвола местной администрации во всех сибирских городах. Сам он писал об этом, что общим предметом «следственных дел стало лихоимство во всех его видах». Губернатор Трескин был отдан под суд, а вместе с ним в различных злоупотреблениях оказалось замешано около семисот чиновников рангом пониже. В короткий срок Сперанский смог вычистить сибирские «авгиевы конюшни».

От ревизии к реформам

Итак, первую свою задачу сибирский генерал-губернатор выполнил, придав «кого нужно законному суждению». Но от него ждали большего – подготовки сибирских административных реформ, в которых отдаленный край давно нуждался. Вряд ли Михаилу Михайловичу удалось осуществить задуманный им проект самостоятельно, если бы он заранее, еще до Иркутска, не подобрал в свою «команду» молодых чиновников, не только не замешанных в поборах, но и способных воспринять новаторские начинания своего начальника.

В основе сибирских преобразований лежали, прежде всего, реформы областного управления. Основной идеей этого проекта было создание при генерал-губернаторе областного совета, в состав которого должны были входить военные с достаточно солидным послужным списком и чином. При этом они не могли быть связаны с управлением региона, а потому иметь возможность высказываться на заседаниях совета независимо и непредвзято. Был предусмотрен вопрос об ответственности самого генерал-губернатора перед советом. Все это говорит о том, что автор проекта искал пути к разделению функций надзора и управления в порядке местного администрирования, но этот принцип так и не был им найден. Тогда же им было предложено делению Сибири на Западную и Восточную и открытие в Иркутске генерал-губернаторства, что было осуществлено уже в 1822 году.

Главным, на кого опирался Сперанский и кому поручил заниматься разработкой «Сибирского уложения» – обширного свода реформирования аппарата управления Сибири, определившего правительственную политику в отношении коренных сибирских народов, – был будущий декабрист Г. С. Батеньков. Ими же совместно была подготовлена большая часть проектов, посвященных сибирским ссыльным, в том числе уставы о ссыльных, этапах, а так же были внесены предложения об административном образовании губерний по природным зонам. Не менее важным стал проект «Устава об управлении инородцев», который, кстати, после его принятия продолжал действовать вплоть до начала XX века.

Когда и эта часть работы подошла к концу, то Сперанский, посчитав, что все поставленные императором перед ним задачи он выполнил, сообщил о том в столицу и стал ожидать разрешения о своем возвращении. Дальше управлять Сибирью он не собирался, о чем писал в письмах к дочери: «Независимо от разлуки с тобою, я не могу здесь и потому ещё долее оставаться, что продолжая управление без способов и без людей, я мог бы утратить и честь, и доверие мною здесь приобретённое».

В декабре 1820 года он писал графу В.П. Кочубею: «Все чувствуют трудности управления как в средоточии, так и в краях его. К сему присовокупляется недостаток людей». Свое нежелание оставаться в качестве Сибирского генерал-губернатора он объяснял тем, что: «Управлять ею невозможно; к сему надобны люди и другой порядок». А свое пребывание в Сибири он оценивал как: «Все это потерянное время»!

Сибирь и реформатор

Наиболее полно впечатления о своем пребывании в Сибири Сперанский изложил в письмах к дочери. Первое из них было отправлено 30 мая 1819 года из Тобольска. В нём он характеризует Сибирь как обычную российскую провинцию: «И здесь, любезная моя Елизавета, те же небо, тот же благотворный свет солнечный, те же люди, смешение добра и зла, тот же Отеческий Промысел, объемлющий все пространства, сближающий меня с тобою во всех расстояниях, укрепляющий и исполняющий сердце мое доверием и надеждою». В отличие от многих современников он не увидел за Уралом ничего такого, что могло бы поразить путешественника: «Не слушай рассказов о сибирской природе. Сибирь есть просто Сибирь».

В сибиряках Сперанский увидел «те же пороки; те же глупости; то же терпение в бедных и своекорыстие в богатых. Различие только в том, что здесь, говоря вообще, всем жить широко, земля довольно хороша, и следовательно бедных меньше». А сама Сибирь есть «прекрасное место для ссылочных, выгодное для некоторых частей торговли, любопытное и богатое для минералогии; но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устройства собственности, твёрдой, основанной на хлебопашестве, фабриках и внутренней торговле».

О желании как можно скорее покинуть Сибирь он сообщил в письме от 1 мая 1820 года. «О сем пишу я ныне Государю; доказываю, что мне после сего делать в Сибири совершенно нечего». В то же время он воспринимает свою деятельность в Сибири весьма высокопарно: «Если не много здесь сделал, то по крайней мере много осушил слёз, утишил негодований, пресек вопиющих насилий, и, что может быть ещё и того виднее, открыл Сибирь в истинных её политических отношениях. Один Ермак может спорить со мною по сей части».

Уже в начале сентября Сперанский прибыл в Тобольск и отметил: «Тот же самый Тобольск; но совсем иначе мне ныне представляется. Минувшаго года пред ним стояла грозная туча, Иркутск; теперь туча позади и перед ним яркие цвета радуги. От них всё принимает другой вид. Дела и люди иначе смотрят».

В Тобольске он пробыл более четырех месяцев и, покинув Сибирь, постарался навсегда забыть о ней.

Возвращение

8 февраля 1821 года Сперанский выехал из Тобольска в столицу и уже 22 марта засияли вдали перед ним шпили петербургских строений. А летом 1821 года был создан специальный Комитет для рассмотрения отчета Сперанского о его пребывании в Сибири, который одобрил все его действия и предложения по реорганизации управленческих структур края.

Пребывание в Сибири коренным образом повлияло на Сперанского. По отзывам современников, то был уже совершенно иной человек. Испытание Сибирью не прошло даром. Знакомые с ним люди не увидели прежнего реформатора, ратующего за полное преобразование государственного строя, сознающего свою силу и власть. Перед ними был уклончивый сановник, не гнушающийся лстивого угодничества даже перед Аракчеевым, отозвавшийся печатной похвалою о пользе военных поселений. А после того, как выработанные им или под его наблюдением проекты преобразований в

Сибири получили силу закона, Сперанскому приходилось все реже видаться с императором и его надежды на возвращение прежнего своего значения не оправдались, хотя в 1821 года он и был введен в состав Государственного Совета.

При этом он продолжил работу над сибирскими законопроектами, в которых он предложил создать общие присутствия при губернаторе и в уездах, отделения от полиции судебных и хозяйственных функций, а также реорганизации уездной полиции и укрепления волостного управления. Установленный порядок управления сибирским регионом оказался вполне жизнеспособным, просуществовав практически без изменений около шести десятилетий. Но сибирская действительность в очередной раз не позволила осуществить задуманное, в результате чего эффект от проведенных преобразований оказался минимален. Вряд ли в этом нужно усматривать вину и недальновидность автора проектов. Незаконченность проекта Сперанского по областному управлению легко объясняется, если ознакомиться с взглядами того периода на этот вопрос самого Александра I, который мыслил учреждение в стране наместничеств. И в ряде других вопросов, связанных с управлением Сибирью, неоднозначность позиций реформатора, скорее всего, исходила от тех же причин.

Вряд ли опыт Сперанского, как сибирского управителя, оказался полезен для последующих за ним сибирских губернаторов, поскольку подобными полномочиями никто из них уже никогда не наделялся, а главное, потому что за Урал Сперанский ехал именно как ревизор и лишь потом как её управитель.

Близко знавший Сперанского Г. С. Батеньков искренне верил, что это «вельможа добрый, сильный, и сильный только для добра», который сумеет не только преобразить Сибирь, но и сделать её страной развитой и удобной для проживания. Много позже с нескрываемым пиететом Батеньков напишет: «Память о нем сохранилась во всей Сибири, несмотря на перемену лиц, уставов и дел, ибо многие памятники и очерк учреждения устояли среди всего этого. Личность его нелегко изглаживалась из памяти, и многие семейства помнили добром».

Эпилог

Во времена царствования Николая I Сперанскому было поручено заняться составлением свода законов Российской империи, вышедших в свет в 1833 году. В честь этого на специальном заседании Государственного совета император снял с себя Андреевскую звезду и вручил её Сперанскому в признании его заслуг. 1 января 1839 года в день его 67-летия Сперанскому было пожаловано графское достоинство. Но прожить Михаилу Михайловичу с графским титулом суждено было всего 41 день. 11 февраля 1839 года он умер от простуды и был похоронен в Александро-Невской Лавре, в стенах которой полвека назад начинал своё поприще бедным семинаристом. При погребении присутствовал император, двор в полном составе и дипломатический корпус. На похоронах Николай I будто бы несколько раз повторил фразу: «Другого Сперанского мне уже не найти». Вероятно, таким образом, он давал понять окружающим, что реформ или иных перемен в государстве не предвидится. Сибирские губернаторы могли спать спокойно, поскольку любые реформы и нововведения всегда можно так переделать и подстроить под себя, что выгоду они принесут, прежде всего, правителям, а не тем, кем они управляют. Испытание Сибирью готов выдержать далеко не каждый, будь он даже самый гениальный реформатор и преобразователь.

4. ПЕТР СЛОВЦОВ. «ПРОВИДЕНИЕ ВЕДЕТ ВАС...»

1840 год. Тобольск. Дом инспектора тобольской гимназии Ивана Порфирьевича Помаскина, что рядом с Рождественской церковью. Зима.

На втором этаже кирпичного особняка возле полузамерзшего окна за огромным столом закутанная в шубу фигура семидесятилетнего старика. В кабинете холодно до такой степени, что при дыхании идет пар.

Чернила за пером тянутся густо и не высыхают, а скорее замерзают на больших листах бумаги. Слева лежит стопка чистых – норма на день. Рядом с креслом стоит жаровня с углями, которые его слуга, со странным для здешних мест именем – Полиевкт, время от времени подкладывает, заимствуя из хозяйских печей.

– Ох, барин Петр Андреевич, – ворчит он, гнусая, – профуфыкали весь пенсий свой на гумажки да на посыльных. Сиди тепереча как остяк в чуме. Стыд-то каков! А еще действительные статские... – И с тем уходит.

Словцов не отвечает ему, или привыкнув к ворчанию, или не слыша вовсе за работой. Полста лет мотается за ним Полиевкт по городам и весям Сибири, опекая и оберегая. Вот и недавно, усмотрев, что перо не держат старческие пальцы, заказал каретному мастеру стальное колечко с хитринкой: одевается на палец указательный, а сбоку выемка под перо. Теперь можно и вовсе не держать, как приклеено к пальцу перышко.

Петр Андреевич знает, что лет ему отмерено мало, совсем чуть, но судьба не допустит, чтоб главный труд жизни – «Историческое обозрение Сибири» – остался незавершенным. Судьбе угодно, чтоб начатые дела завершались. Что есть судьба? Божья воля. А человек – орудие помыслов Божьих. Орудие. Малое и слабое. Как это притороченное к пальцу перо.

Через извивы морозных узоров проглядывает, сама как узор, соборная колокольня. Когда увозили его из Тобольска с курьером, не было ее. Только огромная яма зияла желтой глиняной пастью. Вынули такую же глину, обожгли и слепили белую свечу, к Богу обращенную, сияющую пламенем золотого купола.

Не так ли и люди: одни ямы в преисподнюю роют, другие – свечи каждодневным трудом своим ставят. И он чувствует себя свечой горящей, роняющей воск чернил на чистые листы. Голова который год горит жаром желаний. Сухое, плохо слушающееся тело – лишь помеха меж желанием и свершением. Жаль, еще как жаль лучшие годы, которые, как бурчит Полиевкт, расфуфыкал, разменял на перепрыгивание ям и колдобин жизни своей.

Прав был владыка Варлаам, говоривший: «Молодость, молодость... Она как зеленая брага: пены много, а ни вкуса, ни крепости нет пока. Выдержка нужна, терпение...» Пастырь его и наставник, провидец на многие лета. Он угадал в кичившемся дипломом выпускнике столичной Александро-Невской академии скорее пиита, государственного мужа, но никак не келейного затворника, проводящего время за постом и молитвами. Он воспротивился его прошению о постриге и определил срок: десять лет строгого послушания. Десять лет... И двух не прошло, как вышла та злосчастная проповедь. Проповедь? Скорее, воззвание, манифест, а не душеспасительное обращение к страждущим.

Петербургское учение не прошло даром. Северная столица бурлила и кипела новыми веяниями и ожиданием, коль не революции, то иной крамолы типа радищевского «Путешествия...». Тот тоже провидцем оказался – напроорочил себе путешествие, только чуть дальше Москвы, аж до Илимска.

Новиков с «Трутнем». Иллюминаты, масоны, розенкрейцеры... Каждый со своей правдой и прорицанием будущности России. Чего только не наслушался он в свои двадцать лет! Везде успевал, во все вникал и впитывал. Для чего, спрашивается? Чтоб потом здесь, в полусонном Тобольске, свое общество основать? Стать трибуном? Пророком? Стал? Пророков бьют камнями и распинают. Его сослали на каменный остров Валаам.

От клироса до кафедры Софийского собора двадцать с небольшим шагов. Насколько отбросили они его после произнесения проповеди? На двадцать лет? На всю жизнь? А может, приблизили?

– Сегодня, по случаю бракосочетания великого князя Александра Павловича с принцессой Елизаветой, будет произнесена благодарственная проповедь семинарии учителем Словцовым Петром. Многие лета молодым...

Двадцать шагов, чтоб решиться: какую проповедь говорить. Ту, что подписана ректором, или другую, обговоренную давно с друзьями при закрытых дверях в семинарской келье. Они ждут. Должны поддержать, выступить.

Но не видно знакомых лиц в толпе, тяжело дышащей под сводами древнего храма. Желтые огоньки свечей. Желтые лица. Отблески на пуговицах, эполетах, в темных зрачках, к нему обращенных. Знают ли они, что именно сейчас решается судьба человека, делающего два десятка шагов к проповеднической кафедре? Заронятся ли в памяти слова? Вызовут ли ответ и действие? Не так ли и Христос обращался к сынам израилевым со словами разума, горящими и жгучими, как расплавленный свинец? Долог и труден путь пророков. Можно повернуть, остановиться, и никто не осудит. Продолжи послушание. Десять лет – это не так и много. Тебе всего двадцать пять лет. Остановись, одумайся! Поймут ли они тебя? Примешь ли ты сам свою проповедь через десять лет? Не откажешься ли?

Проповедь:

Тишина народная есть иногда молчание принужденное, продолжающееся дотолы, пока неудовольствия, постепенно раздражая общественное терпение, не прервут оно...

Если не все сограждане в одних и тех же законах, если в руках одной части захвачены преимущества, отличия и удовольствия, а прочим оставлены труды и тяжесть законов или одни несчастья, то...

...там спокойствие, считающееся залогом всеобщего счастья, есть глубокий вздох народа после удара...

Правда, что спокойствие следует из повиновения, но от повиновения до согласия столько же расстояния, как от невольника до гражданина.

Что такое монархия? Это великие гробницы, замыкающие в себе несчастные стелющиеся трупы, а троны их – пышные надгробия! И народы в них несчастны и злополучны!

Могущество монархии есть коварное орудие, которое истощает ее... И самая величественная для нее эпоха всегда бывает роковой годиной!

И пошел... Пошел прочь из храма меж расступившимися и опешившими людьми. Как чумной сквозь испуганную толпу. Ни вскрика, ни вдоха. Тишина... Принужденная?

Потом? Потом долгий и многотрудный разговор с владыкой.

Сперва молчал. Лишь, вобрав голову в плечи, впитывал слова-каменья. Владыка умел словом и поднять, и на четверть в землю вогнать. Наконец, ответил. Слово... второе... Начал сам говорить... Владыка слушал.

– Одной веры мало, владыка Варлаам. Знания нужны народу, просвещение. Темен народ.

– Знания без веры что земля без людей. Пусто и тоскливо.

– Европа просвещенней нас и ...

– И королей своих на плаху повела со знанием, от Бога отвернувшись. К тому призываешь?!

– Народ правды ждет...

– В слове Христовом правда. Или скрывает кто ее?

Так и ушел от него, не согласившись с доводами старика. Но ведь благословил его владыка перед отправкой с курьером в столицу. Даже слезу уронил вослед.

Надо бы на могилку к нему сходить. Помолчать. Послушать шум зимнего ветра. Помянуть добрым словом. Кто вот к нему на могилку придет?..

А тогда зимняя дорога до Петербурга промелькнула как один вздох. Ехал и не ведал, что станется. В крепости ли очутится или, как иных, в снега в ссылку пошлют...

Когда привели к самому Шешковскому да взглянул он из-под бровей сросшихся мутными глазами, ох, тяжело было тот взгляд выдержать. Сказал бы кто ранее, что к главному палачу государства всего на допрос попадет, рассмеялся бы в лицо. А тут не до смеха, дрожь бы в ногах унять да в обморок не грохнуться под тем взглядом. В руке у того плетка с длиннющими хвостами. Изверг – не человек. Только дай потешиться.

И проповедь перед ним на столе. Слава Богу, что губернатор впопыхах не тот экземпляр взял для отправки.

А, может, и владыка подменил? С тем, что в храме читал, не отвертеться бы... Заковали бы – и на этап...

А так – на сырой и холодный Валаам. Но и такой благодати врагу бы не пожелал. Хуже арестантских рот. Сырость и холод, и мысль червем могильным точит, что «без срока, без срока...» Помер бы, не иначе, коль не смерть императрицы. Бог помиловал. А там Павел Петрович в числе первых и освободил, вернул к жизни из каменного гроба. Справедливый император был, хоть и с чудинкой, не без этого. Мало пожил, а то б многое изменил в государстве. К лучшему ли...

И опять судьба с Мишелем Сперанским свела. Думалось, надолго. Даже о родстве с ним подумывалось не раз. Марфушенька, сестричка его младшая, глаз не отводила, когда иной раз в гости на чай к ним заходил. Все шло к тому. Поговаривали об обручении. С ней обговорили. Матушке написал уже, благословила...

*«О рок! Со всех сторон ты сердце мне пронзаешь,
Но только ль стрел твоих? Ты, друг мой, понимаешь!
Твоей... боюсь сказать, сестрице возвести,
Что льстился я... Любовь и дружество – прости!».»*

Только, стало быть, неуютно Господу, чтоб их судьбы пересеклись и, соединившись, потекли по одному руслу. Не уютно... Остался один, словно утес подле моря. Вокруг жизнь, счастье людское, а до него лишь брызги суетные долетают, да пена чувств остается жалким воспоминанием.

«Милая матушка!

Спрашиваете Вы о свадьбе моей. Ничего определенного ответить Вам по сему делу пока не могу.

Вам не хуже моего известно, что, будучи человеком без состояния и положения в столичном обществе, помыслить о сем благе не могу. Представлялась вакансия на место столоначальника в Департаменте, в коем должность свою исправляю до сей поры. Но вышло так, что место прошло мимо или я мимо места. Человек, как известно, предполагает, а Бог располагает. А с моим скромным жалованием обрекать себя и невесту на более чем скромное существование никогда не решусь.

Смею Вас заверить, что определенных гарантий своей избраннице я не выказывал и потому она всегда вольна сделать свой выбор как заблагорассудится ей.

Служба ж моя от прочих мало чем отличается и особо представлять Вам о ней даже не знаю что.

В прошлом месяце справил себе новый сюртук и меховую шапку для выходов.

Покорнейше благодарю за пересланные мне носки и шарф. Вами собственноручно вязанные.

*Желаю всемерно здравствовать и беречь здоровье свое. Кланяйтесь всем знакомым нашим и продлит Господь их светлые дни во блаженстве.
При том Ваш сын Петр».*

А каково было матушке ждать безутешно весточек от него столь редких и малоутешительных. Сколько она, верно, молитв вознесла, чтоб послал Господь внучат ей на старости лет понянчить, повозиться с ними досыта. Не пришлось...

И только начали дела по службе продвигаться до известной степени успешно и из ведомства генерал-прокурора был переведен в Министерство Коммерции, как... А ведь был, можно сказать, в фаворе у светлейшего графа Румянцева. Непосредственно по его поручению отбыл на юг к берегам Черного моря, где и пробыл целый год, год воцарения на престоле Александра Павловича. Совпадение ли иль просто причуда очередная судьбы, но на его бракосочетание и проповедь была произнесена. Знал ли он о том? Вряд ли... Но бриллиантовый перстень за ту поездку был преподнесен от его имени. Личная благодарность, а то великое почтение для коллежского советника.

И сколько важнейших документов, манифестов государственной важности составить пришлось! Доверяли. Чтили как способнейшего и полезнейшего. Следом уж и следующий чин шел, а там бы... как по мраморным дворцовым ступеням... Вверх... Вперед... Что с того, что попович?

И камнем на голову вдруг арест... Следствие...

Из доклада Министра Коммерции и внутренних дел Его Императорского Величества.

Коллежский Советник Словцов и Надворный Советник Папин, по служению их в Департаменте Министра Коммерции, нарушили обязанности службы и начальническое к ним доверие, позволив себе – принять денег: от Гедейштрома Папина 6000 рублей, и подарков на 700 рублей.

Словцов же из того числа от Папина 2000 рублей, в чем по записательству его уличен от Папина в Присутствии Министров достаточными доказательствами.

Приняв во уважение на опытах известные Таланты и Способности Коллежского Советника Словцова и Надворного Советника Папина, прежде сего в подобных Преступлениях и ни в каких Пороках незамеченных, а к содеянному и вине приведенных Соблазном обольщения, исключив из службы по департаменту Министерства Коммерции, первого, по той пользе, которую служба от него получить может, велеть Ему явиться к Иркутскому Генерал-Губернатору, для определения там на первооткрывшуюся вакансию, или по его усмотрению к делам особо Генерал-Губернатору порученным, возбравив при том ему Словцову, выезд из того края.

Граф Николай Румянцев.

Вот тебе и благодетель, светлейший граф, покровитель, заступник. До самого государя дело дошло. Кому-то очень на руку случилось происшествие неимоверно раздутое. Приписали взятку, которую сроду не помыслил брать. В долг – да. Да еще с процентами великими. И ведь кто-то прознал, разнюхал, донес. Кому-то, верно, поперек дороги стоял. А повод найти для поповского сына, что чихнуть со сна. И довели до государя, дабы от его имени ссылка шла. Выше его лишь Бог в России...

«Граф Николай Петрович!

Служащим в департаменте Коммерции. Коллежскому Советнику Словцову, и департамент Водяных Коммуникаций Надворному Советнику Папину, употребившим во зло доверенность им по должности и покусившимся на известные вам преступления законов, Повелеваю вам исключить первого из службы по департаменту Коммерции, приказав Словцову явиться к Сибирскому Генерал-Губернатору, которому по

уважению талантов Словцова определить к должности на первооткрывающуюся вакансию, или по его усмотрению.

Возбранить выезд из Сибири.

Пребываю Вам Благосклонный навсегда.

На подлинном подписано Собственною Его Императорского Величества рукою тако

АЛЕКСАНДР

В Санктпетербурге февраля 18 1808 года».

Что мог ответить оболганный человек светлейшему графу и самому императору? Покаяться? Но в чем? Что брал взаймы? Еще беречь тот гнойник, до которого никому ровно дела нет. Зачем? Но принять приговор безмолвно тоже нельзя. Надо что-то ответить... Писать... Но перо в руке не держится и рука не слушается, слезы струятся на лист...

«Милостивый государь!

Простите, что не рад исполнению приказа Вашего Сиятельства.

Пробуждение сегодняшнее было необыкновенное, едва мог я остановить слезы невольные. Я остановил их, поелику в сорок лет может быть успею еще в будущей жизни нарыдаться.

Так точно я говорил уже в воображении моем все угрожающее, и решился на все, пишу и объясняюсь.

Оговор мой называю ложью. Показания за Надворным Советником Папиным, сделанные им, утверждаю; потому что я получил от него две тысячи и сто рублей, а то деньги данные в долг. И в том уверении считал, что ничем за сие не обязываюсь по службе.

Никогда и ни в чем не кривил я делом или совестью в делах службы ни в уважении приязни, ни в уважении какого-либо одолжения или поступка.

Не с тем пишу я Вашему Сиятельству, чтоб хотел я уменьшить мою вину или чтобы страшило правосудие. Правосудие законов для меня не страшно – правосудие совести страшнее. Она обвинила меня, и этого уже довольно.

Я готов на все и думаю, что Бог милосерден и даст мне силу без ропота выслушать определение обо мне.

*Есть с совершенным почтением Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Петр Словцов.»*

Последние строки, писанные в Санкт-Петербурге. Пятнадцать лет мелькнули сырыми, длинными свинцовыми ночами. Так бросают опостылевшего любовника. А была ль она, любовь? Или лишь наваждение греховное? Блуд по министерствам и департаментам. Достижение недостижимого...

И с невских берегов – на иртышские. Прощай, Европа, прощайте, дворцы, милая сердцу Марфинька, любезный Михаиле Михайлович, не поминайте лихом горемыку печального.

Воистину сказано: блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить на Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах.

А про русского мужика сказано: не в свои сани да не садись... И в услужение к сибирскому Генерал-Губернатору Ивану Борисовичу Пестелю. Кто ж тогда ведал, что его-то сынка новый царь отличит через короткий срок высшей государственной наградой – тугой петлей.

Туда по последнему санному пути, по налившемуся водой снегу, по ломающимся под санями переправам, словно на похороны или поминки, тащились. Спеша не спеши, все одно не успеешь. А в сонном Тобольске и году не пробыв, уже в январе— обратно в столицу! Не может быть, чтоб не простил государь! Он же у нас милостив и отходчив. Родней отца родного, пожурит и отпустит.

Иван Борисович—душа-человек. Покряхтел, поморщился, да и взял с собой в канцелярии, словно документ ценный. Все по закону, по службе.

Добрались с Божьей помощью уже до Новгорода. Оттуда, как горожане шутят, слышно, как петербургские собаки одна на другую гавкают. Вот и гавкнулось! Приспело навстречу обозу письмецо от Мишеньки Сперанского. Был словно угорь скользкий, таковым и остался. Дыму напустил, елею столько, что и не разобрать, о чем писано. Одно понятно — не поможет.

«Письмо Ваше, любезный мой Петр Андреевич, с известием о возврате Вашем сюда много меня обрадовало.

Нельзя еще теперь определить ни надежд Ваших, ни страхов: ибо все с Вами случившееся не входит в обыкновенные человеческие разчеты.

*Ваш путь особый и **Провидение ведет Вас** совершенно по - своему. С сей точки зрения, Вы непрестанно должны смотреть на все происшествия Вашей жизни, ничего не ожидать положительного и на все быть готовым.*

Я желал бы, чтобы в Москве или где-нибудь дождались Вы Ивана Борисовича, чтоб в Петербург приехать вместе...

18 января 1809 г.

Михаил Сперанский».

А на Москве второе письмо с очередным увещанием:

«...Сам ты видишь, любезный мой страдалец, что трудно против рожна прати, лучше покориться. Бросим все замыслы: ни чего не надейся, не желать и не мыслить, как токмо о едином.

Верю, что Провидение ведет тебя особенно: ибо все человеческие способы и усилия противны твоему влечению, как брение сокрушаются.

В Москве у Ключарева найдешь мое письмо. Советую тебе с ним познакомиться: он, может быть, утешит и несколько поднимет упавший дух твой силою веры. Других утешений представить тебе не могу: ибо не взирая на разность положений и сам их не имею.

Размысли, что ты потерял? — Случай гордости и пищу самолюбия, а более не чего. Можешь ты сказать мне в укоризну сих советов: но истина не относится к лицу, и я, который тебе советую в твоём положении, может быть, был бы еще прискорбнее и не утешнее.

Прощай: Богу, Вере, Надежде и Славе — Единому Существу тебя поручаю.

О деньгах не беспокойся, — долг будет здесь заплачен.

5 февраля 1809 г.

Михаил Сперанский»,

«Провидение ведет Вас...» Слабое утешение. Но иного не было. Хотя были другие письма, писанные еще ранее, в Тобольск, но могут ли они прибавить сил, очистить сердце и душу от печалей, горестей и тревог? Помогут ли они пловцу, выброшенному на пустынный берег, найти кров. пищу, спасение? Письма хороши в радости, а в беде нужна помощь иная. Действенная. Но это и доказательство дружбы и приятие участия в судьбе выгнанного со двора человека. Нет, все ж таки милы сердцу, эти высокопарные и риторические письма. Милы и приятны...

«Любезный Петр Андреевич!

Кто взял на себя крест и положил руку на рало, тот не должен уже озиаться вспять и что, впрочем, озираясь, он увидит? Мечты и привидения, все похоть очесть и гордость житейскую.

Великая разность, друг мой, идти путем умозрения и путем действительного терпения. Мы умствуем, а тебе милосердное Провидение назначило действовать. Будь же его орудием верным и не разногласным. Человек с той минуты приобщается точно истинно Сыну Божию, везде присутствующему и вседействующему и разделяет честь Божества, когда он прилагается воле Божией покорностью своей воли.

В чем состоит то единое на потребу, коего требует любовь, и без коего не может быть истинного соединения. Впрочем, царствие Божие близ есть. В миллион веков, кои нам прожить остается, действительно настоящая жизнь есть мгновение: как же тут различать годы, месяцы и дни? Как найти в сей бездне расстояние Сибири от Петербурга? Как определить положение и предел различных мельканий, что мы называем участие и происшествиями нашей жизни?

Не соблазняйся однако же, друг мой, приливом разных суетных помыслов, вспомни нашего доброго Фому Кемпейского. Сего утра я читаю: «Вся наша жизнь есть ряд перемен; то мы спокойны, то тревожны, то набожны, то хладнокровны, то степенны, то легкомысленны. Но разумный человек и хорошо знакомый с духовными предметами остается непоколебимым среди стольких угнетающих переворотов, не обращая внимания, с которой стороны дует ветер непостоянства, но устремляя свои взоры к лучшему концу, к которому должно все стремиться...»

Не удивитесь, что, вместо Петербургских новостей, пишу вам вещи мало к Петербургу принадлежащие.

Сия беседа есть единственно для меня и для Вас интересная. Прочее все пусть идет как может: мы знаем, что как бы колесо не вертелось, а с оси Провидения не спадет и с пути своего не совертится.

Впрочем, учитель наш сказал: «Царство мое несть от мира сего», а следовательно и новости его к Вам не принадлежат; вообще же сказать: старое идет по старому.

Прощайте, мой любезный! Душевно Вас обнимаю, Божию благословлению Вас поручая.

Не забывайте меня в Ваших утренних размышлениях.

22 июля 1808 г.

Михаил Сперанский».

...Дружба есть дар Божий. Захочет – наградит, пожелает – покарает. Он, Мишель, предпочел высочайшую милость дружеской привязанности. Но что может быть переменчивее более, чем монаршая милость? Не гоже, ой, не гоже было забывать Мишелю о своем поповском происхождении. Думал, что умом и талантами можно всего в этом мире добиться? Можно-то можно, да как на том верху удержаться, если ты не Милославский или Ромодановский какой, предки которых от самих Рюриков пошли.

Путь от владимирского сельца Черкутино до столичных проспектов не так и велик, но обратно он всегда короче. Вот и отправился Мишель в бессрочную ссылку в аккурат накануне войны двенадцатого года. И его повлекло провидение по торной дорожке оговоренных и опороченных. Не он первый, не он последний...

Тяжело человеку подниматься с колен, и не столько физически, как нравственно. Но Сибирь издревле была страной униженных и оскорбленных. Так уже повелось, что и правый и виноватый находили приют в ее просторах. Всем она становилась матушкой, пусть и не родной, но утешение в ней от бед и мытарств находили многие.

*«ГОСПОДИНУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.*

В именном Его Императорского Величества Высочайшем указе, последовавшем на мое имя в 18 день февраля 1808 года, сказано: Коллежского Советника Словцова (служащего в Департаменте Министерства Коммерции), по явке его ко мне, определить во вверенном мне крае на первооткрывшуюся вакансию, или, по собственному моему усмотрению, к делам, особо мне порученным.'

В следствие сей Высочайшей воли означенный Словцов причислен был к делам моей Канцелярии.

Ныне, по случаю открывшейся в Иркутске вакансии Совестного Судьи, определил я его к сей должности.

О чем не излишним почитаю Ваше Высокопревосходительство известить, так как бумаги от отправления ко мне Словцова из Министерства Внутренних дел (в прежнем составе оного) должны были поступить после уже в Министерство Полиции; то чтобы и определение Словцова было оному ведомо.

Генерал-Губернатор Иван Пестель. 26 декабря 1814 г.»

Итак, совестной судья. Должность после столицы не ахти какая, но все одно должность. Вести дела о наследстве разорившихся купцов и мещан тоже кому-то нужно. Опять же все сырые да убогие к совестному судье за последним словом сходятся. Битый да грабленный, собаками травленный, все без сапог идут на порог.

А там и времечко быстрее побежало, верно, всегда так на пятом десятке жизни спешит оно, поторапливает. Через год-другой определен был на директорскую должность всех Иркутских училищ. А училищ тех число на пальцах перечесть можно. Народец сибирский к грамоте не шибко прилежный, все более о пропитании помышляет, а книжки читать считалось делом господским, не для простолюдинов.

Однако же шестнадцать новых приходских училищ по губернии удалось с Божьей помощью открыть, свято место пусто не бывает, нашлись охотники до учебы. Но директорская должность, почитай, хуже губернаторской. То течет, то горит, то заболел кто или вовсе помер. Весь спрос с директора, а помощь опять же лишь от Бога ждать можно.

И кто знал, что с Мишелем Сперанским придется свидеться на иркутских бревенчатых мостовых?! Кто знал... Пошел Мишель таки в гору. Правда, уже не по столичным паркетам, а по сибирским таежным трактам исполнял должность генерал-губернаторскую. Но на этой стороне принято говаривать: «Бог на небе, царь в столице, а губернатор туточки». И судья, и закон, и Божий наместник. Поснимал он местных начальников, суду предал, думал одним тем и порядок навести. Да где их, честных начальников, нынче возьмешь? Человек не ангел, и как ни крути, а на грех его чаще, чем на благодать, тянет.

Посидели с Мишелем вдвоем, повспоминали былое, повздыхали. Он к тому времени фигурой раздался, головой оплешивел, лишь глаз все с тем же прищуром, да язык остер остались. Думали о переустройстве правления сибирского, разные проекты предлагали новые. На том и расстались.

И в том же 1819 году Министр Народного Просвещения князь Голицын получает от Его Величества Высочайший рескрипт:

«...Поручить Коллежскому Советнику Словцову осмотр учебных заведений в губерниях: Томской, Тобольской. Казанской, Пермской и Вятской.

Равным образом впредь употреблять его на службу по учебной части в губерниях, составляющих Казанский учебный округ и назначить Визитатором училищ».

Но в пятьдесят лет трястись на перекладных по просторам родной Сибири! Мерить тысячи верст в жару и мороз, словно какой фельдъегерь, нет, поищите кого помоложе. Однако в дело вмешался Попечитель Казанского округа Михаил Леонтьевич

Магницкий. Человек старых правил, с которым нужно почесть за лучшее не портить дружеских отношений. Тот от своего не отступится.

«...Усмотрите вы, любезный Петр Андреевич, что вам невозможно уклоняться от звания Визитатора.

По мнению моему и долг и пристойность требуют, чтоб вы вступили в сие дело положительным образом, то есть по первому зимнему пути отправились бы по крайней мере до Тобольска.

Здесь вместе мы посоветуемся, должно ли и удобно ли будет с вашим здоровьем продолжить путь до Казани. Не считайте совет мой пристрастным, хотя удовольствие видеть вас в Тобольске и имеет тут вид пристрастия...

Ваш покорный слуга Михаил Магницкий».

«Покорный слуга...» – как бы не так. Скорее наоборот. Но пришлось оставлять уже надолго гостеприимный Иркутск, опускаться в возок, мчаться в Тобольск, а оттуда уже и в Казань. Там и получено было одно из последних писем от Мишеля Сперанского.

«...Посылаю Вам, любезный Петр Андреевич, время и вечность: часы и Библию. Пусть первые напоминают Вам смерть и разлуку, а вторая – верное наше соединение в Спасителе нашем. И здесь живущие его духом не разлучаются, а там и разлучиться не могут. Время было бы несносно, если бы оно не приближало нас к вечности. Для странников, измученных жизнью, бой часов есть голос друга, зовущего к покою. Прощайте, вспоминайте меня в лучшее время жизни, в молитвах и добрых размышлениях. Желайте, чтоб тихая рука смерти с верою, любовью и надеждою закрыла мне глаза, зрелищем ложного света давно утомленные.

Сего желать вам не перестану.

24 июля 1820 г.

Михаил Сперанский».

И начались поездки по всему краю, проверки учителей, их учащихся. Визитатор вправе устранить от должности любого учителя, открыть или закрыть школу, гимназию. Прав много, а средств и путей их выполнения совсем нет.

Вся надежда на общественность. Но потихоньку число учеников к 1826 году увеличилось до 2000 против прежних 600.

ЖУРНАЛ О ВИЗИТАЦИИ

Сего 1822-го года Июня 20-го дня Господин Визитатор Сибирских Училищ Словцов по прибытии в залу Гимназии в 8 1/2 часов по полуночи, куда прежде собраны были ученики Тобольских Приходских Училищ, производил им подробное испытание до 2-го часу по полуночи по всех предметах в Приходских училищах положенных, а именно:

- 1. По Божоявленскому Приходскому училищу учеников было 28 человек.*
- 2. По Христорождественскому Приходскому училищу учеников было 21 человек.*
- 3. По Богородицерождественскому Приходскому училищу учеников было 13 человек.*
- 4. По Тобольской гимназии 40 человек.*

Прослушаны были в чтении порознь из разных книг; для чего каждый ученик вызван был Господином Визитатором особенно и заставляем читать книги на Славянском и Российском языках.

В Арифметике: первые четыре действия; большая часть вопросов и задач предлагаемы были Господином Визитатором.

Рассматриваемы были ученические Прописи и каждый из учеников заставляем был что-нибудь написать на доске.

Июня 21-го дня с 8 1/2 часов пополуночи до 2-го часа пополудни продолжаемо было испытание ученикам Тобольского Уездного училища в первом и втором классе, где учеников было 39 человек.

При сем присутствовали: исправляющий должность Директора Григорий Протопопов и Законоучитель Иерей Петр Михайловский.

И так изо дня в день: испытания, чтения, проверки... Тут без строгости нельзя, но и свирепствовать особо ни к чему. Но если ученики показывали неудовлетворительные знания, то учитель лишался должности незамедлительно.

Казанский наш Попечитель следил за всем происходящим зорко и пристально. Думается, что были у него свои люди в округе, которые неизменно доносили обо всем.

А потом пошли чины и награды. Сперва Статского Советника, а через пять лет уже и Действительный Статский. И орден Святой Анны II степени с алмазными украшениями. Уже по выходу на пенсию орден Святого Владимира III степени с полным пенсионом в 3000 рублей.

И... через Генерал-Адъютанта пришло высочайшее разрешение продолжить службу в любом российском городе без ограничения.

Прощен! Наконец прощен и все забылось, укатилось талой водой! Первое желание – завтра же в Петербург. В столицу. Но прожитые годы прибавляют ума и опыта. Один из друзей, прознав про то, даже прислал страстное письмо:

«Петр Андреевич! Пламень недоброжелательства врагов Ваших в Петербурге, может быть, повидимому, и угас. Но вздумайте сами, нет ли искр под пеплом, которые в присутствии Вашем не образовали бы нового пламени.

После бурной нашей жизни и приметах старости не славы и чести, но покоя и душевного спасения следует желать вам».

Десять бы лет назад пришло прощение... Может, и можно было решиться на подобный шаг, дабы начать все изнова. А в шестьдесят лет без семьи и состояния покидать Сибирь неожиданно расхотелось. Так было решено и исполнено. Тобольск тоже столица. Приют и кров дает каждому. Душа жаждала покоя, ум – отдыха, тело – заботы. Провидению угодно было остановить выбор у крутого иртышского берега. Сюда и пришло последнее письмо от уже светлейшего графа Мишеля, который тоже пребывал на покое, проводя все годы в борьбе со своим поповским происхождением.

«Давно, любезный Петр Андреевич, собирался я к вам писать, но все отлагал до того времени, когда смогу сказать вам что-нибудь приятное и решительное.

Третьего дня Князь Ливен мне объявил, что желание ваше и мое сбылось. Государь пожаловал вам полный пенсioen. Зная, сколь нужна вам сия милость к устройению и успокоению вашему, от всего сердца вас поздравляю.

Прослужив с честью и пользою Государству, вам остается теперь дослуживать свою службу великую, но не тяжелую, нести иго благое, и бремя легкое – Господа Спасителя.

Сколь часто среди дел и сует, меня обуревающих, думая о вас, наслаждаюсь мысленно вашим положением. С тех пор, как мы расстались в Иркутске, мысли мои, слава Богу, в сих существенных отношениях ни в чем не изменились, и мысли, когда прииду и явлюсь лицу Божию, везде и всегда со мною.

Поручаю себя вашим воспоминаниям и молитвам, и точно молитвам: ибо я в глубине души уверен в действии молитвы, не только за себя, но и за других.

Господь да будет с Вами.

Р. С. Для чего бы вам хоть изредка, при большом вашем досуге, не написать ко мне строчку, сказать слово утешения. Это была бы суцая милостыня нищему, дар

бескорыстный; ибо отвечать вам я не в силах, но каждую почту рад читать ваши письма, – не о Сибири и делах ее, но о вас самих и деле Божием.

Октября 3 дни 1829 г.

Михаил Сперанский».

А как можно не писать о Сибири?! Она и мать, и мачеха, и тетка злая, и девица красная. Сколько радостей и горестей с ней пережито. Без нее никуда... А россияне если и не поняли этого, то поймут со временем. Обязательно поймут.

«...Решите вопрос психологический: почему наше воображение всегда в прошедшем, в котором смешивается, по крайней мере, по равному количеству огорчений и удовольствий, освещает одне приятныя выдержки, а все черное или бросает в не приметные дали, или в тени погружает!»

Самая горести, самая слезы, после того, как они обсохли, не представляются ли нам в радужных цветах?

Вообще воспоминания, несколько крат переломившись, так сказать, в кристалле воображения, при разных разложениях чувствительности, не подлежат ли метафизической игре цветовых отливов, как в атмосфере радужные дожди?»

...И вновь склоняется к чистым листам бумаги старческое упрямое лицо и озябшая рука наносит пером все новые буквы, цифры, имена, передавая потомкам историю Сибири, которую до него столь полно никто собрать воедино не мог.

Он точно рассчитал свои дни и едва ли не часы, чтоб успеть закончить труд по «Историческому обозрению Сибири». Тринадцать лет в отставке на пенсии не прошли даром: каждый день был потрачен на написание огромного и едва ли возможного для одного человека труда.

Первый том сочинения вышел в свет в 1838 году, включив в себя события с 1588 по 1742 годы. Второй том был выпущен в 1844 году, уже после смерти Петра Андреевича. За несколько дней до смерти он отправил рукопись в Петербург.

28 марта 1843 года в теплый солнечный день умер давно простивший всем несправедливое отношение к себе и примирившийся с миром печальный изгнанник и неутомимый труженик. Мир его праху, что покоится у кладбищенских ворот Завального кладбища.

Воистину провидение вело всю жизнь своего избранника, насылая то горести, то огорчения и многие испытания, чтоб вывести его на главное дело жизни – историю Сибири. Современная наука была бы далеко не полной без этого титанического труда.

«Сибирский Карамзин» теперь мало кому известен, да и интересен совсем немногим. Но, думается, что и здесь провидение поступило с ним по собственному расчету, спрятав труд от нашего поколения, чтоб более сведущие и образованные потомки могли оценить тот золотник во всем блеске и великолепии.

5. ВАСИЛИЙ ПЕРОВ. НЕУСЫПНЫЙ ТРУЖЕНИК

Барон Криденер и его тобольские крестники

Достоверно известно, что Василий Перов родился в Тобольске. По неточным сведениям 21 декабря 1833 г. Во всяком случае, документального подтверждения этой даты на сегодня не имеется. Дело в том, что родился он вне брака, а, возможно, был и приемным сыном барона Григория Карловича Криденера, который на тот момент служил тобольским губернским прокурором. В силу «строгости законов» того времени он не мог дать сыну свою фамилию и долгое время мальчик рос бесфамильным, что довольно часто встречалось в прошлые века. О матери нашего героя сведений не

имеется. Даже имени ее история для нас не сохранила. Верно, была она из незнатного податного сословия из мещан, а то и из крестьян.

Барон Криденер вел свое происхождение из балтийских немцев, со временем изрядно обрусевших и принявших православие. Об этом говорит тот факт, что ему случалось быть в Тобольске «восприемником», то есть крестным нескольких новорожденных, что исправно зафиксировано в метрических церковных книгах. Лютеранин или католик на эту роль не подходил. Да и столь важный пост губернского прокурора мог занимать лишь православный человек. Когда мои познания в тонкостях архивного дела были еще на уровне совсем зеленого исследователя, то заведующая читальным залом Тобольского архива Тамара Анатольевна Панова «по секрету» сообщила мне, что нашла фамилию Криденера, губернского прокурора, в архивных фолиантах.

Запомнив столь редкую для русского уха фамилию, сам через какое-то время случайно наткнулся на любопытную запись в метрических книгах, где фиксировали вновь рожденных за «14 мая 1832 г. в приходе церкви Рождества Богородицы крещена Господину Прокурору Крединеру подкинутый младенец Ольга. Молитововал и крестил священник Баженов при дьячке Резчикове. Восприемница Тобольского Полицмейстера Александра Гавриловича Алексеева жена Пелагея Кондратьевна».

Да простит читатель за плохо воспринимаемый стиль документа. Выражаясь современным языком: губернскому прокурору подкинули ребенка, которого при крещении нарекли Ольгой. Восприемницей сироты или как сейчас принято говорить, – крестной, – вызвалась стать жена тобольского полицмейстера. По какой причине подкинули ту девочку именно Криденеру (в документе его фамилия записана с искажениями, верно, писали на слух) можем лишь догадываться. Подкидышей несли обычно к дверям состоятельных людей. А имел ли прокурор какое-то отношение к появлению на свет той сироты, Господь знает.

Чуть раньше в том же году 13 марта в приходе Рождества Богородицы Криденер крестит сына Александра у «Титулярного Советника Захара Корнеевича Карпенко-Бережневского». Еще через год 17 июня 1833 г. в приходе Богоявленской церкви губернский прокурор Григорий Карлович записан как Надворный Советник Круднер. Он все с той же Пелагеей Кондратьевной Алексеевой значатся в восприемниках на крестинах у новорожденного сына Александра «служащего в Совете Тобольского Губернского правления чиновника 12 класса Петра Семеновича Теодорова».

Не удержусь от соблазна и сообщу читателю, что в приходских метриках отыскивал своих собственных родственников и нашел в приходе Петропавловской церкви дату крещения. Александры Никифоровны Ольховской – 22 июня 1832г, которая приходится мне не больше и не меньше как пращуркой (есть такой термин в генеалогии, означающий прабабушку моей бабушки). Правда, крестный ее был не столь значим по чину.

Служить бы рад...

Но вернемся к Григорию Карловичу Криденеру. Он был не только добрым отцом, но, как сейчас принято говорить, всесторонне воспитан и развит: владел несколькими иностранными языками, играл на скрипке и фортепьяно и даже был не чужд сочинительства. Почему же при его дарованиях и социальном статусе (барон!) он оказался столь далеко от столиц? Пил? Играл в карты? Дрался на дуэлях? Насчет этих пороков биографы В. Г. Перова ничего не сообщают, но в один голос заявляют, что был барон невыдержан в своих высказываниях, особенно когда это касалось вышестоящего начальства. Кто же подобное потерпит хоть тогда, хоть в наше демократическое время?! Советую проверить. И тогда вы узнаете, почему distinguished барон долго не задерживался на одном месте службы. Хотя документально эти факты не зафиксированы. Тем не менее, и в Тобольске Григорию Карловичу долго не

послужилось и, став крестным нескольких малышей, через год после рождения сына, вполне возможно приемного, он переехал на службу в Архангельск.

Думается, слава о его злом язычке и колкостях в начальственный адрес бежала если не впереди барона, то шла об руку с ним. Может, намекнули барону, а может, сам понял, что роста по службе ему не дожидаться исключительно в силу собственного характера и через два года он подает в отставку. Его биограф на этот счет выразился довольно скупой: «из-за французских стихов, написанных им на всю губернскую администрацию». Семья на какое-то время обосновывается в Петербурге, а затем перебирается в родовое имение «Суслан» в окрестностях г. Юрьева, принадлежавшую старшему брату рода Криденеров – Морицу. Затем была деревня Кротовка в Самарской губернии, которой владел зять дочери барона от первого брака, а потом деревня Кольцовка, принадлежавшая уже другому зятю.

Проба пера

Именно здесь маленький бесфамильный пока Василий по обычаю того времени был отдан на обучение к священнику, а от него к заштатному дьячку. А кто еще мог обучить грамоте в глухой деревне? Зато мальчик получил первые уроки по грамоте, письму, арифметике и Закону Божию. Существует легенда, будто бы за особые успехи по части чистописания он и получил фамилию Перова.

В 1842г. барон с семьей переехал в Арзамасский уезд Нижегородской губернии управляющим имения «Саблуково». Тут будущего живописца постигла жестокая оспа, в результате которой он едва не ослеп, а отметины от нее носил всю жизнь на своем лице. Волею случая в имение прибыл живописец из Арзамаса, которому барон поручил исправить изображенную рядом с ним на портрете собаку. Василий тут же принялся подражать художнику и озадачил того тем, что довольно точно схватывал основы рисовального искусства и этот факт оказался основополагающим в судьбе будущего великого русского живописца.

После того как В. Г. Перов закончил за три года курс в Арзамасском уездном училище, показав особые успехи в рисовании, встал вопрос: где ему продолжить образование. Для родителей более престижной виделась Нижегородская гимназия, но нашлись люди, которые настойчиво рекомендовали отдать талантливого мальчика в художественную школу А. В. Ступина в Арзамасе. Родители долго не соглашались, справедливо считая, что профессия художника в России далеко не самая легкая и престижная. К тому же в нравственном отношении выпускники подобных школ оставляли желать много лучшего: пьянство и художник уже тогда были синонимами. И тем не менее победил талант и в 1846г. Перов поступил в школу Ступина, но на особых условиях, что будет посещать школу лишь два раза в неделю, а остальное время заниматься дома. Так родители хотели уберечь мальчика от общероссийского порока. Но уже через три месяца мальчик явился домой в изрядном подпитии, чем произвел всеобщую семейную панику. Чтоб дать сыну возможность доучиться барон Криденер переезжает в Арзамас и снимает квартиру прямо напротив училища, чтоб более полноценно производить родительскую опеку. Может излишними были родительские опасения, а, может, как раз вовремя усилили они свой надзор за развивающимся талантом, «соломку подстелили», но на протяжении всей дальнейшей жизни проблем с выпивкой у Перова не было.

Первая картина

На первых порах ученикам художественной школы запрещалось писать масляными красками и тогда Перов тайком от всех начал писать копию с картины кумира тогдашней живописи Брюллова. Но бдительный учитель застал пятнадцатилетнего мальчика за этим занятием и ... неожиданно похвалил, разрешив и дальше работать по маслу. Биограф пишет: «как прежде в рисовании, так теперь в живописи он доходил до

всего сам, почти без посторонней помощи, если не считать помощью указаний других лиц, матери и товарищей, на предметы занятий».

В 1849г. семейство Криденеров совершает очередной переезд, а Перов остается в Арзамасе, предварительно дав матери слово, что «не будет увлекаться дурным примером своих товарищей». И надо сказать, что слово свое он сдержал и даже пошел на разрыв со сверстниками, закончившийся крупной ссорой, после которой подросток в очередной раз в прямом смысле пошел своим путем и, забрав вещи, вернулся в родительский дом, пройдя пешком 35 верст.

Сколько нам известно примеров, когда тот или иной молодой человек, одаренный талантом, оставшись недоучкой всю свою дальнейшую жизнь посвящал сетованиям на окружающий мир, на несправедливое к нему отношение и тому подобное. Примеров множество. Но гораздо реже встречаются таланты, которым Бог дал еще и характер или они сами выработали, выпестовали его. Таким житейские бури и дразги нипочем. Они видят цель и идут к ней, не опускаясь до обвинения других. Их принцип: человек помощи себе сам.

Перов, несомненно, имел характер и, оставив обучение (может быть как раз вовремя), продолжил занятия живописью. Выбрав одного из своих сверстников, он сделал его натурщиком и в великий пост принялся писать картину «Распятие Христа». Для этого он сколотил большой крест, в него кольца для рук и ног, куда поместил своего натурщика, привязав того для верности широкими ремнями. Шесть недель шла работа и добровольный помощник терпеливо сносил страдания, оставаясь распятым на время сеансов. Когда картина была закончена, то Перов с гордостью направился с ней в церковь в соседней деревне. Но церковь оказалась старообрядческой и священник предложил юному художнику сделать некоторые изменения на картине, что по его понятиям должно было соответствовать канонам его церкви. Живописец вновь проявил характер, сделать изменения отказался и отправился к церковному старосте другого села, где картину приняли с радостью и без всяких претензий. После этого, осознав себя мастером, он с жадностью накинулся на работу, за короткий срок, написав портреты отца, нескольких родственников и свой автопортрет.

Обучение в Москве

При всем том он понимал, к счастью и родители тоже, что процесс обучения далеко не закончен. В 1852г. Перов вместе с матерью отправился в Москву, где поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества в класс к преподавателю Н. А. Рамазанову. Видимо мать, пристроив сына в престижное училище, вернулась обратно к семье, поскольку биографы указывают, что его «приютила одна почтенная старушка очень тепло относящаяся к Перову, постоянно оказывая ему и нравственную, и даже материальную поддержку, когда отец его, обремененный большим семейством и сам крайне нуждавшийся, принужден был прекратить всякую помощь сыну и перестал присылать ей деньги на его содержание». Когда его хозяйка умерла в 1855 г., то Перов хотел было бросить обучение и уехать куда-нибудь в провинцию учителем рисования. Но помогли училищные преподаватели: один из них взял его к себе на квартиру, а другой записал на свое имя, освободив от платы за обучение.

Первые награды

В 1856г. за свою работу (этюд) «Голова мальчика», написанный с двенадцатилетнего брата Николая, Перов получил малую серебряную медаль Академии Художеств. Затем он пишет многофигурную картину «Приезд станового на следствие», за которую получал от академии большую серебряную медаль. Картину выставляли в училище, а затем в зале академии, где она «имела громадный успех». За другую свою картину «Сцена на могиле» в 1860г. он получил малую золотую медаль. В основу картины он взял слова из русской народной песни: «Мать плачет, как река льется;

сестра плачет, как ручей течет; жена плачет, как роса падает, – взойдет солнышко, росу высушит». Зрители отмечали «экспрессию действующих лиц» картины. Но сам Перов был ей недоволен и чтоб лучше постичь основы рисунка начинает посещать в течение нескольких месяцев младшие классы училища, где рисует наравне с новичками. Лишь после этого он берется за картину, которую назвал «Сын дьячка, произведенный в первый чин». В качестве натурщиков он приглашает училищных дьячка и портного. Совет академии утвердил эскиз, отвел художнику мастерскую, определил содержание. В 1861г. за эту картину Перов был награжден второй золотой медалью. После этого следует очередная награда (большая золотая медаль) за картину «Проповедь в селе» и право поездки за границу за казенный счет. В 1862г. Перов выезжает в Париж, обвенчавшись до этого с Еленой Эдмундовной Шейнс.

Несбывшиеся ожидания

Париж для всех художников и в частности для русских всегда оставался желанной Меккой, где они приобщались к иному миру, иному искусству. Да что там художники! И литераторы, и музыканты желали бы жить там, творить, вечерами встречаться в уютных кафе, спорить, дышать свободой, которую им с избытком дарила некоронованная столица мира. Сколько известно случаев, когда они не хотели возвращаться на родину, желая «умереть в Париже». Тем более не совсем понятно, что случилось с Перовым, который смог выдержать парижскую жизнь лишь два года, а затем обратился в академию со слезным прошением об окончании своей командировки на год раньше. Вот как он мотивирует причину своего возвращения: «Причины, побудившие меня просить об этом: несмотря на все мое желание: я не мог исполнить ни одной картины, которая бы была удовлетворительна, – незнание характера и нравственной жизни народа делают невозможным довести до конца ни одной из моих работ». И действительно, им были начаты такие картины, как: «Итальянец, продающий статуи», «Шарманщик», «Старик с кружкой» и другие. Но до конца ни одну из них он не сумел довести. В России, только в России он видел свое призвание, верен которому остался до конца своих дней. Недаром его называют живописцем «загадочной русской души».

Живописец русского народа

Не будем вдаваться в детали биографии нашего земляка. Об этом можно прочесть как в популярных, так и специальных изданиях, благо, что Василий Григорьевич Перов один из самых почитаемых у нас художников. Отметим, что даже самые первые работы его произвели огромное впечатление на публику, увидевшую в художнике прямого наследника П. Федотова, но наделенного большей наблюдательностью, глубоко вникающего в русскую жизнь. С 1865 по 1871 гг. он создал ряд произведений, поставивших его в один ряд с лучшими живописцами Европы.

В этот период из-под его кисти вышли такие картины, как «Очередная у фонтана», «Монастырская трапеза», «Проводы покойника», «Тройка», «Чистый Понедельник», «Приезд гувернантки в купеческий дом», «Учитель рисования», «Сцена у железной дороги», «Последний кабак у заставы», «Птицелов», «Охотники на привале», «Рыболов» и другие. В 1866г. он удостоен степени академика, а за «Птицелова» в 1870г. получил звание профессора. Он проявил себя и как талантливый портретист. Так, портреты А. А. Борисовского, В. В. Бессонова, А. Ф. Писемского, А. Г. и Н. Г. Рубинштейнов, М. П. Погодина, Ф. М. Достоевского и купца Камынина вошли в сокровищницу русской живописи. В 1871г. он получил место профессора в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и примерно в то же время примкнул к товариществу передвижных художественных выставок.

Его кисти принадлежат и картины на библейские сюжеты: «Христос в Гефсиманском саду», «Снятие с креста», «Весна» и другие. Интересовала Перова и

тематика отечественной истории, что нашло выражение в картинах «Плач Ярославны», «Первые русские христиане», «Поволжские хищники», «Пугачевцы», «Никита Пустосвят».

В конце жизни Перов занялся литературной деятельностью, поместив в газете «Пчела» за 1875г. и в «Художественном Журнале» за 1881–1882 гг. несколько рассказов из быта художников и свои воспоминания.

Умер он от чахотки в селе Кузьминки под Москвой 29 мая 1882г., похоронен в московском Даниловом монастыре.

В завершение приведем слова живописца, которые мог сказать лишь человек, хорошо понимающий, что такое Творчество.

«Чтоб быть вполне художником, нужно быть творцом; а чтобы быть творцом, нужно изучать жизнь, нужно воспитать ум и сердце, воспитать не изучением казенных натурщиков, а неусыпной наблюдательностью и упражнением в воспроизведении типов и им присущих наклонностей... Этим изучением нужно так настроить чувствительность воспринимать впечатления, чтобы ни один предмет не пронесся мимо вас, не отразившись в вас, как в чистом правильном зеркале... Художник должен быть поэт, мечтатель, а главное – неусыпный труженик... Желая быть художником должен сделаться полным фанатиком, живущим и питающимся одним искусством, и только искусством».

Когда в Третьяковской галерее или на простенькой репродукции вижу его «Тройку», то невольно пытаюсь через снежные метельные завихрения разглядеть узнаваемый облик родного Тобольска, хотя и понимаю, что тобольских тем у живописца нет. Но почему-то хочется верить, что сибирский дух пропитывает все его полотна. Потому что Сибирь была и остается «парником» огромного числа талантов, составивших славу России.

6. ПЕТР ЕРШОВ – ТОБОЛЬСКИЙ НОСТРАДАМУС

Как известно, Мишель Нострадамус (1503–1566 гг.) получил свою известность и скандальную популярность в результате написания катренов, в которых были зарифмованы многочисленные пророчества относительно будущности европейских стран и народов.

Ф.М. Достоевский в своих «Бесах» также оказался провидцем, увидев в движении «социалистов» крах Российской Империи.

Жюль Верн предрек появление подводных лодок и космических кораблей и многих других технических новинок сегодняшнего дня.

Но несравненно больше «пророчеств» и предвидений содержится в народных сказках, в русских, в частности. Взять тот же ковер-самолет, сапоги-скороходы, скатерть-самобранку, самоходную печь и подобные сказочные чудеса, которые народное воображение так или иначе «увидело» и «предсказало», сделав их в фольклоре заурядными бытовыми, утилитарными предметами.

Всемирно известная сказка Петра Павловича Ершова «Конек-Горбунок» также дает немало поводов для размышления и анализа в поведении и происхождении ее героев. Изданная при жизни автора 7 раз, а в наши дни более 200 раз, да еще и инсценированная и экранизированная, эта сказка читалась однозначно, и внутренний подтекст в ней никем до сих пор не усматривался. И сам Конек-Горбунок, и Царь-Девица, и перо Жар-Птицы принимаются как сказочные образы, которые в обыденной жизни аналогий просто не имеют.

Сам Иван едва ли не герой, который свергает ненавистного народу царя, совершая до этого массу подвигов и чудесных путешествий на край света, чтоб угодить все тому же царственному патрону.

Откуда же взял Петр Павлович помощника главного героя – Конька-Горбунка? Ведь в других, известных нам сказках такой персонаж отсутствует.

Но давайте посмотрим, кто такой сам герой и каково его происхождение, род занятий и чем он занимался до того, как попал на службу во дворец.

Из первых же строк мы узнаем, что «у крестьянина три сына...». Это не рыбаки, не охотники или там гончары, плотники, шорники, а потомственные хлебопашцы, которые живут главным образом от собранного урожая, а тем самым всецело зависят от природы, о чем речь пойдет ниже.

Братья не женаты, что само по себе странно, ведь без женских рук в крестьянском хозяйстве обойтись невозможно. Может, автор просто не упоминает о женщинах, как обходит молчанием их мать, жену старика?

Далее дается характеристика каждому сыну:

«Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак»

Ну, с дураками на Руси вопрос особый. Это мог быть и блаженный, и юродивый, которые встречались едва ли не в каждом селении. При дворе была даже официальная должность для «дурака», называемого шутом. Им позволялось не только смешить народ своими выходками, но даже сообщать царю вещи нелицеприятные.

В русских поговорках дуракам отведено немалое место: «У богатого мужика уроди Бог сына дурака!», «На всех угождать, самому в дураках сидеть», «Дураку воля, что умному доля», «Не дай Бог с дураком ни найти, ни потерять!»

Выходит, дурак не только человек неполноценный в умственном отношении, т.е. физиологический недоумок, но и разиня, глупый в житейском смысле слова, нерадивый в работе человек. Отсюда и производные слова: дурить, дуролом, дурачиться, дурно, дурман, дурь.

Так относятся к младшему брату Ивану и отец, и старшие братья. «Я нашью тебе обнов, дам гороху и бобов», – прельщает его отец. А братья, когда находят в балагане коней, сетуют:

«Где он это их достал? –
Старший среднему сказал. –
Но давно уж речь ведется,
Что лишь дурням клад дается...»

Но, тем не менее, в дозор его отправляют наряду со всеми, несмотря на презрительное отношение к нему как к лентяю и бездельнику. И в других ситуациях Иван ведет себя довольно разумно и даже выказывает определенную хитрость и смекалку.

Так что надо думать, что Ершов применяет слово «дурак» к своему герою как к нерадивому человеку, плохому работнику, который пролеживает бока на печи и является лишь обузой всему семейству.

Не думает Иван помогать отцу или братьям, когда попадает к царскому двору, а продолжает и там вольготно спать в свободное от своих путешествий время.

Но вернемся к началу сказки, когда:

«Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать –
Как бы вора соглядать»

Что же за таинственный «вор» повадился на их поля? Обычный человек за невызревшей пшеницей пойти не мог, нет резону, да и не водилось промеж крестьян заниматься таким нехорошим делом.

Скот также весь находился под неусыпным наблюдением пастухов, и запустить его на посевы было столь же немислимо, как, скажем, развести костер посреди избы. Кто ж покусился на крестьянские посевы, приведя хозяев в неописуемую печаль? Обратимся к народному фольклору, где такие случаи описаны довольно подробно.

А.Н. Афанасьев в своих статьях отмечает: «... там, где танцуют русалки и мавки, видны на полях круги». Могут это сделать и черти, которые носятся в вихрях налетевшего ветра и гнут посевы, образуя ровные проплешины на полях.

«В некоторых местностях России, – пишет Афанасьев, – совершается обряд изгнания или проводов русалок. Следующее за Троицей воскресенье называется русальным заговеньем... В Тульской губернии женщины и девицы идут толпою на засеянные поля и ловят русалку, которая, по народному сказанию, ворует тогда хлеб».

В современной печати и по телевидению сообщалось, что в Англии стали известны случаи, когда на полях появились столь ровные, вычерченные как бы по циркулю круги, что их появление стали приписывать космическим пришельцам.

Но сойдемся на том, что печаль от порчи посевов ершовские герои получили от колдовских сил и неважно, кто тому способствовал: русалки ли, лешие или другая чертовщина.

Понимают это и старшие братья, которые бегут с поля, и их дозор заканчивается ничем. А вот младший, дурачок, не ведая страха по слабости ума или неразумению, смело отправляется на караул и... ловит там белую кобылицу.

Но как он сообщает о своих приключениях родственникам, которые, не поверив его рассказу, смеются над ним:

«Братья, сколько ни серчали,
Не смогли – захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака...»

А рассказ Ивана таков:

«Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;
.....
Вот и стал тот черт скакать
И зерно хвостом сбивать»

А не поверили братья тому, что в схватке с чертом Иван остался жив и смог с ним сладить, найти на него управу. Но ведь затем прекращается вытаптывание посевов на их полях?! Но об этом сказочник особо не распространяется.

Поглядим, каким образом Иван совладал с кобылицей. Как-то никого не смушало, что крестьянский сын вдруг неожиданно устраивается на лошади задом наперед! Но,

если вдуматься, то дело вовсе не в удобстве посадки, а все в том же совладании с нечистой силой.

Издавна все российские мужики знали, что для проезда через заколдованное место есть несколько способов. Самый известный и распространенный – это перепрыгнуть лошадь в сани или телегу наоборот. Пешему также требуется проходить через залятое, нечистое место задом наперед, взапятки. И желательно притом еще и одежду вывернуть наизнанку. Тогда никакая нечисть ему не страшна! Именно так и поступил Иван и справился с заколдованной кобылицей! Однако что за кобылица досталась крестьянскому сыну и пытается освободиться от него?

«Вьется кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам...»

Обратимся опять к А.Н. Афанасьеву: «На рисунках, украшающих старинные рукописи, Солнце и Месяц представлены возникшими, едущими на колесницах... Наряду с солнцем и месяцем уподобляются коням и звезды... Буйные ветви, ходячие облака, грозовые тучи, быстро мелькающие молнии – все эти различные явления на поэтическом языке называются небесными конями... Ветры и грозы сравниваются с быстроногими конями».

Выходит, Иван решил померяться силами не с кем иным, как с нечистой, которая во все времена создавала ряд неудобств крестьянскому делу, портила посевы и всячески вредила простому труженику.

Богатырским конем владеет тот же Илья Муромец. Но конь в героическом эпосе нашего народа выступает как сподвижник и помощник богатыря, топчет врагов, уносит седока от недруга.

«Он бьет коня по крутым бедрам,
Пробивает кожу до черна мяса;
Ретивый конь осержается,
Прочь от земли отделяется:
Он скачет выше дерева стоячево,
Чуть пониже облака ходячево»

Ясно, что Ершов за прообраз своей кобылицы взял того же коня, но только женского рода, кобылицу, которая затем в сказке ни разу не появляется, оставив Ивана на попечение своего Конька-Горбунка.

Так, Иван заключает некий договор с «чертовой кобылицей», за то, что он отпустит на волю, она обещает настырному мужицкому сыну:

«По исходу же трех дней
Двух рожу тебе коней, –
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка...»

(Для справки: вершок равен 4,5 см, то есть примерно со спичечный коробок). Выходит, конек был не более 15 см ростом.

Кобылица держит слово и в должный срок приносит «двух коней золотогривых да игрушечку-конька...» Но пока что она не открыла Ивану тайну, что конек обладает

необычайным свойством по перемещению в пространстве буквально на любые расстояния. Два красавца коня, видимо, лишены такой особенности, по крайней мере, в сказке никаких подобных каверз не происходит.

Интересно и то, что братья, обнаружив в балагане златогривых коней, и в голове не держат, чтоб использовать их по хозяйству. А уж им ли не нужны рабочие кони?! И они ведут их в столицу на продажу. Конек же их просто не интересует. И что самое интересное, что «видят» конька в обычном смысле того слова лишь они да сам Иван. Остальные герои повествования, тот же царев спальник, постоянно наблюдающий за царским конюхом, или прочие бояре не видят конька. Им не дано видеть этого зверька, как, к примеру, мы не можем увидеть домового или русалку. Происходит это лишь при желании той «нечистой силы», когда она сама открывается нам.

Аналогию ершовскому Коньку-Горбунку можно отыскать лишь у Н.В. Гоголя, когда кузнец Вакула, поймав черта, пользуется вплотную его услугами и тот мчит его на своей спине в столицу за царскими черевичками. Вывод напрашивается сам собой: Конек-Горбунук того же поля ягода, и это явно не Божий ангел. Правда, некоторые доброхоты желают видеть в коньке подарок инопланетян, но это уже отдельный разговор.

Да и сами Ивановы братья, отослав его за пером Жар-Птицы, в страхе приговаривают, увидев его летящим на коньке:

«Буди с нами крестна сила! –
Закричал тогда Гаврила,
Оградясь крестом святым, –
Что за бес-конек под ним!»

Думается, что предложенные примеры наведут читателя на мысль, что ершовский герой не так прост, как может показаться на первый взгляд. Случай сводит его с нечистой силой, которая предлагает ему свои услуги, и он не отказывается, принимает условия, правда, предварительно победив ее в поединке.

Аналогий «личности» Конька-Горбунка в народных сказках или преданиях найти достаточно сложно. Тут и его мизерные размеры, кошка едва ли будет того же размера, и длинные уши, и самое главное – два горба, которые имеются лишь у верблюда. Вот если бы у него рога или еще какие-то атрибуты, присущие нечистой силе, были, тогда... Но Ершов достаточно затушевал своего «героя», и все художники, которые брались за иллюстрирование сказки, выписывали под Иваном что-то весьма похожее на пони, и даже горбы не всегда просматривались. Вероятно, не будет большой ошибкой, если нарисовать обычного черта, но с горбами на спине и с лошадиной мордой. Заметьте, что сам Иван за повествование, в отличие от братьев, ни разу не перекрестился и не читал молитвы. Кто связался с нечистым, – тому с Богом не по пути...

Но попробуем разобраться в дальнейших похождениях Ивана и его горбатого покровителя. Когда наш герой пускается в погоню за братьями, укравшими у него коней, то конек сообщает:

«Как пушусь да побегу,
Так и беса настигу»

И дальше:

«Горбунук-Конек встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся...»

Может ли обычный конь встать «на лапки»? Пусть не напрямую, не открытым текстом, но Ершов в зашифрованном виде намекает, кто есть на самом деле чудо-конек. Если учесть, что цензура того времени была весьма придирчива к тем произведениям, где не все ладно с «нечистой силой», то многое становится понятно. К тому же даже в том виде, как нам известна сказка, автору долгое время отказывали в публикации, казалось бы, на первый взгляд, безобидной сказки. Значит... значит что-то «этакое» цензура все же усмотрела...

Как только Иван связывается с коньком, его ждет ряд злоключений, из которых простой смертный, вряд ли вышел бы победителем.

Начинается все с пера Жар-Птицы. Иван, увидев ее перо, удивлен:

«Что, – сказал он, – за шайтан!
Шапок с пять найдется свету,
А тепла и дыму нету;
Это чудо-огонек!»
Говорит ему конек:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-Птицы.
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесет оно с собою»

Что ж это за такая Жар-Птица? У А.Н. Афанасьева о ней дана довольно обширная информация. Во-первых, аналогию ей можно найти в индийской мифологии в образе птицы Гаруда с прекрасными золотыми крыльями. «На Руси она слывет Жар-Птицею – название, указывающее на связь ее с небесным пламенем и вообще огнем; жар – каленые уголья в печи, жары – знойная пора лета.

Перья Жар-Птицы сверкают серебром и золотом, глаза светятся, как кристалл, а сидит она в золотой клетке. В глубокую полночь прилетает она в сад и освещает его собою так ярко, как тысячи зажженных огней; одно перо из ее хвоста, внесенное в комнату, может заменить самое богатое освещение; такому перу, говорит сказка, цена ни мало, ни много – побольше целого царства, а самой птице и цены нет!

Жар-Птица есть такое же воплощение бога грозы, как свет-ясен сокол, которому сказка дает цветные перышки и способность превращаться в добра молодца, или орел – разноситель перунов». Вот с таким бесценным пером, запрятанным в шапку, и появляется в царском дворе наш герой.

«Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит,
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
.....
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье да и только!
.....
Так, неделей через пять
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит
И не чистит, и не школит;

Но при всем том два коня,
Словно лишь из-под гребня...»

Царский спальник решает разобраться с конюхом, озадаченный происходящим и, раскинув своим умом, неожиданно решает для себя:

«Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник – домовый?»

И дальше развивает свою мысль:

«Донесу я в думе царской,
Что конюший государской
Басурманин, ворожей,
Чернокнижник и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божью не ходит,
Католицкой держит крест
И постами мясо ест»

Что и говорить, фигура царского спальника малоприятная, но и Иван особой симпатии не вызывает. Ершов как бы намекает, пусть и в скрытой форме, что его герой к христианской церкви относится, мягко говоря, холодно. И дальше спальник, решивший подкараулить конюха, подтверждает это:

«Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мертв лежит,
Сам все в дырочку глядит,
Ждет суседки... Чу! в сам-деле,
Двери глухо заскрипели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.

И от страху так забился,
Что овес с него свалился.
Но суседке невдомек!
Он кладет перо в сусек,
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетет,
Разны песенки поет.
А меж тем свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник чуть живой,
Что тут деет домовый»

Спальник видит «суседку», что в сибирском фольклоре значит домовый. Ему не просто чудится, как может показаться, а он именно видит в Иване домового, который сплетает конские гривы в косы. А уж этим-то занятием издавна занимались именно домовые.

Тут можно пойти в рассуждениях: Иван, спознавшись с нечистой силой, сам становится одним из них, а именно – домовым.

Да, Петр Павлович как бы зашифровал свое отношение к герою. Взявшись за образ обычного для русских народных сказок Ивана-дурака, он, тем не менее, показывает его лень, склонность к обильной еде, неуважение к родителям, а это уже сами по себе пороки, в христианских заповедях осуждаемые. А теперь он еще по ночам является в конюшню, где занимается чем-то таинственным, для постороннего глаза невидимым. Так что скорее это антигерой, и сама сказка есть пародия на нерадивого крестьянина, что пытается всячески пробиться к царскому двору, дабы «сладко есть и сладко спать...». Но из дальнейшего видно, что на этом он не останавливается.

Спальник «заложил» Ивана и наврал царю, что тот похвалялся доставить ко двору Жар-Птицу. И Иван с коньком отправляются в свое первое путешествие на восток за таинственной царской птицей. Но что же это за Жар-Птица, от пера которой, по пророчеству Конька-Горбунка, его хозяину будут одни неприятности?

А.Н. Афанасьев рассматривает ее как олицетворение грозы, весеннего солнца, рассвет и прочее. Но Петр Ершов, чье детство прошло на севере, в Березове, наверняка мог видеть, а то и слышать о полярном сиянии, которое своими сполохами освещало северную землю.

Но есть еще одно таинственное явление, которое присуще только нашей северной земле, свидетелем которого также мог стать будущий автор сказки. Речь идет о выходах из земли природного газа, которым теперь так славен север Тюменской области. По свидетельствам очевидцев, часто происходило самовозгорание газа, который северные народы считали «дьявольским глазом», огнями потустороннего мира.

И об этих очагах, таинственно светящихся в дикой тундре, также мог слышать Петр Ершов. Недаром Конек-Горбунок предрекает своему хозяину:

«Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесет оно с собою»

Если под «непокоем» понимать путешествия Ивана, которые, впрочем, заканчиваются для него вполне безболезненно, то это одно. А если предположить, что сам автор под тем «огненным пером» подразумевает все несчастья, которые обрушатся на местные народы в связи с интенсивной добычей газовых и нефтяных месторождений, то... тогда остается только подивиться провидению девятнадцатилетнего автора.

Но если обратиться к истории, то известно, что старожилы весьма неохотно указывали на ископаемые руды, минералы, золото, зная, что вслед за этим наступит «освоение» найденных залежей, после чего самим жителям остается лишь бежать со своих угодий. Пусть это предположение достаточно спорное, но это лишь предположение, навеянное от прочтения весьма не однозначной сказки.

Следующее приключение Ивана случается с Царь-Девницей, сказку о которой рассказывают на царевой кухне повара:

«У далеких немских стран
«Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
.....
От гостей же слух идет,
Что девица там живет;

Но девица не простая,
Дочь, вишь, месяцу родная,
Да и солнышко ей «брат»

А теперь нам следует в очередной раз обратиться к преданиям и мифам древних славян. Будучи язычниками, они считали небесные светила сказочными героями, которые состояли друг с другом в определенном родстве. У них существовали боги зимы и лета, неба и земли, зари и месяца. У славян отец Небо получил название Сварога – он верховный владыка, как у древних греков Зевс. После него по старшинству шел Солнце-царь, он же Дажьбог. По движению луны или месяца определяли время: неделя, месяц. Сам месяц и звезды почитались так же, как небесные божества.

По более поздним преданиям Солнце и Месяц были представлены как брат и сестра, а то и как супруги, где Солнце, «божья дочь», являлось супругой Месяца. Тогда появляющиеся на небе звезды считались их детьми.

В то же время Месяц представляется как неверный муж, который гоняется по небесному своду за прекрасной Денницей-Венерой. За это Солнце наказывает его, рассекая мечом пополам.

Действительно, когда восходит солнце, то месяц скрывается в его лучах, а вечером один блуждает по небу. На зиму Солнце надолго расстается с неверным супругом и встречается с ним лишь весной, когда они соединяются вновь и долго «беседуют», рассказывая друг другу о своих приключениях.

Царь-Девица тоже одно из божеств древних славян, поскольку состоит в кровном родстве с Месяцем и Солнцем. Вероятно, это Заря или Лада – богиня весны, облачная нимфа, красивая и ослепительная.

По А.Ф. Афанасьеву: «Те же черты приписывают наши предания и сказочной Царь-Девице. В весеннюю пору прекрасная богиня вступала в брачный союз с могучим громовиком, слала на землю благодатное семя дождей и оживляла природу. В этом смысле, как Фрея у немцев, так Лада у славян и литовцев, почиталась покровительницей любви и браков, богиней юности, красоты и плодородия, всецелой матерью...».

Выходит, Ершов малость напутал, назвав Царь-Девицу дочерью Месяца и сестрой Солнца. Тогда получается, что Солнце (в сказке это мужчина) сын Месяца, а это не соответствует мифическим представлениям, которыми, судя по всему, пользовался Ершов.

Но сказка есть сказка, скажет читатель, и право автора называть того или иного героя по собственному усмотрению братом или сестрой. Важно другое – мы выяснили, что ершовские герои взяты из очень древних славянских преданий, когда у них на все явления природы были свои языческие представления.

О том, что Царь-Девица и есть Заря, подтверждается сказкой:

«Тут сказал конек Ивану:
«Вот дорога к окяну,
И на нем-то круглый год
Та красавица живет;
Два раза она лишь сходит
С окяна и приводит долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам»

Не совсем понятно, что значит «два раза она лишь сходит». Два раза в день? В год? Но если принять во внимание, что она приводит с «окяна» «долгий день», то вероятнее всего то длинный полярный день, что бывает в северных широтах. В любом случае день начинается с утренней зари, значит Царь-Девица и есть богиня Заря.

Далее: «Ясный полдень наступает...» – почему полдень? Затем: «Запад тихо догорал...» – это когда Иван в первый раз проспал в засаде за шатром и Царь-Девушка благополучно уплыла. Зато во второй раз:

«На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-Девушка подплывает,
Шлюпку на берег бросает...»

Выходит, что это обычный день, а не полярный, коль она появляется на другой день. Следовательно, «долгий день» – это лишь метафора? А сладкие напевы царевны схожи с песней Сирены, под которую путники засыпали и попадали в опасные места на море.

Интересны и рассуждения Ивана как крестьянина об облике Царь-Девушки, которая ему явно не по вкусу:

«Хм! Так вот та Царь-Девушка!
Как же в сказках говорится, –
Рассуждает стремянной, –
Что куда красна собой
Царь-Девушка, так что диво!
Эта вовсе некрасива:
И бледна-то, и тонка,
Что, в обхват-то три вершка,
А ножонка-то, ножонка!
Тьфу ты! Слово у цыплёнка!
Я и даром не возьму!»

Однако, забегая вперед, когда Иван преобразился после купания в трех водах, он уже не думает таким образом, а женится на заморской царице без долгих сомнений.

Доставив Царь-Девушку к царю, Иван получает новое задание – ему велено добыть с океанского дна перстень царицы, в незапамятные времена оброненный ею. Срок для выполнения обычный – три дня.

Что же за перстенок потерял Царь-Девушкой, она же Заря, она же славянская богиня любви и весны Лада? И почему он ей так необходим накануне свадьбы?

Обратимся еще раз к народной мифологии.

«По свидетельству русской загадки, – пишет А.Ф. Афанасьев, – роса роняется на землю девицей Вечерней Зарей, которая должна была уводить с неба утомленных лошадей Солнца. Загадка произносится так: «Зоря-Зоряница, красная девица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла; месяц видел, а солнце скрало», т.е. роса, падая с вечера при свете месяца, иссушается лучами восходящего поутру солнца...

С началом дня солнце выходит через врата небесного чертога; обязанность отворять эти ворота приписывалась Утренней Заре, а обязанность запирающих их вечером, после солнечного заката, лежала на Вечерней Заре, почему в областных городах существует выражение «заря замыкает» вместо «потухает». У всех индоевропейских народов роса принимается за слезы, проливаемые богиней Зарей, – представление, стоящее в связи с уподоблением восходящего солнца глазу...

В летние дни крестьяне до восхода солнца выходят на луга с кувшинами и собирают с травы росу, которую берегут как лекарство; в случае болезни дают ее пить или мажут ею тело; на Юрьеву росу выгоняют скот для здоровья».

Как видим, у богини Зари есть что терять: свои слезы-росу; но с перстеньком, упоминаемом в сказке, аналогию найти трудно. В то же время кольцо или перстень –

это обязательная свадебная принадлежность. Вот святочная песня, предвещающая женитьбу:

«Идет кузнец из кузницы,
Несет кузнец три молота.
«Кузнец, кузнец! Ты скуй мне венец,
Ты мне венец и золот и нов,
Из остаточков – золот перстень,
Из обрезочков – булавочку...»

Употреблялось даже выражение «сковать свадьбу», то есть соединить, сковать те супружеские обязанности, которые возлагают на себя супруги. Кольцо же, по Афанасьеву, эмблема супружеской связи, которая имеет метафизическое значение женского детородного органа, а палец, на которой надевают кольцо, – фаллос.

Таинственный перстенок можно отождествить с небесным кольцом, которое появляется на небе после дождя или грозы, то есть с радугой. Полукруглая форма радуги заставляет видеть в ней именно кольцо, которое затем падает, исчезает в море по мифическим народным представлениям. Вот, видимо, за этим-то кольцом-радугой и отправляется наш герой. Задача почти невыполнимая, но... не для Ивана и Конька-Горбунка.

Да, еще стремennomу велено побывать в изумрудном тереме Царь-Девы, то есть на небе!

«Эй, послушай! По пути, –
Говорит ему девица, –
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой.
Да скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?
Не забудь же!» – «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да, ведь надо мне узнать,
Кто те братец, кто те мать, –
Чтоб в родне-то нам не сбиться».
Говорит ему девица:
«Месяц – мать мне, Солнце – брат»

Но и эта «службишка, не служба...» для наших героев, и они едут к «морю-окияну», где застанут рыбу-кита, называемого чудом-юдом.

Не раз приходилось читать, что эту аналогию Ершов позаимствовал из своих собственных северных наблюдений, когда в Обской губе выбросило бурей на берег тушу настоящего кита. Вопрос достаточно спорный, но видится, что опять же мифологические мотивы о чуде-юде рыбе-кит гораздо глубже. И искать ответ надо именно там.

Во-первых, известен библейский сюжет о ките, проглотившем Иону, а затем доставившем того на берег. В мифологических сказаниях повествуется о трех китах, на которых покоится сама земля...

Наконец, в русских народных сказках говорится о гигантской щуке, которая тянется через все море-океан и по ней переправляется герой, Марко Богатый, посланный на тот свет. В некоторых вариантах щука заменяется китом, проглатывающим корабли с товарами.

В «Стихе о Голубинной книге» говорится: «Кит-рыба всем рыбам мати».

«Когда кит-рыба потронется,
Тогда мать-земля всколеблется,
Тогда белый свет наш покончится...»

Так описывается в другом предании конец света, который наступит за грехи людские и произойдет это через колебания земли, удерживающей на спине Кит-рыбы.

У Ершова в сказке Кит-рыба является связующим мостиком между миром человеческим и божественным, где живут славянские боги Месяц и Солнце. В то же время Кит заслужил свое наказание за прегрешенья:

«Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет Бог с него невзгоду...»

То есть Кит существо более низкого, человеческого порядка, который может и во грех впасть, подобно людям, за что получает наказание. Ивана Кит просит о заступничестве, замолвить слово за него:

«Так нельзя ли, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:
Долго ль мне в опале быть,
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?»

Согласитесь, очень человеческий образ Кита-рыбы. Правда, хоть тот и просит Ивана о заступничестве у Солнышка, но разговор о китовых грехах ведется на небе с Месяцем Месяцовичем.

Перебравшись по телу Кита на ту сторону океана, путешественники попадают на край света, где:

«Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лен прядут,
Прялки на небо кладут»

Подъезжают к терему, где неожиданно находят:

«А на тереме из звезд –
Православный русский крест»

Впрочем, крест из созвездий может увидеть на небе каждый – это созвездие Лебедя.

Путников встречает мать Царь-Девыцы – Месяц Месяцович, которая почему-то говорит о себе в мужском роде: «вскрикнул Месяц Месяцович» или «молвил Месяц Месяцович». Но при том считает себя женщиной:

«И скажи моей родной:
Мать твоя всегда с тобой...»

Автор явно не совладал с персонажами. Вероятно, сказки, слышанные им в детстве, несколько подзабылись и сказочные герои перепутались. Иначе как объяснить очевидное, когда само слово «месяц» подразумевает существо мужского рода, а солнце скорее женского. У Ершова же все наоборот.

... С благословением Месяца Иван возвращается на землю, где освобождает Кита от страданий, посоветовав ему выпустить проглоченные корабли. За это Кит помогает Ивану, отыскать утерянный Царь-Девыцей перстень на дне морском.

По ходу сказки Петр Павлович рисует жанровые сцены рыбьего царства, которые весьма напоминают земную жизнь обычных людей с их дрызгами и склоками. Это едва ли не самое удачное и выразительное место во всей сказке. И, думается, симпатия автора к Ершу Ершовичу кроется в фамилии самого автора – Ершов.

Но задача нашего исследования не литературный анализ, а поиск мифических персонажей и аналогий, взятых из народных преданий.

Сундучок с перстнем обнаруживает всезнающий Ерш Ершович, который:

«И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне –
Пуд по крайней мере в сто...»

Перстенок оказался довольно увесистым. Но и его достали, Конек-Горбунок вскинул «ящичек ногой, будто камушек какой...» и... на другой день наши герои уже в столице.

А тут Ивану предстоит самое трудное испытание: нырять в котлы с «водой вареной» и кипящее молоко. Правда, все это Царь-Девыца предлагает проделать старому царю, но, по-видимому, имеет она и свой тайный умысел, что царь того испытания не выдержит. Так оно и случается: православного царя варят в котле, тем самым избавляясь от него.

«Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился, –
Бух в котел – и там сварился!»

Вот те на! Царь накладывает на себя крестное знамение, которое, казалось бы, должно защитить его от всяческой напасти, а нет! Не помогает. Зато Иван и не собирается прибегать к крестному знаменю, а над ним колдует верный конек:

«Вот конек хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул.
На конька Иван взглянул
И в котел тотчас нырнул...»

В результате Иван-дурак женится на заморской царевне, доставленной из немецкой земли, как сказано в сказке, и... этот крестьянский сын, лентяй и лежебока, к тому же

околдованный нечистой силой, садится на трон управлять, православным народом... Разве не таков итог сказки? Возможно, возразит кто-то, очень прямолинейно рассматривается иносказательное произведение, коим и является сказка?

Возможно... Но любой цензор мог усмотреть эти мотивы даже при самом беглом прочтении: немецкая принцесса (а практически все невесты русских императоров доставлялись из немецкой земли) в сговоре с деревенским мужиком сживает русского (читай, православного) царя. Понимал ли этот печальный итог своего повествования сам автор или так у него вышло «в пылу творческого вдохновения»?

Сейчас, через полтора века после издания сказки, ответить на этот вопрос практически невозможно. Ершов написал то, что написал, и мы можем всяк по-своему высматривать и прочитывать в тексте или меж строк какой-то скрытый смысл. На то она и сказка.

Но если вернуться к заголовку нашей статьи, то в чем же оказался Петр Павлович провидцем? Что им предсказано?

Как ни парадоксально, но им предсказан 1917 год... Именно тогда к власти прорвался народ с низов. Правда, прорвались они к трону без купания в кипящем молоке, а, скорее, в горячей крови людской. И царя сварили не в молоке, а облили кислотой. Однако, эффект получился тот же. А последствия всем нам хорошо известны...

Интересно и само название сказки: «Конек-Горбунок». В слова «горб, горбун, горбатый» русский человек всегда вкладывал что-то зловещее, нехорошее, негативное. Во всех сказках и преданиях горбуны служат черту или дьяволу. Горбата Баба-Яга, горбата ведьма... И какого добра можно ждать от коня-уродца? Недаром в старину горбатые дети считались зачатыми от дьявола и их всегда сторонились.

Не мог не знать всего этого Ершов, давая сказке такое название. А если знал, то почему оставил столь неблагозвучное название сказки? Верно, разгадка в жанре сказки – сказка-пародия. Пародийна крестьянская жизнь, пародиен и комичен царский двор, подводный мир, все эти жар-птицы, царь-девицы, рыбы-киты и вызывают усмешку. Смешон и сам Иван... (Предвиденье Ершова можно, конечно, распространить и на фамилию нашего первого президента, инициатора «перестройки», которая очень созвучна названию сказки, но... это будет уже другая пародия...)

...Знаете, а не хочется завершать анализ гениальной сказки такой грустной нотой. Не заслуживает она того, право. Слишком народны у нее корни и жизненные соки, питающие многие поколения читателей за последние полтора века. Значит, есть за что?

А обратимся опять к народному фольклору и поглядим, что говорится там о самом моменте в повествовании: когда царь сварился в кипятке.

Оказывается, что и на этот счет у предков наших было свое мнение. Считалось, что если искупаться в горячем молоке сказочных кобылиц, то добрый молодец становится еще моложе, сильнее и прекрасней. Зато враг его, проделывающий то же самое, гибнет...

Новая цитата А.Ф. Афанасьева:

«Молоко мифических кобылиц – живая вода, дождь, проливаемый тучами. С весенними ливнями оканчивается владычество демона-Зимы, творческие силы стихий возрождаются, и обновленная природа является в своих роскошных уборах, что и выражено баснею о купании в кобыльем молоке: добрый молодец, представитель весны, обретает в нем красоту и крепость, а противник его (зима) – смерть».

Вот такой поворот может дать нам народная мифология, если внимательно в ней разобраться. Получается, что образ Ивана – силы весны. Царь – зима, сковывающая все живое. Он и Царь-Деву, Зарю, крадет и Жар-Птицу присваивает и прячет их в своем дворце. А Иван их освобождает... Чем плох конец?!

Да, сказка Ершова гениальна уже потому, что в ней взяты за основу мифологические, вечно живые сюжеты нашего народа. А они всегда выигрывают и

возвышают любое произведение. Прекрасна и литературная обработка автора, хотя и есть отдельные сбои. Но у кого их нет?

А многоплановость прочтения лишь подчеркивает сложность жанра и самой сказки. В этом и есть провидческий дар П.П. Ершова – первого и, вероятно, последнего сибирского сказочника-романтика.

7. РИМСКОЕ ПРАВО И ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ

Есть такой род людей на первый взгляд незаметных и ничем себя среди современников особенно не проявивших, но имя их упоминается в исторической науке наряду с гениями человеческой мысли и ниспровергателями общественных устоев. К ним по праву можно отнести тоболяка по происхождению, скромного профессора римского права, ректора Казанского Императорского университета Николая Александровича Кремлева.

Казалось бы, ничто не предвещало ему стать исторической личностью и род занятий и происхождение имел он самое заурядное. Родился в губернском сибирском городе Тобольске в семье некогда зажиточных купцов Кремлевых, которых знали по их торговым оборотам не только за Уралом, но и в центральной России. Первое упоминание о Кремлеве в тобольских служебных книгах, относится к XVII веку. Занимался он всего лишь мелочной торговлей, но кое-какой капитал скопил. А вот уже Федор Алексеевич Кремлев, родившийся как раз в год смерти императора Петра I в 1725 году, оказался человеком деятельным и сумел капитал тот за счет серьезных торговых оборотов приумножить. В двадцать пять лет стал известным купцом и торговлю развернул во всех сибирских городах.

А дети его, Федор и Дмитрий повели торговлю с Китаем. Везли они из Поднебесной, фарфоровую посуду, японские гобелены, картины, мебель из ценных пород редких деревьев и другие предметы роскоши, ценившиеся у зажиточных сибиряков. Но торговля была делом хоть и прибыльным, но рискованным, а потому, когда в Тобольске в 1788 году случился так называемый Большой пожар, уничтоживший большую часть жилых домов, то они занялись городским строительством. Очень скоро Кремлевы оказались монополистами по строительной части, и к концу XVIII века в Тобольске им принадлежало более десяти деревянных и каменных построек. За свои заслуги Федор Федорович получил звание именитого гражданина, едва ли не первого за историю Тобольска, занимал должности бургомистра и ратмана в городском магистрате, пользовался большим уважением и авторитетом не только в купеческой среде, но был вхож и к самому губернатору, состоял в добрых отношениях с духовными властями.

Кроме этого он содержал 23 питейных заведения и два трактира в Тобольской губернии. Не брезговал именитый гражданин и ростовщичеством, ссужал деньги под проценты, скупал векселя и долговые расписки. Какое-то время он даже содержал шелковую мануфактуру, где производились шелк, атлас и бархат, что само по себе для Сибири явление уникальное и аналогов не знает. Однако вложение значительных средств в различные сферы деятельности в конечном итоге привело многих сибирских купцов к разорению. Среди них оказался и Ф. Ф. Кремлев. На начало XIX века Федор Федорович задолжал казне значительную сумму, после чего вынужден был перейти в мещане.

Именно из этой семьи вышел Николай Александрович Кремлев, появившийся на свет 11 июля 1833г. После окончания в 1851г. курса Тобольской гимназии он поступил в Казанский университет, который закончил в 1855г. со степенью кандидата юридических наук. Свою службу он начал с 28 января 1856г. помощником столоначальника канцелярии попечителя Казанского учебного округа, служил старшим

учителем законоведения в казанских гимназиях, затем стал преподавателем уголовного судопроизводства, уголовно-полицейских законов и юридической практики в Казанском университете. В 1861г. был назначен на должность адъюнкта на кафедре римского права, в 1867 г. утвержден в звании доцента, а в 1868г. - профессором по кафедре римского права.

Н. А. Кремлев оказался неплохим администратором и с 1872г. по 1876г., а потом с 1885г. по 1889г избирался ректором университета, награждался за верную службу орденами российской империи. 19 декабря 1890г. он покинул университетскую службу и переехал с семьей в Петербург, получив назначение консультанта министерства юстиции. Умер Н. А. Кремлев 12 апреля 1910г.

Казалось бы, что такого исключительного в биографии рядового администратора, когда служба в России считалась делом престижным и число служащих (чиновников) множилось год от года? Отчего вдруг заинтересовала автора этих строк биография человека, как указывалось выше, ничем на первый взгляд непримечательного? А интересна, на наш взгляд, одна историческая дата – 4 декабря 1887г., когда в Императорском Казанском университете возникли студенческие беспорядки. Смею предположить, что случившиеся вслед за тем события оказали в дальнейшем весьма важную и даже определяющую роль в судьбе нашего с вами отечества. А ректором Казанского университета в тот год как раз и был Н. А. Кремлев.

Но давайте подойдем к этому событию с должными на этот счет разъяснениями. Осенью того самого 1887г. на первый курс юридического факультета был зачислен сын Ильи Николаевича Ульянова, действительного статского советника, с которым Николай Александрович Кремлев был неплохо знаком. Илья Николаевич скончался год назад и, памятуя о его заслугах, Владимир Ульянов был принят без особых проволочек. Хотя старший брат его, Александр, студент петербургского университета, находился под арестом с марта 1887г., как один из членов террористической организации, готовящей покушение на императора Александр III. Но ректор Кремлев взял на себя смелость принять в стены императорского университета брата политического преступника.

И кто мог знать, что именно в этот год казанские студенты взбунтуются по малозначительному поводу и пресечение этого бунта ляжет на плечи пятидесяти четырехлетнего ректора? Император Александр III имел на этот счет свое собственное мнение: во вверенном ему государстве все должно быть тихо, спокойно и благопристойно. А потому студенты императорского университета должны, прежде всего, учиться и быть благодарны за то его императорскому величеству, а не высказывать недовольства по разным там пустякам, подрывая тем незыблемый имперский порядок.

Скорее всего, сам Николай Александрович был человеком достаточно мягким и в чем-то даже либеральным. Это следует из того, что когда ему сообщили, что несколько десятков студентов собралось в актовом зале университета, где нелицеприятно высказываются об университетских преподавателях, то ректор решительно направился к ним и несколько часов беседовал со своими подопечными, предлагая решить все мирным путем и разойтись по домам. А мог бы вызвать полицию, отдать распоряжение об аресте главных бунтовщиков. Возможно, что дело, что называется, замяли, оставив без особых последствий. Но слухи о случившемся слишком быстро распространились по городу и стали достоянием вышестоящего начальства, а вскоре об этом стало известно и в столице. Ректор должен был принять срочные меры. Вопрос вынесли для рассмотрения на университетский совет, мнения членов которого разделились. Часть преподавателей предлагала передать дело в полицию, но большинство, включая и ректора Кремлева, проголосовали за отчисление тех, кто вел себя наиболее дерзко и вызывающе. В результате чего ряд студентов юридического факультета были исключены из университета. Среди них находился и студент первого курса Владимир

Ульянов. Под протоколом заседания об их исключении среди первых стоит подпись Кремлева.

Надо полагать, что факт отчисления не способствовал сближению будущего руководителя партии большевиков с властями. Известно, что большинство членов первого советского правительства составили те, кто, как и их вождь, в свое время были отчислены из учебных заведений. Как знать, доучись Володя Ульянов до выпускных экзаменов, не будь к нему применены столь крутые меры и, глядишь, не стал бы он уходить в подполье и вести подрывную работу, которая в конечном итоге привела к известным последствиям. Как знать ...

Но без каких либо оговорок можно сказать однозначно: ординарный профессор римского права своим на первый взгляд юридически правильным поступком оказал значительное влияние на ход российской истории.

И совсем небольшой штришок в конце нашего исторического экскурса. Когда семью последнего императора из рода Романовых сослали в Тобольск, то поселили их в том губернаторском доме, в строительстве которого принимал участие предок ректора Кремлева, а затем продал его государственной казне. Правда, дом к тому времени называли с некоей иронией «Домом Свободы». Романовы прожили в нем восемь месяцев, после чего увезены были в Екатеринбург. Правда, бывшего ректора Казанского университета к тому времени уже не было в живых. А проживи он еще совсем немного, то, как бы удивился, узнав, что исключенный им некогда студент встал во главе государства на процветание и благополучие которого трудился род мало чем примечательных Кремлевых.

8. МУЧЕНИКИ ГЕРМОГЕН И ГРИГОРИЙ – ОБЩНОСТЬ СУДЕБ

Двух столь непохожих людей: священномученика Гермогена, бывшего в последние годы жизни епископом Тобольским, и Григория Ефимовича Распутина, тобольского крестьянина, непостижимым образом свел Тобольск и, надеюсь, что примирил, хотя уже в совсем ином мире. История их взаимоотношений не только удивительна, но и во многом поучительна, а потому вкратце изложим ее.

Будущий епископ Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганев) родился 25 апреля 1858г. в семье священника Херсонской епархии. Приобретя на родине необходимые знания, в классической гимназии Херсона, он поступил на юридический факультет Новороссийского университета, который окончил в 1886г., прослушав дополнительно курс на математическом и на историко-филологическом факультете. После этого он поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию, где в 1890г. был пострижен в монашество с наречением ему имени Гермогена. В 1893г. он окончил академию и был назначен инспектором, а затем с 1898г. – ректором Тифлисской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. Кроме того он был редактором «Духовного вестника Грузинского экзархата» и исполнял многие другие поручения. 14 января 1901г. в Санкт-Петербургском Казанском соборе состоялась хиротония архимандрита Гермогена во епископа Вольского, викария Саратовской епархии, а уже 21 марта 1903г. преосвященный Гермоген был назначен епископом Саратовским и Царицынским. Став правящим архиереем, он сразу заявил свою программу: «Трудиться, трудиться и трудиться на благо паствы, в союзе мира и любви, в послушании власти, при полном единении сил и единодушном стремлении соратников принести пользу тем, для кого назначаются работы».

Вот этот человек, закончивший университет, а затем духовную академию в 1904-1905 годы принимает участие в судьбе к тобольского крестьянина Григория Распутина, ведет с ним долгие беседы, знакомит с другими церковнослужителями. Что же их сблизило? Какие общие темы они находили для своих частых и продолжительных бесед? Трудно ответить на вопрос что заставило Гермогена сказать архиепископу

Тихону (Троицкому) о загадном страннике, что только начал свое вхождение в столичные салоны: «Это раб Божий. Вы согрешите, если даже мысленно его осудите».

Вряд ли мы сможем дать однозначный ответ, но скорее всего, объединяло этих двух столь разных людей одно – обеспокоенность за все, что происходило на тот момент в стране. Но каждому виделись различные пути решения тех вопросов, над которыми все еще и мы, современники, ломаем головы. Не будем вдаваться в причины, которые в дальнейшем развели их и сделали, чуть ли не противниками. Но уже после мученической смерти Григория Ефимовича сам епископ Гермоген вспоминал о нем во время встречи с зятем Распутина Б. Н. Соловьевым, находясь уже в Тобольске.

8 марта 1917г. решением Св. Синода и его обер-прокурора Львова епископа Гермогена назначают на Тобольскую кафедру. В конце лета сюда же была направлена и императорская семья Романовых, но встречи с ними ему были запрещены. В 1918г. в Тобольске появился и Б. Н. Соловьев, который прибыл в город якобы с тайной целью освобождения царской семьи. Во время его встречи с епископом Гермогеном тот будто бы сказал ему следующее о Григории Распутине: «Я его любил и верил в него, вернее, в его миссию внести что-то новое в жизнь России, что должно было укрепить ослабшую связь между Царем и народом на пользу и благо последнего». Далее он признается, что «видя его усилившееся влияние при Дворе и учитывая, что его идеи будут еще вредоноснее, я начал энергичную кампанию против него». В результате епископ был направлен в ссылку в Жировицкий монастырь в Саратовской губернии и там он с ужасом увидел «борясь за Трон, я своей борьбой только скомпрометировал его лишний раз!».

Далее Гермоген рассказал как в декабре 1916г. он получил газеты, где сообщалось об убийстве Г. Е. Распутина и, войдя в свою келью, невольно подумал: «Вот он гнал меня и из-за него я нахожусь сейчас на положении ссыльного, но возмездие было близко, и кара Божия обрушилась на него и он убит!». И тут владыка Гермоген услышал громкий голос Григория у себя за спиной: «Чему радовался?... Не радоваться надо, а плакать надо! Посмотри, что надвигается!».

Далее епископ Гермоген вспоминает: «Я обомлел в первую минуту от ужаса.... Уронив газету и очки, я боялся повернуться, да и не мог сделать этого... Словно остолбенел. Наконец, перекрестившись, я быстро встал, оглядел келию – никого!». Он признается Соловьеву, что ошибиться никак не мог – то был голос именно Григория Распутина. «Не мне тебе рассказывать, ты это и не хуже меня знаешь, что Григорий был особенным человеком, и много чудесного связано с его личностью».

Весной 1918г. владыка Гермоген был арестован красноармейцами и увезен в Екатеринбург, куда позднее была привезена и царская семья. Затем его направили в Тюмень, а там посадили на пароход вместе с другими священниками, которые ратовали за освобождение его из заключения. 16 июня 1918г. их, обмотав веревками и привязав груз, бросили в воды реки Туры напротив села Покровского, родины Г. Е. Распутина.

Крестьяне села Покровского достали из воды тело владыки и погребли возле церкви, построенной на средства, собранные Григорием Ефимовичем, за благословлением на строительство которой он отправился в Петербург, где и познакомился с владыкой Гермогеном. Позднее тело владыки было перевезено в Тобольск. В 2000 г. он был причислен к лику священномучеников.

Кем-то из тоболяков в те беспокойные годы была написана песня «На смерть мученика», отрывки из которой приведем ниже:

«Тише волны, ветер...
Полно над рекою бушевать.
Затихайте, не мешайте
Страстотерпцу почивать.
Плавню льется, вдаль несется

Над Тобольском грустный звон,
С крестным ходом все народом
Страстотерпца встретил он.

.....
Прямо стойте, дружно пойте
Здесь на месте на святом,
Очищайтесь, совещайтесь,
Мир Христов несите в дом.
Помяни нас, огради нас
От врагов и от измен,
Наш архипастырь Гермоген.»

Говорят, неисповедимы пути Господни. Это можно понимать и как то, что судьбы наши складываются порой из очень различных фактов, понять которые нам не всегда дано. Но проходит время, оглянешься назад и увидишь, что дорожка тобой проторенная, очень пряма и направлена к одной единственной цели. Только к какой? А у всех по-разному: у кого к Храму, а у кого и совсем в противоположную сторону

V. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАРИСОВКИ

1. АЛЕКСАНДР АЛЯБЬЕВ. « БЕЗ МУЗЫКИ НЕ СМЕЮ ЖИТЬ...»

Действующие лица:

Алябьев Александр
Алябьев отец
Алябьева мать
Алябьева сестра
Военный
Молодой человек
Девушка в розовом
Девушка в голубом
Врехов – помещик, игрок-картежник
Игрок 1-й
Игрок 2-й
Первая цыганка
Вторая цыганка
Группа цыган 4-5 человек
Молодые люди в цыганском таборе
Посыльный
Танцующие участники бала в доме Алябьевых
Исполнители песен
Пианист

Первый акт

Бал во дворце бывшего сибирского губернатора Алябьева в честь окончания войны 1812 года. Кружатся пары, среди них молодой человек с усами и бакенбардами в гусарской форме, в круглых очках в металлической оправе – это Александр Александрович Алябев-сын. Он приглашает по очереди то одну девушку, то другую, что-то напевает. У стены стоят его отец и мать, внимательно вглядываются в каждую новую избранницу их сына.

Алябьев-отец. Неужто не решится он представить нынче нам избранницу свою?

Мать. Похоже, так и не узнаем, кому он предпочтение отдаст.

Алябьев-отец. Прошел войну, понюхал порох, на волоске от смерти был, пора подумать о семье, пока не поздно. И службу выбрать, чтоб чины росли, а уж когда в года преклонные войдет, то знать, что не напрасно прожил.

Мать. Увы, мой друг, другим он увлечен: романсы, оперы, как будто в жилах кровь течет не славянина, а итальянца ...

Алябьев-отец. Иль цыгана, коль в музыке что смыслу. На днях услышал наигрыш его – ни то, ни се, не наш мотив. Но как нам сына отвратить от музыки – ума не приложу.

Мать. Женить и этим вмиг положим конец и музыке и картам.

Алябьев-отец. И не скажи. Не первый мне знакомец намекает, что в карточной игре проводит Александр и дни и ночи. Добром не кончится занятие сие.

(К ним подходит военный с бокалом в руке).

Военный. Почтенные хозяева, позвольте тост поднять за славную победу над французом и царствие того, кто обратил народа волю на врага и всех сумел поднять, сплотить, увлечь ... (смутившись умолкает, теряется) О чем же я хотел сказать?

Алябьев-отец. За Александра царствие и воинство все наше! Виват!

Гости. (подхватывают) Виват!!! Виват!!! Виват!!! (Слуга разносит бокалы все пьют, хлопают, за окном слышны пушечные выстрелы, звуки салюта, зал дворца окрашивается разноцветными сполохами).

(Из центра танцующих выходит молодой человек в штатской одежде с бокалом в руках).

Молодой человек. Я слышал тост: «За Александра!», что император наш. Согласен. Он правит нами мягко и умело, как не воздать хвалу его заслугам. Но здесь у нас еще два Александра, не выпить за которых грех.

Голос из толпы. За Александров сына и отца.

Женский голос. За сына и отца Алябьевых – хозяев дома.

Алябьев-отец. (несколько смущенно). Благодарю всех вас и пью за сына.

Алябьев-сын (далее просто Алябьев). А я пью за отца и всех гостей.

(К нему подходит девушка в розовом платье, берет за руку).

Девушка в розовом. Нет, вас так не отпустим мы. Неужто не услышим здесь нынче песен ваших новых? Сыграйте нам, прошу.

Алябьев. Извольте, но только если вы споете. Согласны ли условие принять?

Девушка в розовом. (робко) Сумею ли, не знаю ... Не помню слов я песен ваших всех.

(К ним подходит девушка в голубом).

Девушка в голубом. То не беда, вам помогу и поддержку, коль Александр сыграет.

Голоса из толпы. Просим, просим!!! Играйте, Александр.

(Алябьев проходит к фортепьяно и проводит рукой по клавишам).

Алябьев. Что ж, отказать вам не могу, не в правилах моих кокетничать как барышня. Начну мелодию, а вы слова напойте. (Играет, девушки поют).

Мать. Идиллия! Иначе не сказать.

Алябьев-отец. Твои слова да Богу в уши. Я так скажу: служить не будет, кончится бедой, поверь моим седидам.

Мать. А может обойдется все? Как музыка прелестна и девушки – любую выбирай.

Алябьев-отец. Пора бы выбор сделать. Пока не поздно.

Мать. Храни его Господь.

Алябьев-отец. Аминь. Пускай веселье молодых не оставляет, а нам пора и отдохнуть. (Уходят).

(Танцы продолжаются, постепенно гаснет свет, затемнение. На сцене остается один Алябьев).

Алябьев. Веселье мне не в радость и не найти покоя в московской суете. Кто я для них, салонных львов? Лишь сын отца-вельможи и вышедший в отставку офицер. Их музыка моя не греет, не трогает сердца. То вижу по глазам, речам их льстивым! Ханжи и лицемеры, которым лишь чины важны, на музыку – плевать! Но нет, не сдамся, докажу: талант важнее чинов, коль Богом ты отмечен. Поеду лучше за город. К цыганам. Уж там развеселюсь привольной песней звонкой. (Затемнение, уходит).

Конец первого акта.

Второй акт

Цыганский табор. Несколько девушке поют у костра, другие пританцовывают. На гитаре играет молодой цыган. Здесь же сидят двое молодых людей. (Песня).

Нам цыганам нипочем

Грусть, тоска и мука,

Если песню запоем,

Прочь уходит скука!

Припев: Эх, раз! Еще раз! Еще много, много раз!

Две гитары зазвенев,

Жалобно заныли –

Сердца памятный напев –

Милый друг, то ты ли?!

Припев: Эх, раз! Еще раз! Еще много, много раз! (Добавить куплеты).

(Входит Алябьев).

Первая цыганка. Кто к нам приехал? Свет наш Александр! Глядь, прилетел наш голубь сизокрылый!

(Напевают: «К нам приехал Саша, Саша, Александр наш дорогой!» – 2 раза).

Вторая цыганка. Давно, давно ты не был... Не забыл? Или нашел иную где голубку? Тогда что хмурый вдруг? Так на тебя то непохоже.

Первая цыганка. Сейчас, сейчас развеселим его. Споем и спляшем, погадаем.

Алябьев. Ой, спойте, попляшите, девоньки мои! Душа вот не на месте, а с чего? – не знаю. Не перебраться ль к вам и здесь остаться жить? Чем табор не хорош? Пусть крышей станет небо.

Вторая цыганка. А что? Подходит! Оставайся и живи. Убыток не велик, прокормим. (Смеется).

Первая цыганка. Слыхали музыку, наш друг, ты сочиняешь. Правда ль то?

Алябьев. Так ... Лишь иногда со скуки и сочиню романс иль песню ненароком.

Цыганки (хором). Спой, спой! Хотим послушать.

Алябьев. Нет, увольте. Приехал слушать вас. О том прошу. Не откажите, а иначе разобижусь.

Первая цыганка. Так слушай, коль просил. (Поют грустную песню).

Алябьев. Ах, девоньки! Не песня – чудо! Мне так не сочинить, хоть сто лет проживу. Где звуков столько взять? Помилуйте, не знаю ...

Вторая цыганка. До ста лет, говоришь, собрался жить? Давай, проверю.

Алябьев. Уж сам хотел просить, да ты опередила – на счастье погадай. (Протягивает ладонь, цыганка берет ее в свои руки, внимательно рассматривает). Что видишь там, скажи.

Вторая цыганка. Всю правду говорить?

Алябьев. Всю, всю ... Как есть скажи.

Первая цыганка. Вот вижу я, что ты богат и знатен и долго проживешь. Но только, только вот (Сбивается, отходит в сторону). Нет, не могу ...

Алябьев. Скажи, скажи, прошу! Мне лучше правду знать, чем жить в небытие.

Вторая цыганка. Ну, хорошо, так знай, мертвец стоит перед тобой и всю судьбу твою он поломает.

Алябьев. Ну, наплела сто коробов. Не верю, сказки все. Давайте дальше веселиться, а то еще заплачу.

Вторая цыганка. Как хочешь, сегодня ты хозяин. Споем, Земфира, нашу песню, которую нам бабка в детстве пела?

Первая цыганка. Споем! Грустить мы долго не умеем.

(Поют, пляшут, им подпевают остальные участники, находящиеся в таборе).

Конец второго акта.

Акт третий

(Небольшая комната, где за столом сидят несколько игроков в карты, среди них Алябьев. На столе стоит канделябр, стаканы, бокалы).

Игрок 1. Да, карта что-то нынче не идет. Я пас. (кладет карты на стол).

Игрок 2. И мне удачи видно не видать, но все же попытаю счастья (ходит).

Врехов. Не грех и проиграть немного. Продал я нынче да весьма удачно свой урожай с поместья, а потому гульнуть себе позволил. (ходит).

Алябьев. Завидовать не смею достатку твоему, но почему бы не гульнуть, коль случай выпал. Отвечу дамой. Что за гульба без дам.

Игрок 2. Согласен с вами, а потому готов принять всех ваших дам – они мне будут кстати.

Врехов. Возьмите и мою, мне дамы ни к чему, без них свободней жить.

Алябьев. Ходите, дамо-ненавистник.

Врехов. Вот тут вы не правы, замечу. К ним ненависти нет в душе моей, но променять компанию мужскую на женскую – абсурд! (ходит).

Алябьев. Да вы с туза зашли! Что ж, вынужден принять.

Врехов. Куда деваться, коль козыри в моих руках. То вам не музыку писать, здесь ценится талант иного рода. Я выиграл! И ваши ставки в мой карман перекачуют.

Игрок 1. К деньгам деньга идет. Что скажешь тут?

Игрок 2. Вам повезло уж в третий раз. Такого не припомню, чтоб проигрался трижды кряду.

Алябьев. Нечистая игра. Я так скажу. Заметил давеча, как карты он фальшиво тасовал.

Врехов. (вскакивает с места). Как смее, любезный, поклеп свой возводить?! Игра она игра и есть: кому-то повезло, а кто-то в дураках остался ...

Алябьев. (Поднимается и выходит из-за стола). Меня вы дураком назвать посмели? Честь дворянина не позволяет мне вас вызвать на дуэль как шулера, с которым встать к барьеру не считаю нужным.

Врехов. А я не дворянин? Хотите, - будем драться.

Алябьев. Вы были дворянин, пока здесь шельмовать не стали.

Игрок 1. Бей шельму! (замахивается).

Алябьев. (перехватывает его руку). Оставь его для моего расчета. Меня он первым оскорбил, а потому за то ответит. (Ударяет Врехова по щеке, тот падает).

Игрок 2. Каков удар! Рука не музыканта, но мужчины.

Алябьев. Меня повторно вы хотите оскорбить? Что ж, я готов.

Игрок 2. Да что вы, Александр! И в мыслях не было. Хотел удар ваш похвалить.

Алябьев. Мы не на сцене, где браво, бис кричат. Довольно, выкиньте его из дома, чтоб духа не осталось.

(Игрок 1 и игрок 2 вытаскивают Врехова из комнаты, возвращаются).

Игрок 1. Он в чувства не пришел. Так и лежит.

Алябьев. Ничто, очнется. От оплеух не умирал никто пока что.

Игрок 2. Беды бы не случилось. Наш новый государь, мне говорили, не любит страсть как карточной игры на деньги.

Алябьев. Так пусть на фантики играет, не вижу в том плохого.

Игрок 2. Ох, чуёт сердце, выльется в скандал немалый казус этот.

Игрок 1. Поеду я, однако же к себе. А может и из города отбуду, пока все не уляжется, не уgomонится.

Игрок 2. И я с тобой. Прошу вас, Александр, чтоб в случае чего ... (Мнется) Ну, об участии моем в игре на людях где случайно не сказали.

Игрок 1. И я о том же попрошу. Пока все не забудется и не уgomонится

Алябьев. Вороны! Мне иначе не сказать. Как поклевать задаром, тут как тут. А лишь слышат шум, - и нет их, улетели.

Игрок 2. Не всем быть соловьями, кому-то надо быть вороной. Таков закон природы.

Игрок 1. Так мы пойдем? Напомню, ты про нас забудь, коль что ...

Алябьев. Не надо мне два раза повторять, не жалею на память. Но порошу и вас, чтоб впредь в мой дом нога ни одного из вас ни разу не ступила.

Игрок 2. Коль так угодно, мы согласны. (Уходят).

(Алябьев подходит в задумчивости к фортепьяно, начинает наигрывать мелодию).

Крики из-за сцены: Он мертв! Остыл уже!

Алябьев. (бросается за сцену, возвращается). Ну, вот вам и мертвец... Не соврала цыганка... Судьбе угодно значит мне испытание дать, в котором выстою или нет, не знаю. И вижу крах карьеры и опалу, без этого не обойтись. О, Господи, за что ты так суров ко мне без меры?! Как дальше жить? Спасенье в чем? Лишь музыка моя – она должна мне спутницею верной стать и без нее я жизнь свою не вижу. Все испытанья вынесу, хоть будут тягостней они тягчайшей ноши. Без музыки себя не представляю и жить не смею.

(Тихо звучат аккорды из романсов Александра Алябьева. Затемнение).

Конец третьего акта.

Акт четвертый

Комната со столом, несколькими стульями и фортепьяно. На одном из стульев сидит сестра Алябьева с вязанием в руках. Входит Алябьев, слышны удары колокола.

Сестра. Как служба в храме? Отстоял всю до конца или опять ушел намного раньше, чем кончится заутреня? Все донесут владыке, а от него Синод узнает про тебя. Оттуда сообщат в Сенат и срок тебе оставят прежним.

Алябьев. Не говори ... Как тяжело стоять на службе мне день изо дня – не мыслишь даже. Семь долгих лет! Их провести в Тобольске. Вдали от всех друзей и обществ. Ужасный крест возложен на меня судом людей, которых знал и знаю поименно.

Сестра. Себя вини, не их. Отец тебя предупреждал не раз – картежная игра не доведет до рая, скорее в ад дорожку быстренько укажет.

Алябьев. И ты туда же. Уж не могу и не хочу спасительных речей я больше слушать. Мне б было легче на Кавказ отправиться, чем жить в Сибири.

Сестра. Там, на Кавказе, смерть давно гуляет. Не искушай судьбу и осторожней будь в словах своих.

Алябьев. Там смерть? – а здесь ты скажешь – жизнь?! Тут сумрачней, чем в склепе и пахнет мертвечиной. Нет ни концертов, ни балов, театр и тот провинциальный, где постановки давности столетней.

Сестра. Ты, Александр, не прав. Ни света край. Здесь некогда отец театр открывал и был он тем весьма доволен. Да и балы дают едва ль не каждую неделю. Другое дело нас с тобой на них не приглашают.

Алябьев. А я о чем? Для них я кто? Колодник, каторжник, что сослан и лишен дворянства. Их общество не для таких как я.

Сестра. Так что ж ты хочешь? И в Москве тебя бы после случая того в приличные дома не пригласили. Кто виноват? И нечего зазря на город тихий наводить поклепы.

Алябьев. Права, сестра, права, согласен. Моя вина во всем и поделом мне, что сгину в сей тиши и не дождусь я окончанье ссылки.

Сестра. Да полно. Кушать будешь?

Алябьев. Нет, не хочу. Иная пища мне нужна сегодня. За ноты сяду, может быть, они меня соединят с родимым домом. Лишь музыка мне в радость, знаешь ты о том.

Сестра. Не только я, то всем известно – ты творец, а потому – твори и нет тому препятствий. Проходит все и срок недолог, когда вернут тебя из ссылки.

Алябьев. Скорей бы уж ... Сил больше не осталось. (Наигрывает мелодию на фортепьяно).

Сестра. Сыграй, я подпою, и может быть тоска уйдет хоть ненадолго.

(Поют вместе, затемнение, выходит исполнитель романсов – звучит музыка).

Конец четвертого акта

Акт пятый.

Та же комната. Алябьев что-то пишет за столом, сестра читает. Стук в дверь.

Сестра. Войдите. Дверь открыта.

(Входит посыльный с пакетом в руках).
Посыльный. Приказано доставить вам от губернатора пакет.
Алябьев. (Закрыв лицо руками). Что в нем?
Посыльный. Знать не могу. Но был вчера он прислан из столицы с нарочным.
Алябьев. Вчера?! (почти кричит) Вчера?!?! Немилосердны и жестоки люди, что ждать меня заставили всю ночь. Коль знал, то все б замки взломал и вскрыл печати, лишь бы узнать, о чем там пишут.
Сестра. Позволь мне вскрыть.
Алябьев. Конечно, вскрой. Волнение мне не даст и шага сделать.
Посыльный. Прикажете идти?
Сестра. Иди, родимый. Спасибо, что доставил в срок.
Посыльный. Рад стараться. Желаю здравствовать. (Уходит).
Сестра. (Вскрывает пакет, читает). Так ... Это все идет перечисление вин твоих и прочее о том же. А, вот и суть ... О, Александр!
Алябьев. Что? Что?! Скажи скорей, не вынесу иначе.
Сестра. Окончен ссылки срок и ты свободен. Отсюда можешь ехать на лечение как просил.
Алябьев. А как Москва?
Сестра. Нельзя. В столицы въезд отныне запрещен.
Алябьев. Плевать мне на Москву. И без нее мест предостаточно в России, где можно жить.
Сестра. Так что же? Едем мы? Сегодня? Завтра?
Алябьев. (Делает несколько шагов по комнате, растерянно, разводит руками). А знаешь, может ты права, что это город, где мне работалось так славно и не в тягость. Две оперы, кантаты и без числа романсов в Тобольске мной написаны. Когда б и где смог столько сотворить?
Сестра. И я смотрю – ты стал другим, уж в карты не садишься за игру, в работе все. Тобольск, я думаю, и вылечил тебя, и дозволение дал взглянуть на мир иначе, себя увидеть в нем и осознать, кто ты на самом деле есть.
Алябьев. И кто же я? Скажи.
Сестра. (Подходит к нему, обнимает за плечи). Ты знаешь сам – великий соловей равнин России. Могу тобой гордиться и сказать, что многие столетия потомки имя твое воспоминать все будут.
Алябьев. Когда б не знал тебя, то не поверил в правдивость этих слов. Скажу и я, ты знаешь, никогда мне так не пелось, не творилось как здесь, в лесном краю сибирском под колокольный звон соборов и церквушек. Они милей сто крат московской суеты и всяких пересудов. Родным Тобольск мне стал по праву и, если честно, жалко покидать иртышский берег, Ермака наследство, где принят был как сын.
Сестра. Он миру подарил Алябьева - певца России!
Алябьев. Так пусть Тобольск останется для нас святым Граалем, музыки моей отцом, которая спасла меня и излечила от бед земных.
Сестра и Алябьев (вместе): Прощай, Тобольск! Прощай могучий старец! Спасибо, что ты есть и вспоминай о тех, которые роптали на судьбу, Сибирь нещадно кляли. Мы вечно будем помнить о тебе, Тобольск, как лучшем месте в мире.
(Звучит один из романсов Алябьева)

Выходят все участники спектакля на поклон.

Конец

2. РЕКВИЕМ СВОБОДЕ

(драма для малой сцены)

Действующие лица:

Белый Ангел

Черный Ангел

*Николай Александрович Романов отказавшийся от престола Император
Всероссийский*

Александра Федоровна, его жена

Их дети:

Алексей

1-я сестра (старшая)

2-я сестра

3-я сестра

4-я сестра (младшая)

Господин

Первая дама

Вторая дама

Начальник охраны

Первый матрос

Второй матрос

СЦЕНА 1. В полумраке на авансцене появляются две фигуры: Черный ангел и Белый ангел. Они некоторое время стоят молча по краям сцены, а в глубине ее танцуют 2-3 пары. Звучит вальс «На сопках Манчжурии» или «Амурские волны». Постепенно музыка смолкает, танцующие скрываются за кулисами и прожектор по очереди высвечивает Ангелов пока они произносят свои слова.

Черный ангел.

Я ангел черный, падший ниц

За тяжкий грех, свершенный тем народом,

Где жить пришлось мне некогда ...

С тех пор витаю над землей в преддверье бурь людских,

Взрывающих безумьем толпы спокойствие и мир,

Царивший средь людей. И гибнет плоть от крика

И бешенства идей, несущих смерть.

Белый ангел.

Мне нелегко взирать на этот ужас

Столь тебе привычный в скопище страстей.

Еще трудней пытаться примирить добро со злом,

Поскольку зло коварно и верх берет

Обманом и посулом светлых дней,

Которые придут, едва прольется кровь во имя

Якобы свободы ... Но нет ее, а есть обман и ложь!

Когда бы люди поняли все это,

То мир надолго занял землю промыслом с небес.

Черный ангел.

Нет, не бывать тому, пока

Людская гордость будет возноситься превыше веры,

В помыслах рабов.
И ты такой же раб добра, которое
Смешно, нелепо, незащищено ...

Белый ангел.

Не верь, не верь в добро,
Но стоит усомниться в свете дня
И светило воссияет тени поглотив,
Сотрет твой образ как ночной кошмар.
Добро всесильно, потому бессмертно!

Черный ангел.

Да что я слышу?! Или сам не видишь черную толпу,
Что жаждет смерти лучших из людей?

Белый ангел.

И что с того? Недолог век у смуты,
Но праведников больше станет после,
Когда раскаянья настанет время.
Година черная грядет, то знаю ...
Но верю, верю! – победит добро!

Прожектора гаснут, Ангелы покидают сцену.

СЦЕНА 2.

Действие происходит в Тобольске. Август 1917 года. Освещается сцена, где на заднике виден Тобольский кремль, на авансцене стоят старинные свечные или ламповые фонари, макеты деревьев, скамейки. Слышны звуки волн, гудки парохода, гул толпы, отдельные глухие выкрики: «Приехали! Привезли! Царя с царицей привезли! И детки с ними! Идут! Идут! Посторонись!»

Появляются две дамы с зонтиками, сумочками и господин в котелке. Они смотрят в сторону, откуда доносится шум, пятятся, присаживаются на скамейку.

Господин.

Ах, времена настали,
Что не могли мечтать!
Царя в Тобольск сослали
Их можно созерцать!

Первая Дама.

Да, да, какая радость
Ее не передать,
Когда наступит старость,
То есть что рассказать.

Вторая дама. (грустно).

А мне их жалко, очень ...
Судьба к ним так строга
Их здесь у нас заточат,
Как злейшего врага.

Первая Дама.

Да что вы, право, Дусик,
А мы тут как живем?
(показывает рукой)

Какой наследник пупсик!
Чуть ближе подойдем.
(Встают, делают несколько шагов)

Господин.

И поделом им, хватит
Пить нашу с вами кровь
Моих к ним нет симпатий
Какая тут любовь.

Первая дама.

Ой, сколько нынче новостей!
В себе их трудно удержать
Спешу к подругам, чтоб на randevu
Увиденное им скорее рассказать.

Господин.

Незабываемый момент, но мне в свой клуб пора,
Уж поздний час.
Адью, мои друзья,
Жду в гости, как всегда рад буду видеть вас. (Откланиваются, уходят).

Вторая дама.

Прощайте. Да, момент и впрямь непрост:
Вся царская семья прошла пред нами ...
По коже пробежал мороз,
Увидев там солдат с примкнутыми штыками.
И дети-узники идут по горестной земле
Со скорбью в глазах. И сумрак смерти виден на челе ...
(Достает платок, прикладывает к глазам, крестится, уходит).

СЦЕНА 3.

Выходит царская семья: Николай, Александра, 4 дочери и царевич Алексей. Смотрят на нагорную часть, беседуют меж собой.

4-я дочь (младшая). Какой прекрасный город! Словно в сказку попали мы не ведая того!

3-я дочь. И не хватает только Черномора или Руслана, чтоб нас похитил и умчал отсюда к свободе, к свету ...

2-я дочь. За тем не станет. Вон видите – стоит солдат в шинели, с бородой? Ну, чистый Черномор!

1-я дочь. Не приведи Господь! А то и впрямь к нам явится он за полночь.

Александра Федоровна. Тише дети, тише! Нас слышат и превратно могут все истолковать.

Николай Александрович. Да, городок, вам доложу ... Церквей в избытке, но Азия во всем: глазеть на нас собрались как в зверинце. Так смотрят на слонов, мартышек и нас, как будто не считая за людей.

Александра Федоровна. Нельзя так, Николя, судить по первым встречным обо всех. Не забывай, тут родина того, кто молится за нас.

2-я дочь (подпрыгивает и корчит рожу 4-й дочери) Мартышка читала книжку! Мартышка всегда глупышка.

Александра Федоровна. Тише, дети. Вон к нам идут, чтоб заключить под стражу. Дети (хором). Как под стражу?

Начальник охраны (подходит, кланяется). Отнюдь! Вы не правы, хоть вправду есть охрана, но она снаружи. А вы не узники, а как бы гости в этом городке.

Алексей. Так для чего тогда охрана?

Начальник охраны. Вас охранять.

Николай Александрович. Позвольте, от кого?

Начальник охраны (разводит руками). От всех – от покушений тех, кто зло замыслит.

Александра Федоровна. У Вас есть сведения на то?

Начальник охраны. Нет, ни каких, но должно нам блюсти порядок и предотвращать ...

Александра Федоровна. Что? Что? Простите ...

Начальник охраны. Всё, что может повредить покою и порядку рядом с Вами.

Николай Александрович. Весьма туманно и пестро, но с Вами не поспоришь. Что ж, ведите в узилище свое. Мы уж готовы.

Александра Федоровна. Да, да, идемте.

4-я сестра. А каков наш дом? Он очень старый?

3-я сестра. И сколько комнат в нем? Возможно ль будет разместить прислугу?

2-я сестра. А нам гулять позволят?

1-я сестра. Как же! И бал дадим и танцы до упада ...

Начальник охраны. Идемте, сами вскоре все сможете узнать как обживетесь.

Александра Федоровна. Надолго тут не дай нам Бог зажитья. Хотя ... уж лучше здесь, чем там. (*Указывает рукой на небо*).

Уходят.

СЦЕНА 4.

На заднике сцены изображение Дома губернатора в Тобольске и ниже фотография царской семьи. Выходят два человека одетые в тельняшки, с бескозырками на головах и красными бантами на груди. У одного из них гармошка он, приплясывая играет на ней, оба исполняют частушки.

Первый матрос.

Эх, яблочко к Тобольску катится

На балконе царь сидит на нас таращится!

Второй матрос.

А четыре с ним девицы

Да и пятая жена

Голова у ней кружится –

Нас германцу продала.

Первый матрос.

Эх, яблочко, мое кислое

Не хочу жить под царем,

Пойду с марксистами.

Второй матрос.

Эх, яблочко, мое румяное

Надоела мне жизнь окаянная

(Хором):

Заряжу я свою трехлинеечку

Из нее пульну в царя за всю Рассеюшку.

(Грозят вверх кулаками, уходят).

СЦЕНА 5. *Комната в Доме губернатора. Начало весны. Вечер. На столе горит керосиновая лампа и свечи. Дети играют в лото, старшая сестра пишет за столом письмо, Александра Федоровна вяжет или вышивает, Николай Александрович расхаживает по комнате.*

4-я сестра. Уж Пасха скоро ... Что будем шить на праздник?

3-я сестра. Мне бы хотелось платье голубое, чтоб кружева по краю и бант был на груди.

2-я сестра. А мне и шить не хочется чего-то – предчувствие дурное у меня.

Александра Федоровна. Ну, так нельзя! Надежда есть всегда, во всем и всюду она нас всех должна оберегать.

1-я сестра. О чем Вы, право, мама? Надежды нет! Иль Вы не видите как все переменилось? Забрали наши вещи, а отца погон лишили даже. Мы – арестанты и думать о свободе глупо. Ее не стало с некоторых пор.

Алексей. Но к нам спешат сто честных офицеров, чтоб нам освободить. Известье верное, то слышал сам ...

Николай Александрович (оглядываясь на дверь). Тише, тише!!! Нас могут слышать. Нет, дети, нет, свобода кончилась с приходом к власти тех, кто думает не о свободе, а о рабстве для всего народа. И мы для них помеха.

Александра Федоровна (перебивает). Не надо, Николя. Тебя я заклинаю – не говори об этом, пощади детей, пусть думают ...

Николай Александрович (резко). О чем?! Уж лучше пусть узнают, кто палачи кровавые, что мстят нам за свои грехи, за их весь род, и за отцов несчастья! За все те триста лет, которые мы правили Россией. Теперь они желают отыграться на нас с тобой, на детях наших.

Александра Федоровна. Не надо!!! Заклинаю!!! И слушать не хочу, хотя бы правды было в твоих словах не меньше, чем в Писанье Божьем. Не смей так думать даже, надо жить, пока Господь день новый отпускает.

Николай Александрович (со вздохом). Ну что ж, тебе видней.

4-я сестра. Так что наряды наши? Что будем шить?

Александра Федоровна. А как же?! Будем, детки, будем.

Младшие сестры хором. Ура! Ура! Хотим обновок.

Начальник охраны (входит). О чем тут речь? Всеобщее веселье вижу, рад за вас. А у меня известье – завтра едем в Екатеринбург ...

Все. Когда?! Куда?!

Начальник охраны. В Екатеринбург приказано нам ехать. Вам ночь на сборы, а утром в путь, в дорогу. Прощайте. До утра. (Уходит).

Николай Александрович. Свершилось... Близок час кончины нашей...

Александра Федоровна. Зачем ты так? Прошу тебя, не надо.

Николай Александрович. Нет, привык смотреть в глаза я правде, какой бы не была она.

Александра Федоровна. Быть может ты и прав. Хоть так, но обретем свободу. Присядем пред дорогой, прочтем молитву душу всю вложив, читайте, дети.

Затемнение на сцене. Проектор высвечивает фигуры Ангелов.

Черный ангел. Так кто же прав из нас? Вот-вот прольется кровь безвинных из людей. Останови их смерть, замедли час кровавый.

Белый ангел. Не первой, не последней каплей станет их кровь, как сказано до нас. Ее река шумит потоком мощным питая ход истории людской. Все так ... Все так, чернявый мой соперник, но в этом суть людского бытия.

Черный ангел. В чем суть? Позволь, сказать ты хочешь – в смерти?

Белый ангел. Нет, в вере в жизнь и в промысле небес. Пока есть люди, что готовы жертвой пройдя сквозь смерть быть в памяти людской святыми и безгрешными. Покуда на тысячу хотя б один найдется пожертвовать собой – мир будет жить законом правды, веры и добра.

Черный ангел. А как же месть за жизнь безвинных? Без этого немыслим новый день.

Белый ангел. Тому не быть, коль светел ты душой. Они убийц уже простили – убийц своих детей, молясь за них, за темные их души. В том веры смысл – прощение врагов и в том свобода духа!

Прожектор высвечивает семью Романовых со свечами в левой руке, и каждый из них читает по четверостишию:

«Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей»

«Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать»

«И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбления,
Христос Спаситель, помоги»

«Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час»

«И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов»

.....
«Но час пробьет, придет пора
Зло одолеет власть добра,
И все утраченное, вновь,
Вернет взаимная любовь»

Под вальс в глубине сцены появляются танцующие пары.
Все актеры выходят на поклон.

Конец

3. КАК ЕРШОВ К ПУШКИНУ В ГОСТИ ХОДИЛ

Разные у людей занятия имеются, встречаются: одни службу государеву несут, а другие своим хозяйством живут-промышляют, о большем не помышляют.

Были в Тобольске-городе когда-то купцы Ершovy, люди толковы, торговали с прибытком, жили с достатком, славились умом-разумом. И вот вышел из их рода-племени Петр Павлович Ершов парень добрый, дельный в науках сведущий. Отправили его в столицу в университете учиться, на ноги становиться. И все бы ладно, глядишь, вышло складно, и вернулся домой человек ученой. Да случилось ему сказку написать про Конька-горбунка и Ивана-дурака. А как сказку ту написал, то известным сразу стал.

И надо же такому случиться, так делу сложиться, что попала его сказка на стол к самому Пушкину, что тех сказок уже дюжину написал-сложил, главным сказочником по всей стране слыл. Прочел он ее за один присест, вот те крест, подивился, ладу-складу поразился, а чего-то, видать, не понял, не разумел и Ершова вдруг повидать

захотел. Зовет к себе слугу ловкого, в делах расторопного, да и говорит ему, приказывает, на "Конька-горбунка" показывает:

– Сыщи мне этого Ершова в короткий срок. Хочу с ним поговорить-побеседовать, с глазу на глаз повыспрашивать, откуда он обо всем том прознал, чего я, сам Пушкин, сроду не слыхал.

– А где же мне его найти взять? – слуга удивился, на хозяина воззрился.

– То твое дело, ищи смело, – Пушкин ему сказал, а сам на бал побежал. Уж больно охотчив он до балов тех был, чуть не на все бегал-ходил, но и жену с собой водил. Тут худого про него ничего не скажешь, как на иных пальцем не покажешь.

Ладно, хозяин на бал укатил, слуга рюмашечку пунша принял, санки заклал, на Невский поскакал, стал там спрашивать, узнавать, где ему сказочника Ершова сыскать, а вдруг да кто найдется, скажет на нужного человека укажет. И точно, студент один в шинелишке худой, горлом больной, спешил домой, но остановился, со слугой словом обмолвился.

– На Васильевской стороне тот Ершов живет-проживает, у полковницы одной угол снимает. Там и ищи, спрашивай, узнавай да меня не выдавай.

Поскакал слуга на Васильевскую сторону к дому большому.... И, правда, сыскал, нашел Петра Ершова, совсем юношу, ростом небольшого, в очках стальных, кудрях льняных.

– Точно ли ты Петр Ершов будешь таков? – слуга удостоверился, взглядом к нему примерился.

– Ершов и есть, да что за честь? Кому вдруг надобен стал, что за мной человека прислал?

– Сам Пушкин про тебя узнал да и видеть пожелал. Являйся завтра поутру в десятом часу. Они в это время как раз и просыпаются, кофеем отпиваются. Да гляди, не опоздай, не оплошай, барин мой даром что поэт, а чуть чего хватъ пистолет и пошел пулять–стрелять, народ пужать.

Вообщем наговорил тот слуга разных страстей всяких мастей, что у Петра Павловича отдышка началась, в ногах сделалась слабость, испужался малость:

шутка ли в деле сам Пушкин в гости зовет, приглашает, а вот зачем... не рассказывает. Про него тогда по столице много всяких слухов велось, сказывалось, мол, кто ему скажет слово поперек, то сразу уши надерет. Или того хуже – на дуэль вызовет-призовет, к барьеру поведет. Сам губернатор его боится, опасается и лишний раз не связывается. Вообщем слово одно, хоть во дворе темно, а всю ночь Петр Ершов не спал, стихи писал. А утром чуть свет, надел лучший жилет, серый сюртучок, часы нацепил на бочок, что не лыком шит, хоть не так знаменит. Догадался тетрадку со стихами взять, чтоб в гостях почитать. Нанял извозчика, велел вести да по кочкам не шибко трясти. Долго ли, коротко ли, а прибыли, прикатили, гостю сразу двери открыли. Вошел он, не жив, ни мертв, но в ногах тверд, очки снял, протер, а слуга на слово остер, в кабинет проводит, в кресло усаживает, подождать приказывает.

Минут пять или сколько прошло, несет слуга вино, мол, не желаете ли принять, кручину унять. Ну, Петр Павлович, само собой, отказался, ждать хозяина дальше принялся. Прошло полчаса, а там и час, а тот не спешит придти да беседу завести. Неловко Ершову стало сидеть ждать, не пойти ли вспять. Только на ноги встал, поднялся, а тут и Пушкин чуть не бегом примчался, извинился, что задержался, дескать, долго стихи писал, да все рифма не шла, не давалась, а там вконец потерялась.

Ладно, сели в кресла обратно, слуга кофий подает, сливок в чашку изрядно льет. Тут Пушкин книжечку со сказкой ершовской в руки берет и такой вопрос ему задает:

– Скажите, мил человек, мне честно – откуда вам про все то известно?

– О чем спрашиваете, интересуетесь? – Ершов тяжело дышит, краснеет, волнуется, очки снимет, оденет, сызнова примерит.

А Пушкин ему:

– Я, как известно, тоже сказочки разные пишу-пописываю о чудесах всяких, дивах невиданных рассказываю. Но только у меня все не так получается, выходит и дурак царя сроду за нос не водит.

– Так дураки на свете разные бывают, встречаются одни Ваньками, а иные и Иванами Ивановичами величаются.

– Ладно бы, коль один Иван-дурак! Но царь-то как?! Он еще глупее получается, коль за такие дела принимается. Народ-то может и не понять, кого за дурака, а кого за умника держать.

– Зачем же вы так, Александр Сергеевич, говорить изволите, и меня объяснять вам неволите. Народ завсегда все поймет как надо. Что миром, народом предложено, так тому и быть положено.

– Ой, батенька, то вы говорите, меня смешите: глас народа Христа распял, сам себя покарал. Мужик русский задним умом силен, да виновен ли в том?

– Коль мужик сыт, то на печке лежит, а как скажут "горячо", то плюют через плечо. В чем же печаль, коль так жили встарь?

Ершов наш тоже понемногу распаляется, но пока держится. Никак ему не ясно, чего худого в сказке Пушкин нашел, что так ругается, всерьез обижается.

– Вот и герой ваш главный, олух исправный – Иван, сын крестьянский уж больно ленив, до работы нерадив, все на печи лежа лежат, братьям помочь не спешит. Я бы такого в солдаты отдал, никого спрашивать не стал.

– Ему другой удел положен – время настанет и он работать станет. А в рекруты таких все одно не берут, коль сами не идут. Да и в Сибири у нас порядки другие, вам непонятные. Чтоб сибирского мужика узнать, надо там побывать, а из Петербурга гляди не гляди, глаза застит в пыли.

– Уж не знаю как там у вас в Сибири, а у нас в России дурак он дурак и есть, по уму и честь.

– Один мужик за ум был бит, с тех пор дома сидит, себя не выказывает, ни в чем не показывает. За ум большой и ответ двойной.

– Эка, вы батенька, складно говорите, дурака своего выгораживаете. Ну, да Бог с ним с дураком, коль не взять его не пестом, не крестом. Мне и конек по прозванию горбунок не особо приятен чем он занятен? Всяк горбун на Руси завсегда не в чести, а у вас он по небу летает, хозяина своего из беды выручает. И где вы, мил человек, слышали, чтоб кони по небу летали?

– А у вас, Александр Сергеевич-свет, хоть вы великий поэт, но помнится, карла бородатый в поднебесье летал, а Руслан-богатырь его за бороду держал, из рук не пускал.

– Так что с того, чего ж необыкновенного вы увидели, заметили, в чем неправду приметили? То колдун-чародей, жуткий злодей! Такой людям вред несет, а зазевашься – до смерти доведет. А ваш конек, который горбунок, хозяину первый помощник, верный слуга, защитник от врага.

– Не знаю чего ж тут непонятного, для вас неприятного? Сибирский мужичок лишь на вид дурачок, а не хуже вашего Руслана нечистую силу поймает, чуть поиграет, да на себя работать заставит, всех обставит.

Тут Пушкин свой кофий допил, на ноги соскочил, по кабинету забежал туда-сюда, словно в костях у него ломота.

– Чудной вы народ, сибиряки, хитрые мужички. Видать иным лыком шиты, не на наш пробор зачесаны. Может и вправду чего не понимаю, не за того вашего Ивана-дурака принимаю. Только все одно, царя бедного жалко, что кончил не сладко: в котел с кипятком свалился и там сварился. Чем он для вас, сибиряков, худ, отчего так глуп?

– Цари тоже разные бывают и всяко кончают – одни добром, а иные и худом. Я вам, Александр Сергеевич, вот чего скажу-отвечу на ваши речи: сказку эту не я придумал-сочинил, а в народе услышал. Не нам с вами и судить-рядить чего народ сказать хотел,

а о чем нам подумать велел. Люди-то мою сказку читают, иногда и похваляют. Знать по нраву пришлась, кому и понравилась. А уж как ей дальше жить, кого веселить, а кого в печаль вводить, то время покажет-решит, нас рассудит. Спасибо и вам на слове добром, что книжку мою заметили и меня приветили. Я на вас обиды не держу, чем смогу отслужу.

– Да и вы меня простите, строго не судите, - Пушкин пуще Ершова смутился, обнимать его кинулся. – У меня что на душе лежит, то и наружу бежит. Сказка, нет слов, хороша и чудесна, всем интересна. Дай Бог вам и дальше так писать, от иных не отставать. Но всю одно скажу, коль вас не обижу: иной народ в Сибири живет, свой хлеб сеет, жует. Уж больно заковыристый, с хитрецей, не то что наш мужик тверской или рязанской. Хотел бы у вас там побывать, все свои глазом повидать. Да тут как судьба укажет или царь прикажет: одни в Сибирь сами едут, а других в железках везут. Как Бог рассудит так оно и будет.

На том они и простились, расстались и больше уже не видались. Пушкин до Сибири так и не доехал, не побывал, знать не шибко и желал. Но после того как "Конька-горбунка" ершовского прочитал, то сказок больше сроду не писал. Видать чем-то его Петр Павлович удивил, что дело то ему остановил. А сказка про конька и Ивана-дурака и поныне живет, всяк ее читает да не всяк за истину принимает: кому что с рождения дано, с тем и жить велено.

4. СТОЛИК ШАЛЯПИНА

Всем нам приходилось задумываться, что, живя в старинном городе, мы так или иначе сталкиваемся с уникальными вещами, ценность которых измеряется не количеством драгоценных металлов, содержащихся в них, а тем, что владельцем их некогда являлись известнейшие люди. Недаром так бережно хранятся рукописи и личные вещи российских писателей, поэтов, художников. Да что там говорить, попадая в музей-квартиру Толстого или Пушкина, испытываешь какой-то священный трепет, понимая, что некогда к этим вещам прикасалась рука этих людей. Но сколько еще подобных вещичек бродит по свету, а то и стоят неузнанными вместе с отжившим свое старым хламом, убранном подальше от придирчивых взглядов гостей. Потому вполне разделяю интерес коллекционеров, что всю свою жизнь посвящают поискам и сборам вещей из иной эпохи, зачастую не встречая взаимопонимания со стороны родных и близких. Как-то мне пришлось присутствовать при любопытном разговоре двух таких собирателей старины, суть которого и попытаюсь передать, не особо уклоняясь в исторические подробности и детализацию происходящего. Не ручаясь за достоверность услышанного, а потому предлагаю читателю самому решить, насколько мой рассказ заслуживает того, чтоб быть принятым на веру.

Начну с того, что в не столь давние застойные времена коллекционирование антикварных вещей рассматривалось властями не иначе, как нечто среднее между спекуляцией и скупкой краденного. Но прямого юридического запрета на собирательное хобби потенциальных строителей коммунизма все же не было. Наверняка власти считали, что с построением на земле коммунистического рая исчезнет сама собой и всякая собственность.

Весьма условно всех коллекционеров можно было подразделить на филателистов, нумизматов и антикваров. Последние рисковали более всего, потому как если обычная почтовая марка шла чуть больше стоимости проездного автобусного билета, то иная старинная вещица могла быть оценена по номиналу близкому к цене новеньких «Жигулей», а то и побольше того. Все зависело от спроса. Аукционы типа Сотбис в нашей стране по известным причинам тогда еще не проводились, но в столичных городах существовали небезызвестные комиссионки, через которые из иностранцев изымалась немалая доля ввозимой ими валюты. Зато в провинции, в глубинке, обмен

«старинной» шел на самом примитивном уровне, напоминая средневековый торг между аборигенами и колонизаторами, когда все сводилось к удовлетворению обоюдного интереса между договаривающимися сторонами.

В 70-80-е годы прошлого столетия число «марочников» и «монетчиков» в Тобольске едва ли не превышало количество предметов обмена, зато антикваров можно было пересчитать, загибая пальцы на одной руке. В основном то были приезжие, которые буквально обалдевали от тех сокровищ, что хранились в довольно таки рядовых семьях тобольских обывателей и служили для них банальными предметами обихода. Тогда еще мало кто ценил пузатые дедовские комоды, порыжевшие и продавленные диванчики, затуманенные временем зеркала, потрескавшиеся чашки с двуглавыми орлами и серебряные ложки с непонятными вензелями. Практически в любой деревне можно было собрать такую коллекцию икон, что специалисты из Третьяковки наверняка потеряли бы сон, когда б им в руки попали те закопченные и облупившиеся места образа, хранившиеся по большей части за ненадобностью на чердаках и в сараях.

Тобольские коллекционеры антиквариата приобретали свои сокровища путем обмена определенного числа марок, монет или значков на предмет своего интереса. Но случалось, что интересная вещица, будь то икона, книга дореволюционного издания или ведерный самовар приобретался ими по весьма умеренной цене у загулявших мужиков, готовых и душу заложить за хорошую дозу спиртного. Не секрет, что судьба многих известных коллекций не только в России, но и в иных более благополучных странах строится в большинстве своем именно благодаря затруднительным положениям, в которых по воле случая оказываются владельцы уникальных вещей, обычно доставшихся им случайно или после смерти кого-то из родственников. Потому и сбывали они их, легко не особо обременяясь горечью утраты. Речь об истинной цене антикварной вещицы обычно не шла, да и кто знал ту цену, которая, как мне известно, складывается, прежде всего, от ее древности, уникальности, сохранности и, само собой, «биографии», коль таковая имела. Чтоб выяснить все составляющие цены нужны были долгие поиски, консультации со специалистами, которых тогда в нашем далеком от цивилизованных центров городке попросту не имелось. Иногда между любителями старины возникали долгие и весьма жаркие споры по поводу той самой цены, которые могли затянуться не на один год и даже перерасти в открытую вражду, которая, как не парадоксально, рано или поздно заканчивалась желаемым обеими сторонами обменом. Вот на одном из подобных обменов мне однажды и довелось присутствовать в качестве стороннего наблюдателя.

Двое моих знакомых решили поменяться вещицами, которые не особо вписывались в их накопительный фонд. Один из них, приезжий из Питера врач-нарколог, назовем его Владимиром, давно и не без успеха собирал иконы, а второй, музыкант с редким тогда именем – Эдуард, имел пристрастие к медной пластике и основу его собрания являли собой разнообразнейшие подсвечники, канделябры, кресты и складни. На тот момент у Володи появился ненужный ему довольно рядовой подсвечник, а у Эдуарда – икона Николая Чудотворца в серебряном окладе. Меня пригласили, как лицо незаинтересованное присутствовать при непростом обмене, тем более что договаривающиеся стороны уже предприняли ряд безуспешных попыток, но не смогли придти к консенсусу и неизменно оставались, что называется, при своих интересах.

Эдуард настаивал на том, что икона в серебряном окладе, несомненно, ценнее «какого-то там крестьянского подсвечника», которой, по его мнению, достался Володе легко и необременительно, скорее всего, от очередного пациента, явившегося к доктору с нижайшей просьбой прервать изрядно затянувшийся запой. Скорее всего, так оно и было, поскольку Володя даже не пытался убедить нас в обратном, а выдвинул убийственный аргумент, что рано ли, поздно ли все мы станем его клиентами и вот тогда вспомним, как пытались заполучить задаром у него, доктора, ценнейшую вещь.

«Да что в нем ценного-то?» – вспыхнул Эдик, пренебрежительно ткнув пальцем в сторону скромно стоящего на старинном столике подсвечника.

«А что ценного в твоей иконе? – моментально парировал не привыкший лезть за словом в карман Володя. – Оклад может и серебряный, что еще проверить десять раз нужно, но погнутый, с утратами и вообще ...»

«Такие подсвечники, как у тебя, на сельских ярмарках когда-то возами продавали», – выдвинул свой убийственный, по его мнению, аргумент Эдуард, щелкнув пальцем по свечному огарку, который по возрасту мало уступал позеленевшему и слегка погнутому подсвечнику.

«На нем патина времен», – с обидой в голосе возразил доктор и переставил подсвечник на полку, давая понять, что на сегодня обмен любезностями, а вместе с ними и все остальные действия закончены.

Эдуард, которому вовсе не хотелось прерывать только что начавшийся торг, ради чего, как подозреваю, он и занимался коллекционированием, поспешил вывести переговоры на новый этап.

«Так и быть, беру в придачу к этой штуковине твой никчемный столик и – по рукам. Согласен?».

Тут вскипел сохранявший до этого невозмутимость и достоинство доктор:

«Что ты сказал? Столик?! Нет, вы послушайте, – несколько театрально вскинул он руки, – вы только послушайте – он берет этот столик!!! Да ты хоть знаешь что с ним связано?!»

«Ну, расскажи, что за кошмарная история приключилась с этим колченогим уродом», – не желая усугублять и без того напряженную обстановку миролюбиво согласился Эдуард и плюхнулся на столь же древний диван, не сводя при этом глаз с таинственного столика, имевшего по словам хозяина довольно необычайную историю.

А столик и в самом деле выглядел неказисто и непрезентабельно. Видно было, что повидал он на своем долгом веку многих хозяев и не все из них проявляли к нему должное почтение и уважительное отношение. Все его четыре ноги были изрядно тронуты древесным жучком, полированная некогда поверхность потрескалась, углы пообломались и, некогда изящный, теперь он производил впечатление древней развалюхи, самое место которой на ближайшей свалке. Но при том в нем сохранилась некая импозантность и изящество. Определить его прежнее предназначение было нелегко, поскольку он не подходил под определение журнального или туалетного, а тем более обеденного стола. На сколько позволяли мои скромные познания в вопросе дореволюционной мебелировки, сводившиеся главным образом к прочтению произведений русских классиков, наши предки не могли его использовать и как карточный, поскольку он не был обтянут традиционным зеленым сукном.

«Это типичный столик для визиток», – развеял наши сомнения его тогдашний обладатель и небрежно облокотился на него рукой, подчеркивая собственное превосходство над нами провинциалами.

«И чья же визитка на нем лежала? Гришки Распутина или кого-то там еще?» – ехидно осведомился Эдуард.

«Да будет вам, профанам, известно, Григорий Ефимович так и не обзавелся визитками, а оставлял свои закорючке на первом подвернувшемся клочке бумаги. Но этот столик знаменит не своим прямым предназначением, а тем, что на нем проигрался вдрызг сам Федор Шаляпин!».

На какое-то время в комнате наступила довольно продолжительная тишина, которую хозяин дома истолковал в свою пользу и, чтоб окончательно добить нас, наклонил обсуждаемый предмет на бок и указал на карандашную надпись на обратной его стороне.

«Читайте», – предложил он с плохо скрываемым превосходством.

«Тут цифры какие-то, – неопределенно хмыкнул Эдик, – поди разбери что они значат».

«Двадцать тысяч рублей тут написано, – пояснил Володя, – и подпись. Видите?»

«Вижу какой-то завиток, – согласился Эдик, – и что с того? Причем здесь Шаляпин?».

«А при том, что это его собственноручная подпись и сумма, которую он проиграл в карты, будучи проездом в Тобольске».

«Разве Шаляпин когда-то был в Тобольске?», – изумились мы с Эдиком практически одновременно.

«Был. Я же сказал, что проездом, – сделал неопределенный взмах рукой в воздухе Володя. – А то, что вам о том ничего не известно, то ничего пока не значит. Молоды еще».

Действительно, Владимир был постарше нас, да и сбором антиквариата стал заниматься давненько, а потому вполне возможно мог наслушаться разных интересных историй, которых старожилы знали превеликое множество и при случае, под рюмочку, могли такого нарасказывать, что, как говорила одна моя дальняя родственница, хоть святых выноси. Итак, передаю историю со «столиком Шаляпина» в том первоизданном виде как она была мной услышана и повторяюсь еще раз, что судить о ее достоверности предлагаю самому читателю и лично к автору особых претензий не предъявлять.

... В начале XX века Федор Иванович Шаляпин, ставший к тому времени звездой российской оперной сцены, часто гастролировал по стране, собирая немыслимое число почитателей. Цены на билеты доходили до баснословных цифр, что, надо полагать, существенно влияло и на получаемый артистом гонорар за выступление. Понятно и сибиряки мечтали заполучить певца к себе, обещая ему уплатить вдвое, а то и втрое против того, что он зарабатывал на подмостках центральной России. Но несмотря на это Федор Иванович под разными предлогами отказывался от поездки в края, которые более ассоциировались у общественности того времени с катаргой и ссылкой. Наибольшую настойчивости проявили томские купцы и промышленники, по слухам сумевшие через подкуп шаляпинского импрессарио получить от знаменитости обещание посетить, славившийся своим культурным обществом город Томск, хотя бы на два дня,.

Итак, не сумевший отказать томичам в их желании приобщиться к прекрасному, в июне месяце 19 ... года Федор Иванович прибыл по железной дороге в Тюмень. Там его поджидал под всеми парами и полным пансионом пароход одного из томских купцов, чтоб доставить певца и сопровождающих его лиц по Туре, Иртышу, а затем и Оби непосредственно в Томск. Хотя при этом гастролеры и теряли несколько суток, но сам Шаляпин, выросший на Волге, обожал всяческие водные путешествия, а потому легко согласился на столь рискованное предприятие, не предполагая чем оно для него обернется.

Параходовладелец, судя по всему, не поставил певца в известность, что водным путем до Томска им придется добираться около недели, а потому когда к концу третьего дня на крутом иртышском берегу показались маковки тобольских церквей, то Шаляпин уже изнемогал от безделья, клял себя и своего импрессарио, что необдуманно согласился на эту авантюру, не представляя себе размах и ширь сибирских маршрутов. Может быть он и желал бы повернуть обратно, но подписанный контракт и солидная величина обещанного ему вознаграждения не позволили ему так поступить.

К тобольской пристани пароход причалил теплым весенним вечером, где предстояло пополнить запасы угля и дров, на что должно было уйти не менее двух, а то и трех часов. Федор Иванович, будучи человеком импульсивным и, не желая попусту трять время, сидеть в каюте за картами с «сопровождающими его лицами», решил совершить небольшую прогулку по городу. Он незаметно сошел по трапу на берег,

резонно полагая, что без него судно все равно не отправится и прогулочным шагом направился в центр старинного сибирского городка.

В то время губернаторский дом и большинство административных зданий находились вблизи речной пристани. И, как писали немногочисленные журналисты, посетившие Тобольск, «лучшая его часть помещается в нижней части города». Никем не узанный Федор Иванович уже через несколько минут пешего хода оказался на Богородицкой улице близ городского сада, где играл военный духовой оркестр и степенно прогуливались господа и дамы, освещаемые электрическим светом от недавно запущенной электростанции, которая питала государственные учреждения, дома наиболее состоятельных горожан и несколько фонарей в городском саду. Видимо, игрой оркестра, Федор Иванович остался не совсем доволен, поскольку, чуть постояв, направился к дверям находящегося через дорогу ресторана с громким названием «Европа». Лакей с внушительной бородой почтительно пропустил его внутрь, где он был тут же подхвачен ловким метрдотелем и препровожден к свободному столику.

Только тут Федор Иванович спохватился, что, направившись на прогулку, он не захватил с собой наличности, не рассчитывая делать какие-то приобретения или покупки. Но, порывшись в карманах, нашел несколько смятых ассигнаций, которых вполне должно было хватить на небольшой ужин. Он попросил у метрдотеля меню, заранее предполагая, какие дикие цены он там увидит, но оказался приятно удивлен и даже поражен, что стоимость блюд и особенно рыбных закусок не в пример ниже столичных. Сделав заказ, Федор Иванович огляделся, рассматривая сидящую за соседними столиками публику и нашел, что то были в большинстве своем довольно благопристойного вида люди, которых можно встретить в любом из российских городов. Только лица их отличала некая жесткость и угрюмая сосредоточенность.

Тут он заметил, что к его столику незаметно приблизился метрдотель и негромко шепнул ему на ухо:

«Может быть, пока заказ исполняют, желаете в картишки переброситься?».

«Это как? », – не сразу понял смысл сделанного ему предложения Шаляпин.

«А вон, в соседнем зале у нас столы расставлены для любителей, – сально сощурился тот, – милости просим, коль пожелаете».

«И вправду, чего бы в картишки не перекинуться по-маленькой», – легко согласился Федор Иванович.

Он проследовал за служителем в соседний зал, где стояло три круглых столика, обтянутых, как и положено, зеленым сукном. За ними чинно восседали почтенного вида господа по несколько человек за каждым столом, а у стены стояли свободные и никем не занятые стулья. Федор Иванович сообразил, что метрдотель явно желает подсадить его к опытным игрокам, которые без труда смогут побить все его ставки, оставив ни с чем.

«Увольте, сударь, – сделал Шаляпин протестующий жест в сторону метрдотеля, – быть подставным не намерен», – и он круто повернулся, чтоб выйти вон.

«О чем вы говорите, уважаемый, – запротестовал тот, – вот столик специально для приезжих, он указал на стоящий у стены небольшой столик, – а за теми столами у нас обычно завсегда игра ведут».

«И кто же мне компанию составит?»

«Мой помощник, – не раздумывая, ответил метрдотель и громко щелкнул пальцами. – Он всегда готов, коль не шибко занят, приятно время провести с солидным человеком».

Из-за занавески к ним вышел невысокого роста молодой человек опрятно одетый в приказчиный сюртук, с напыженными волосами и цепким настороженным взглядом. Он внимательно оглядел незнакомца, словно желая определить, кто перед ним и кивнул в сторону небольшого приставного столика, на который указывал метрдотель, сухо проговорил:

«Прошу».

Шалапин шагнул к столу и осторожно сел на предусмотрительно придвинутый к нему служителем стул. Молодой человек уселся напротив и привычным движением извлек из нижнего ящичка стола нераспечатанную колоду карт, с треском разорвал упаковку, чуть перетасовал их и спросил:

«Как играть изволите?».

«Давайте в покер», – без долгих раздумий ответил Федор Иванович, считавший себя неплохим игроком.

«Какова ваша ставка?» – негромко спросил его партнер, не глядя ему в глаза.

«По червончику, не возражаете?».

«А почему бы и нет», – и, дав Шалапину снять половину колоды, ловко перетасовал и раздал карты.

Первые две партии Федор Иванович легко выиграл, удвоив имеющуюся у него с собой наличность. Третью проиграл, но остался при своих. Неожиданно для себя он предложил увеличить ставки до тысячи, хотя великолепно понимал, что в случае проигрыша расплачиваться ему будет нечем.

«А-а-а, – решил он, – чуть чего отправлю малого с запиской на пароход, там ему выдадут, сколько нужно», – и игра продолжалась.

Поскольку играли под запись, то наличных денег никто не требовал и Федор Иванович мог назвать любую цифру. Гарантируя одним своим словом оплату в случае проигрыша. Еще какое-то время ему везло, но потом он начал проигрывать раз за разом, но был не в силах остановиться и каждый раз удваивал ставку. Наконец до его слуха дошла цифра: «Двадцать тысяч» и он словно проснулся.

«Сколько?!», – переспросил он.

«Двадцать тысяч как есть», – ответил партнер.

«Как двадцать тысяч?! У меня столько денег при себе нет».

«Извольте оставить расписку, – по-прежнему не глядя ему в глаза равнодушно пожал плечами тот, – нам не впервой».

Какое-то время Федор Иванович сидел словно ошарашенный, соображая как он смог дать себя обыграть на такую сумму этому невыразительному молодому человеку. Он подумал, что тот наверняка шулер, но как доказать это не знал. Оставался один выход – заплатить. У его импресарио наверняка есть при себе деньги, но наберется ли десять тысяч. Как же тогда быть? Позор на весь белый свет.

«Не пройдет ли вы со мной до пристани, чтоб я смог передать вам деньги?».

«С удовольствием, – охотно согласился тот, – но для верности оставьте здесь свою расписку, а то мало ли что может случиться по дороге. Времена нынче беспокойные», – хитро прищурился его недавний партнер.

«Хорошо, я готов оставить расписку», – вынужден был согласиться Федор Иванович.

«Бумагу господину», – крикнул молодой человек.

«Не нужно бумаги», – отмахнулся Шалапин и быстро перевернув столик написал лежавшим неподалеку карандашным огрызком: «Двадцать тысяч рублей» и поставил подпись.

«Что ж, так даже лучше, – невозмутимо согласился молодой человек, – идемте».

«Они молча дошли до пристани, где возле трапа уже неторопливо прохаживался импресарио, а с мостика зорко вглядывался в толпу гуляющих по набережной капитан.

«Выдайте этому человеку двадцать тысяч рублей», – устало отдуваясь проговорил Федор Иванович, обратившись к импресарио.

«С каких это шей?» – недоверчиво переспросил тот.

«Я их ему в карты проиграл».

«Не будь вы Шалапиным, не за что не стал бы иметь с вами дел! – вне себя закричал импресарио. – У вас для меня постоянные сюрпризы: то тащимся в какой-то заштатный

городишко, когда нас ждут в Европе. То вы проигрываете такую сумму, которую и за полгода не заработаете ...»

«Как Шаляпин? – прервал его возмущения молодой человек, стоявший неподалеку. – Я не ослышался? Вы и есть тот самый Шаляпин, певец?»

«Самый что ни на есть настоящий, как вы изволили заметить. Настоящее не бывает. Не будь он Шаляпиным...».

«Тогда я прощаю вам долг и приношу глубочайшие извинения за доставленное беспокойство. А еще попрошу, никогда не садиться играть в карты с незнакомыми людьми, тем более здесь, в Сибири».

«Это я уже и без вас понял, – сердито фыркнул Шаляпин, – но насчет долга попрошу взять ваши слова обратно. Я вам его непременно вышлю, как только у меня появятся деньги».

«Федор Иванович!!!».

«Нет нужды», – почти одновременно вскрикнули импресарио и молодой человек.

«Ни слова больше, – зло отмахнулся Шаляпин и взошел на борт, – едем. Но не в Томск, а обратно в Тюмень. Мне хватило и этого времени, чтоб узнать, что это за страна такая – Сибирь. Сюда я больше не ногой, – несколько картинно пропел он. – Да, не забудьте взять у него адрес», – и с этими словами он в пресквернейшем настроении направился в свою каюту.

«Вот поэтому вам ничего и неизвестно о посещении Шаляпиным нашего почтеннейшего городка, – закончил свой рассказ Володя. – Он, естественно, захотел оставить все в тайне. И у выигравшего у него столь солидную сумму не было причин афишировать этот случай, поскольку он, как профессиональный шулер, находился в Тобольске на поселении».

«А тебе-то самому откуда все это известно?», – недоверчиво поинтересовался Эдуард. – Сам же сказал, что нигде об этом не написано. Наверняка сочинил историю прямо сейчас, чтоб цену этому столику набить».

«Все это мне стало известно от его последнего владельца, который был внуком того самого игрока, обыгравшего знаменитого певца», – с совершенно серьезным видом парировал возражения оппонента Володя и, тяжело вздохнув, переставил «шаляпинский столик» вглубь комнаты, отчего он приобрел еще большую таинственность, а его дефекты и утраты не так бросались в глаза.

«Не верю, – Эдуард театрально раскинул обе руки, – вранье все это».

«Тоже мне, Станиславский. И в мыслях не держал такого, чтоб заставить тебя поверить в мою историю. Оставайся сколько хочешь при собственном неверии. Но ... все в этом мире построено именно на вере».

«А рассчитался ли Шаляпин со своим долгом», – осторожно поинтересовался я у хозяина дома, который, слегка распалившись от перепалки с Эдуардом, стал проявлять по отношению к нам легкую раздраженность, проявляющуюся в сведенных в ниточку губах и посверкивающих глазах, излучающих если не молнии, то небольшие грозовые разряды. Мне показалось, что он готовится поскорее выпроводить нас под любым удобным предлогом, а потому готовился услышать что-то резкое или неопределенное. Но к моему удивлению Володя наоборот, будто ждал именно этот вопрос, пустился в долгие объяснения.

«А тут наступает самое интересное, – торжественно и чуть по складам произнес он, – Федор Иванович, со слов бывшего хозяина столика выслал его отцу не только проигранную сумму, но и набор своих пластинок ...».

«И ты их видел?» – не преминул скептически перебить его Эдик.

«А как же! Не только видел, но и приобрел за солидную сумму. Как ни как, а прижизненные пластинки не кого-нибудь там, а самого Шаляпина. Ровно пять штук и в довольно приличном состоянии, к тому же с личным автографом певца».

«Врешь! – вырвалось у Эдика. – И где же они? Надеюсь, покажешь?».

«Рад бы, но их у меня уже нет».

«Как нет!? – аж подпрыгнул на месте Эдик. – Поменял что ли? Не верю. Такие раритеты раз в жизни в руки попадают. Тем более в нашей сибирской глуши. Не тяни, дай хоть издали взглянуть».

«Я же ответил, что их нет у меня. Ушли».

«Куда ушли?!».

«К одному солидному питерскому коллекционеру, а мне в замен – машина. Надеюсь, видели «жигуль», что возле ворот стоит?».

«А ты же говорил – наследство», – протянул обескуражено Эдик все еще не осознавший до конца подлинность происходящего.

«Так и есть – наследство Федора Ивановича, которое перешло неисповедимыми путями ко мне».

«Пойдем мы, однако», – Эдик с опущенной головой поплелся к двери, не забыв прихватить принесенную с собой икону.

«Держи, – протянул ему подсвечник Володя, – дарю в знак дружбы. К тому же собираюсь скоро покидать ваш гостеприимный городок. Пусть подарок от меня останется».

«Спасибо, не требуется», – и он вышел, не пожав протянутой Володиной руки.

Видно было, что называется невооруженным глазом, что Эдик и не пытался скрыть своего потрясения и разочарования от известия о продаже шалашинских пластинок. Как истинный коллекционер он не понимал, как можно продать такой раритет пусть даже за большие, но все же деньги. Мне даже показалось, что и Володя с этого момента перестал для него существовать не только как коллекционер, но и как хороший знакомый. Мне же коллекционирование вещей всегда казалось чем-то вроде первой стадии фетишизма и хотя старинные предметы, несомненно, вызывали интерес, но то был интерес первооткрывателя, которому вскоре становилось неуютно и тягостно на вновь открытой земле, и он плыл или шел дальше за новыми открытиями. Так и мне любопытно было потрогать, пощупать диковинную новинку, узнать о ее происхождении и предназначении, но собирать, хранить, переживать за сохранность казалось чем-то близким к усыновлению ребенка, который в дальнейшем будет требовать постоянного внимания и заботы. Нет, все же коллекционером нужно родиться и оставаться им всю жизнь.

А Володя где-то через месяц другой и впрямь уехал из Тобольска в свой родной Питер и о столике с подписью великого певца мне слышать больше ничего не приходилось. Может, стоит он сейчас в каком-нибудь банке или на даче у какого-нибудь очень денежного человека. Жаль, что Тобольск год за годом лишается всего памятного и дорогого, что и составляло когда-то его былую известность и славу.

5. РЕВОЛЬВЕР ТРОЦКОГО

Человек во многом зависит от тех повседневных предметов, которыми пользуется, окружая себя различными нужными и не очень вещами, а потом незаметно привыкает к ним и они зачастую становятся неотъемлемой частью его быта. Но при этом одни предметы живут долго, другие, отслужив положенный срок, заканчивают свое существование в предназначенных тому местах. Однако с каждым годом предметов, которые бы оставались с вами достаточно долгий период, становится все меньше. Вряд ли вы сумеете назвать такую вещь, которая будет сопровождать вас с момента рождения и до самой смерти. Канули в лету бабушкины сундуки и комоды, фамильные сервизы, немыслимой красоты подвенечные платья. Прогресс навязывает нам свою материальный культуру, производящую предметы, которые наподобие мотылька-

однодневки рождаются лишь для того, чтоб, мелькнув яркой внешностью, тут же умереть, если не сегодня, то на другой день.

Можно ли сравнить современную кичливую мебель с ее собратьями дореволюционных времен, изготовленными из чистейшей смолистой сосны, переходящими от одного поколения к другому? А где можно сейчас встретить настоящие механические часы с боем, производимые когда-то славными швейцарскими мастерами, точность хода которых вошла в поговорку. Их повсеместно заменил азиатский пластмассовый ширпотреб, срок жизни которых вряд ли кому известен. Зато до сих пор можно встретить где-нибудь в глухой сибирской деревеньке знаменитые ходики советских времен, с подвешенным к гире утюгом, как объясняют хозяева, «для точного хода».

Стоит ли говорить о старинном стрелковом оружии, облик отдельных образцов которого по своему изяществу приближался к известным скульптурам Родена. Мне в свое время довелось вдоволь налюбоваться старинным оружием и сохранившиеся впечатления весьма близки к юношеским воспоминаниям поры первой влюбленности, когда тобой овладевал неистовый восторг и трепет от соприкосновения с рукой или талией сидевшей рядом с тобой на скамейке в глубине парка юной одноклассницей.

Хорошо понимаю коллекционеров тех времен, большинство которых, живя на зарплату служащего, годами копили необходимую сумму, чтоб потом тайно приобрести дуэльный пистолет наполеоновской эпохи или морской кортик с позолоченными накладками на ножнах. Тайное то приобретение непременно запрытывалось в сейф, если таковой имелся, или в известный лишь хозяину сокровища тайник под скрипучей половицей, чтоб затем, оставшись наедине, без конца примерять убийственно-очаровательный холод стали к своей руке.

В любом оружии, будь то обыкновенный охотничий нож работы знающего свое дело мастера или плетеная из сыромятной кожи казачья ногайка, разбойничий ли кистень, заключена некая тайна и очарование готовности к немедленному действию. И, поверьте мне, у любого, кто хотя бы один единственный раз держал в руках произведение рук человеческих, созданное для лишения жизни себе подобного, неминуемо возникала мысль о смерти и бренности нашего бытия. Именно в этом, думается, и заключается притягательность оружейных коллекций, где каждый предмет мог оказаться свидетелем или даже участником немыслимого числа трагедий, даже малого количества которых хватило бы на собрание сочинений романиста средней руки.

Не знаю как сейчас, но любовь к оружию у юношей моего поколения проявлялась довольно рано. Это случалось довольно обычно, когда робкой рукой ты мог дотянуться до курка охотничьего ружья, блаженно прижимаясь не знающей еще бритвы щекой к отполированному ложу. Пусть не всегда хватало сил переломить «тулку» или «ижевку», чтоб проверить наличие в стволе патрона, но негромкий щелчок ружейного замка будил в тебе неиссякаемые возможности романтических приключений в дебрях девственных лесов или усеянных стадами бизонов прерий, где ты совершал бесчисленные подвиги.

Хочется верить, что и по сию пору в любом человеке, в мужчине, по крайней мере, живет нереализованный охотник и воин, чему наглядное подтверждение нынешние компьютерные стрелялки. Но вряд ли участие в виртуальном сражении может сравниться с банальным сидением осенней порой в охотничьем скрадке, когда робкая утренняя заря окрашивает мир неестественным розовым цветом, а первый выстрел по мелькнувшему в камышах чирку всколыхнет в тебе неведомые до сих пор первобытные чувства и вырвавшийся из дула заряд дробы унесется подобно реактивному снаряду, чтоб эхом вернуться обратно, отразившись от ближайшей кромки леса. И надолго после того оставался где-то в извилях памяти горький запах сгоревшего пороха, имеющий необъяснимое свойство близкое к наркотическому воздействию, зовущий еще раз

вдохнуть его неповторимый аромат, хотя ради этого и стоит пожертвовать домашним уютом и кабинетной тишиной, чтоб вновь выбраться на берег топкого озера и затаиться там, в ожидании чуда преобразования цивилизованного семьянина-домочадца в бесстрашного охотника за скальпами.

Уверяю вас, что в каждом человеке с момента его появления на свет живет любовь к оружию, данная ему свыше вместе с чувством самосохранения и отнюдь не случайно первый предмет, созданный нашими далекими предками, не предназначался для украшения жилища или любования им, а служил, прежде всего, оружием, будь то обыкновенная дубина или палка с закрепленным на конце камнем. Таким Господь создал человека и не нам его переделывать, а надо лишь не мешать хоть изредка, но брать в руки предметы, несущие в себе смерть и уважительно к ним относиться, не позволяя возобладать инстинкту воина над мирным достоинством рядового обывателя.

Признаюсь, что и во мне довольно рано проснулся интерес к оружию и еще, будучи школьником уже имел первые свои трофеи, добытые на утиной охоте. Дедовская одностволка двадцатого калибра, выпущенная задолго до войны, отличалась редкой кучностью и дальностью боя и даже много позже, когда мне предлагали поменять ее на более современное охотничье ружье, более престижное, как сейчас говорят, с наворотами, то хватило ума не расставаться с ней. Со временем она приобрела в моих глазах некий раритетный ареал, обросла дорогими воспоминаниями и разными занимательными случаями и стала еще более мила и дорога.

Но стрельба из дробового охотничьего ружья имеет свою специфику и больше пригодна именно для охотничьих пристрастий своего хозяина, тогда как для стрельба по неподвижным мишеням, «в цель» из пневматических или мелкокалиберных ружей предпочтительна хотя бы из экономических соображений. Купить во времена моей молодости «духовку» или «мелкашку» было делом немислимым, хотя, надо признаться, каждый уважающий себя охотник обязательно держал подальше от посторонних глаз так называемую «белку» или «тоз-шестнадцатый», предназначенные для промысловой охоты. Не пугало тогда людей столь обыденное сегодня слово «терроризм» и отношение к оружию и у народных масс и у властных структур было вполне терпимое. Не было внеплановых поквартирных проверок его хранения и изучение прочности оружейных сейфов у всех без исключения членов добровольного охотничьего общества. И в учебных заведениях оружие, причисляемое к спортивному, хранилось по соседству с кабинетами физкультуры и при желании можно было без всяких проблем пройти в уголок школьного двора и популять там от души если ни в бумажную мишень, то хотя бы в пустую консервную банку. Требовалось лишь соблюдать необходимые меры предосторожности и не вызывать в свой адрес излишние нарекания.

Один из друзей моего отца как раз заведовал кабинетом физкультуры, и по весне мне не составляло особого труда выпрашивать у него на неделю другую пневматическую винтовку и горсть пуль к ней. Звук от выстрела духового ружья был практически бесшумен и чем-то походил на хлопок пробки открываемого шампанского, а потому внимание соседей по дому особо не привлекал. Когда надоедало сбивать спичечный коробок или иную подвернувшуюся под руку мишень, то можно было переключиться на вездесущих воробьев, что вполне компенсировало ощущения от настоящей охоты. Взамен быстро заканчивающихся стандартных пуль к в ход шла обыкновенная дробь, правда процент попаданий при этом резко снижался. Но кому в том возрасте был важен результат? Важно было ощущение происходящего и романтические грезы при том возникающие.

Через несколько лет духовое ружье уже перестало меня удовлетворять, захотелось испытать себя в стрельбе более менее настоящей винтовки. Но на мою просьбу отцовский знакомый наотрез отказался выдать мелкашку с последующим ее выносом за территорию вверенного ему помещения. «Только в тир, когда будут учебные

стрельбы!» – повторял он упорно на все мои обещания, что «никто ничего не узнает». Хотя и несколько обескураженный его отказом своих надежд приобщиться к настоящей стрельбе, я так и не оставил. Наоборот, желание лишь сильнее разлилось во мне и зрело, побуждая расширить круг поисков среди других знакомых, имевших доступ к стрелковому оружию. Наконец случай свел меня с бывшим одноклассником, который после нескольких неудачных попыток поступления в столичный вуз обосновался «временно», по его словам, в одном из средних учебных заведений лаборантом при спортзале. Одноклассник не был столь искушен в премудростях и запретах выноса подведомственных ему предметов вне зоны их непосредственного хранения, к тому же уже в то время он был человеком крепко выпивающим, что, к слову говоря, в дальнейшем и погубило его. Мне не составило большого труда сочинить для него историю о предстоящей охоте, и он легко согласился за небольшую дозу спиртного выдать мне на несколько дней мелкашку и две пачки патронов к ней.

Дальнейшие события показали, что и тогда местная милиция при определенных обстоятельствах могла проявлять активность и бдительность. Не особенно беспокоясь, о том, что шествовать по городу с винтовкой на плече может быть воспринято далеко не всеми однозначно, я не нашел ничего лучшего, как отправиться домой напрямик мимо городского отделения милиции. На крыльце этого почтенного заведения частенько стояли люди в форме и, дымя сигаретами, делились вполне обычными впечатлениями о жизни. Представляю их реакцию, когда мимо них спокойно прошагал молодой человек, несущий как ни в чем ни бывало, пусть и незначительного калибра, но все же боевое оружие, которое в те годы подлежало неукоснительному изъятию и конфискации. Уже миновав милицейское крыльцо с застывшими на нем изумленными людьми в форме, я услышал сзади недвусмысленный приказ остановиться. Понимая, что невыполнение требования повлечет за собой последствия гораздо более тяжкие, остановился, выражая всей своей позой недоумение.

Первый вопрос, который мне был задан, звучал вполне безобидно: куда я направляюсь. Сообразив, что просто так меня уже вряд ли отпустят, стал безбожно врать о завтрашних стрельбах в тире и что, мол, винтовка мне необходима прямо с утра и так далее и тому подобное. Но ни тут-то было. Оперативникам конечно приходилось слышать подобные истории от различных нарушителей общественного порядка по нескольку раз на дню, а потому мне предложено было «пройти» в милицейское здание и рядом со мной выросли два не хилого вида сержанта. Винтовка с моего плеча переключалась в руки ближайшего стража порядка, который для верности вынул из нее затвор и положил его в карман своего серо-голубого мундира.

Меня провели в ближайший кабинет, предложили подождать, а через какое-то время пригласили к начальнику уголовного розыска, коим оказался худощавый мужчина с недоверчивыми и оценивающе смотрящими на меня глубоко посаженными глазами. Перед ним на столе уже лежала злополучная мелкашка, а сам он спокойно сидел под портретом человека с бородкой, чей пронзительный взгляд время от времени пытался примерить на себя, но это у него плохо получалось и время от времени искорки неуловимых смешинок обдавали меня мелкой россыпью. Через несколько минут нашей довольно таки непринужденной беседы он вытянул из меня все сведения о настоящем владельце винтовки, скрывать которые было в моем положении совершенно бессмысленно. Разобравшись, что перед ним сидит не завязанный браконьер и тем более не скрывающийся от правосудия бандит, он чуть потеплел, слегка пожурил за нарушение всех заповедей по транспортировке оружия, но тут же пообещал, что винтовка будет возвращена после предоставления соответствующих на то документов, ее законному хозяину. У меня, что называется, камень с души спал, когда понял, что задержание обойдется без каких-либо последствий и лаборант-одноклассник не особо пострадает от моего разгильдяйства.

Не помню уже, как повернулся наш разговор на довольно отвлеченную тему об огнестрельном оружии, в котором мой собеседник разбирался как истинный специалист своего дела, но очень скоро он поведал мне о «настоящем» оружии, хранящемся в сейфе его служебного кабинета. Трудно сказать, что толкнуло занимающего солидный милицейский пост человека, звали его, кажется, Александр Павлович, продемонстрировать уникальную коллекцию изъятых в разное время сотрудниками его отдела ружей и пистолетов. Может, ощутил милицейский чин во мне родственную душу, человека, которому интересно не столько стрелковые качества оружия, но и его история, родословная, если можно так выразиться.

Не долго думая, Александр Павлович распахнул свой внушительных размеров сейф и стал доставать оттуда старинные кремневые ружья, берданки, обреза, усовершенствованные сибирскими умельцами мелкокалиберные винтовки с самодельной к ним обоймой и прочие редкости, встретить которые можно далеко не во всяком музее, между которых спортивная мелкашка смотрелась как потрепанный воробей среди красавцев орлов.

– Откуда это у вас все? – с удивлением спросил я его.

– Дела давно минувших дней, – отмахнулся он. – Вообще-то иду на прямое нарушение инструкций, поскольку все это добро подлежит списанию и уничтожению, но рука не поднимается отправлять его на переплавку. Просил начальство небольшую экспозицию устроить, чтоб хотя бы сотрудники знали, с чем им приходится иметь дело, но, как водится, начальство долго думает.

– И что же, все они действующие? То есть из них можно стрелять? – осторожно поинтересовался я, потому что в голове тут же зародились мысли, как было интересно всю эту технику опробовать в деле.

– Куда там, – отмахнулся хозяин кабинета, – некоторые пришли в естественную непригодность от времени и вряд ли подлежат восстановлению, к другим патронов не найти, а вот некоторые, – тут он любовно похлопал по вороненому нагану, хоть сейчас в дело пускай.

– А можно его хотя бы в руках подержать? – не особо веря в такую возможность, попросил я. – Ни разу настоящий наган в руках не держал.

– Ну, так поддержи, – легко согласился он и протянул мне наган рукоятью вперед.

Приняв в руку легендарный пистолет, прославленный во многих фильмах и детективных романах, я ощутил священный трепет от прикосновения к раритету, тут же представив себя если не гангстером, то хотя бы техасским ковбоем, несущимся вскачь по прериям и посылающим пулю за пулей по настигающим меня индейцам. Однако мечтания мои были быстро прерваны Александром Павловичем, который бесцеремонно забрал у меня пистолет, но не убрал его обратно в сейф, а, повертев в руках, повернул его ко мне тыльной стороной и предложил:

– Читай!

– «Л. Д. Троцкий», – послушно прочел я выгравированную на деревянной накладке рукояти надпись.

– Уразумел?

– Не совсем, – пожал я плечами. – Это что, марка такая?

– Сам ты марка, – хохотнул тот. – Это фамилия хозяина.

– Как Троцкого? Того самого Троцкого? – вероятно глаза у меня в тот момент стали размером с доброе чайное блюдце, потому что Александр Павлович, взглянув на меня, хохотнул и безнадежно махнул рукой в мою сторону.

– А что тут такого? – спросил он. – Мне в Москве бревно показывали, которое сам Ильич на субботнике нес...

– Зато мне показывали список заслуженных пенсионеров союза числом под сто человек, получающих не хилую пенсию, – раздался сзади чей-то хрипловатый с бархатными интонациями бас.

Повернув голову, я увидел, что в кабинет начальника угро зашел пожилой коренастый мужичок в очках с дымящейся папироской в зубах.

– Привет, Зиновьевич, – широко улыбнулся ему Александр Павлович, – Ты как всегда вовремя.

– А что, уже наливают? – хитро прищурился тот, видимо приняв меня за кого-то из близких знакомых начальника уголовного.

– Наш главный эксперт, Николай Зиновьевич, – кивнул в его сторону Александр Павлович.

– Конечно, главный, – согласился тот, поскольку других экспертов у нас в отделе просто нет, почему меня на заслуженный отдых до сих пор не отпускают, хотя, если честно, то я не особо на том настаиваю.

Он на ходу пожал мне руку и тяжело плюхнулся на стоящий возле окна выдавший виды стул.

– Сам-то откуда будешь? – спросил он, и в его мгновенном прищуре почудилось что-то похожее и объединяющее его и с хозяином кабинета и с человеком с бородкой, чей портрет внимательно взирал на нас со стены. – Не на практику случайно к нам прислали? Тогда айда ко мне в помощники.

– Свою практику он уже прошел, – Александр Павлович кивнул на изъятую у меня мелкашку, – задержан с поличным, но парень вроде как неплохой, вот занимаюсь промывкой его мозгов.

– Вижу, у вас это надолго, – вздохнул Николай Зиновьевич, – пойду, однако.

– Подожди, я ему тут как раз про пистолет Троцкого хотел рассказать, а ты эту историю у нас лучше всех знаешь.

– Да чего я знаю, столько же, как и все, – попытался отделаться эксперт, но Александр Павлович оказался неумолим.

– Не скажи. А кто запросы в Москву посылал? А в нашем архиве кто сидел? Не ты разве? Расскажи, расскажи ему, как все было. Молодым тоже полезно историю знать, а то шастают вот с винтовками по улицам средь бела дня. Может и у него интерес появится к чему путному, и мы тем самым поможем ему свернуть со скользкой дорожки.

Мне хотелось возразить, что ни на какую скользкую дорожку я пока что не ступил и ступать не собираюсь, но оба моих собеседника в силу своего возраста и положения вызвали у меня чувство легкого пиетета и превосходства, а потому вступать с ними в дискуссию было даже как-то неловко и я счел за лучшее промолчать.

– Да чего там рассказывать, – продолжал отнекиваться эксперт, но уже не столь решительно. – Сам же все помнишь, Палыч, как было. Учитель школьный этот наган принес, отобрал его у одного пацана. А тот у деда слямзил. Ну, вы тогда, понятно, деда и пригласили, допросили по всей форме. Вот ...

– Ты детали-то упусти, – подправил его Александр Павлович, – интересно как дальше оно сложилось.

– Дед, значит, и выложил, что это пистолет самого Лева Давыдовича Троцкого и в доказательство надпись на нем указал. Мол, хранится он у них в семье с того самого момента как Троцкий, значит, в нашем городе побывал.

– Вот-вот, – опять не выдержал начальник угро, – ты саму историю как он сюда попал и что здесь делал, расскажи.

– Любовь у него здесь случилась да такая, что хотел он себя жизни лишиться, а добрые люди не дали.

– Не такие они и добрые, что сделали это. Его же потом из Советского Союза выслали как врага народа, – опять вставил свое слово Александр Павлович.

– Знаешь что, Палыч, – не выдержал, наконец, Николай Зиновьевич, – будешь еще перебивать, то встану и уйду. Привык на допросах своих лыко в каждую строку вставлять и мне не даешь говорить.

– Понял, понял, – слегка смутился хозяин кабинета, – больше не буду. Слово чекиста.

– Тогда слушайте. Заинтересовал меня этот самый наган. Мало ли что написано может быть. Тут такие шутники встречаются, могут где надо и Наполеона и хана Мамай приплести, а ты проверяй. Такая у нас работа, что верить на слово никому нельзя, будь то хоть брат родной ...

– Ну, ты загнул! – вновь встрял Александр Павлович, но тут же, поняв свою оплошность, поднял вверх обе руки и слегка помахал ими, давая понять, что все понял.

– Замнем для ясности, – продолжил, как ни в чем не бывало, эксперт, достав из пачки новую папироску. – Сами понимаете, проверять все, что в этих стенах говорится, наша прямая обязанность. Потому направил я запрос в центральные московские архивы, чтоб прислали данные о факте нахождения Троцкого в нашем городе. Сам-то я о том от кого-то слышал, что был он тут и сколько-то времени провел, когда из ссылки бежал. Но это все слухи, а их, как известно, к делу не пришьешь. Говорили, что сослали его куда-то на север, но он там долго не задержался, подговорил кого-то, денежки посулил, на что он большой мастак был, и бежал сперва по Оби, а потом по Иртышу и напрямик к нам в Тобольске в стольный, так сказать, город. Здесь и затеряться легче и найти тех, кто помочь может, дальше его направить. А тут конец навигации! Вот он и застрял у нас. То ли у Льва Давыдовича к тому времени деньги кончились, а может заболел чем, но обосновался он в одной богатой еврейской семье, которая по словам того самого старика где-то неподалеку от нашего нынешнего отделения жила.

Вот тут-то и случилась с ним пренеприятнейшая история – влюбился господин революционер без ума в танцовщицу из местного увеселительного заведения, которое звалось не иначе как «Париж». Ладно бы просто в танцовщицу, а то та еще и разные интимные услуги посетителям оказывала. Может через это самое дело он с ней и познакомился, точно не скажу, но совсем Лев Давыдович голову потерял и забыл, что собирался дальше ехать, революцию вершить, а каждый день являлся в это заведение, занимал свободный столик и ждал, когда его пассия будет выступать, цветы ей слал, подарки дорогие и все такое прочее.

– Ты мне тогда еще и имя ее называл, – в очередной раз дал знать о себе Александр Павлович, глаза которого окончательно потеплели и горели живым огнем.

– Да имя у нее самое простое было – Рахиль. Не иначе как тех же семитских кровей барышня, но, говорили мне, красотой своей славилась она и много кто мечтал провести с ней время при соответствующих тому условиях. Богатеев тогда в Тобольске хватало, денежки у них водились и слали они той Рахиль подарки такие, что беглому ссыльному тягаться с ними никак нельзя было. Но характер у Льва Давыдовича и тогда был ого-го! Кремень! Другие в революцию и не шли, а Троцкий среди них был человеком далеко не последним. Не знаю что у них там получилось, но, видать, дала ему Рахиль от ворот поворот, чего пламенный революционер перенести никак не мог. И обзавелся он где-то сгоряча по случаю револьвером ...

– Этим самым, – похлопал по лежащему на столе нагану Александр Павлович.

– Этим, этим, – согласился Николай Зиновьевич, – если вся эта история не вранье чистой воды. И после того отправился он в то заведение с твердым намерением принудить Рахиль бежать с ним. Она, судя по всему, и не подозревала с кем дело имела. Кто его тогда знал, Троцкого-то. Зашел он после представления к ней в гримерную или как оно там называлось, выложил перед ней наган свой и говорит: «Или мы с тобой завтра же уезжаем вместе отсюда или не жить тебе». А та смехом ему отвечает: «С чего это я уезжать отсюда буду, когда мне и здесь неплохо живется. Тебе нужно, вот ты и поезжай».

Тот, понятно дело, вспылал, наган схватил и пальнул в нее, но к счастью промахнулся. На выстрел народ сбегался, револьвер у него вырвали, по морде надавали, очки, понятное дело, разбили и вытолкнули вон от греха подальше. А хозяин

заведения строго настрого запретил даже близко показываться, пригрозил, что в полицию сообщит.

– Не завидую я ему, – поддакнул со своего места Александр Павлович, – беглый да если бы еще если по уголовной части бы засветился, не миновать бы ему тогда нашей каторжной тюрьмы.

– Полагаю, что Лев Давыдович сам все это хорошо понимал, потому что, вернувшись на квартиру, решил с собой покончить. Соорудил петлю, стул подставил, привязал конец петли к крюку на потолке и вниз спрыгнул. Да не суждено ему было здесь помереть, крюк из доски выскочил и грохнулся неудачливый любовник на пол, потому и жив остался. На вторую попытку у него сил не хватило. На другой день собрался он и потихоньку, помаленьку подавался из нашего города. С тем и уехал.

– А револьвер у него отобранный здесь остался, – добавил Александр Павлович. – Только правильно ты, Зиновьевич, сказал, что никакими документами это дело не подтверждено.

– Да, из Москвы мне тогда коротенькую отписку прислали, что архив никакими свидетельствами на этот счет не располагает и сами просили сообщить, что нам известно о пребывании Троцкого в Сибири. И в городском архиве ничего не обнаружил. Может не сохранились документы, а может, забрали их в известную вышестоящую организацию, чтоб такие как я и мне подобные, излишнего интереса в чем не положено не проявляли. Но народ-то он ведь все знает, ему рот не закроешь, так что живет эта история, хотя веры большой на этот счет не имею.

– Но все равно информация, как говорится, к размышлению. Я так думаю, пройдет время, архивы секретные не иначе как откроют и такие как ты, – начальник угрозыска ткнул пальцем в мою сторону, – разберутся с этим делом до конца. Так говорю?

Мне не оставалось ничего другого, как утвердительно кивнуть головой, что я и сделал и еще внимательнее взгляделся в вороненый ствол револьвера, подумав, что первый опыт Троцкого даром не прошел и в последующем он уже не промахивался, когда пользовался этим смертельным оружием.

– Я что хотел сказать, – вспомнил еще какую-то подробность раскрасневшийся от долгого рассказа эксперт, – слышал от одного бывшего большого начальника, будто Троцкий на всю жизнь эту свою неудачу запомнил и когда большевики к власти пришли, то в Тобольск было направлено предписание эту самую Рахиль найти и привезти под конвоем в Москву. Только ее к тому времени, и след простыл, ищи ветра в поле. И тогда же решено было центр губернии из Тобольска в Тюмень перевести. Так вот товарищ Троцкий отомстил всем нам за конфуз свой.

– Ну, ты и загнул, – фыркнул, чуть оттопырив верхнюю губу Александр Павлович, – говори, говори, да не заговаривайся. И без того бы отсюда все начальство убрали и в Тюмень перевели, поскольку город и на железной дороге находился тогда и к центру поближе. Тут-то уж Троцкий не при чем.

– Кто знает, может и не при чем, легко согласился эксперт, – но я вам так скажу: дыма без огня не бывает. Врут не врут, а пойдй проверь. Ох, засиделся я с вами, меня уже и потеряли наверняка. Пойду.

Он легко поднялся и вышел за дверь, даже не глянув в мою сторону. Встал и хозяин кабинета и принялся не спеша сгружать обратно в сейф свою огнестрельную коллекцию. Закончив, повернулся ко мне и спросил негромко:

– Ты, это самое, шибко-то не болтай, что сегодня услышал, а то кто узнает, разговоры пойдут, а мне до пенсии еще служить и служить. Все понял?

– Понял, – коротко кивнул я ему в ответ. – Да вы не беспокойтесь, не из болтливых. Все было очень интересно, не ожидал, что в нашем городе такие истории случались.

– Много чего ты еще не знаешь. Может оно и к лучшему. Но ты на ус мотай, авось, когда и сгодится. А с винтовками по городу больше не ходи, а то в следующий раз

непременно привлеку по статье. Иди уж, – и он протянул мне на прощание узкую сухую ладонь.

Через какой-то срок я узнал, что начальника местной уголовки перевели в другой город, говорили, что на повышение. Милицейского эксперта мне несколько раз приходилось встречать в городе, но он или делал вид, что не узнает меня или, в самом деле, мой нечеткий образ выветрился из его памяти, а я сильно на продолжение знакомства и не напрашивался.

А револьвер Троцкого еще долго вспоминался мне, пока совсем недавно не увидел его в коллекции одного моего знакомого, который с гордостью указал мне на него. Поднеся револьвер поближе к глазам, которые без соответствующих диоптрий уже плохо различали мелкие надписи, с удивлением прочел на рукояти «Николай II»! И ни о чем не стал спрашивать. Пусть тот револьвер так и останется для меня со своей первоначальной биографией, которую мне некогда пришлось услышать.